

1
A-7438

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МАТЕРИАЛЫ
XXVII НАУЧНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИНГВИСТИКА

ТАРТУ 1972

Редколлегия: С. Гриценко, В. Гусева, М. Давыденко,
С. Заикина, Э. Либман, А. Мисюк, И. Паперно,
М. Пляханова, Н. Пустыгина, О. Роинсон,
А. Тоотс (ответственный секретарь).

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

274535

I.

ФОЛЬКЛОР, ИСТОРИЯ РУССКОЙ,
СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕ-
РАТУРЫ НАРОДОВ СССР.

МОНОЛОГ И ДИАЛОГ В НАРОДНОЙ ДРАМЕ.
(на материале драмы "Царь Максимиан").¹

А. Байбурин, Э. Либман (ТГУ).

1. П. Г. Богатырев указывал², что основной функцией монолога в народной драме является самохарактеристика героя.

2. Отметим, что, в свою очередь, самохарактеристика героя - обычный способ введения персонажа в действие.

Выделяются 2 типа:

а) с внутримонологической диалогизацией. Примером подобной характеристики является представление "Скорехода-фельдмаршала".

б) монологу предшествует диалог, "нарочито" не вводящий героя в сюжет (случай с "неузнаванием" - Максимиан и др. В форме вопросов задается возможная характеристика самого себя, представленная рядом вариантов, ни один из которых не оказывается верным и поэтому ответы заранее неправильны. Правильный ответ дает сам герой в монологе. Ср. противоположный случай бытования вопросов / ответов "загадочной речи" в целом ряде фольклорных нарративных и ритуальных текстов).

3. Последующее назначение монологов одного и того же действующего лица заключается во введении тех или иных сюжетных коллизий - способ, характерный для народного театра и ранних форм театра "литературного"

¹ Н. Е. Ончуков. Северные народные драмы. СПб., 1911. В дальнейшем страница указана в тексте.

² П. Г. Богатырев. Народный театр чехов и словаков. - В кн.: его же. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

(ср.: "вестник" в античной трагедии. В современном театре общая картина действий восстанавливается по репликам различных персонажей. Появление же подобных "рассказов" воспринимается как подчеркнутый прием).

4. Появление монолога в структуре текста не мотивировано.

5. Механизм диалога в народной драме, по-видимому, связан с представлением о том, что он должен быть построен по другим правилам, нежели диалог бытовой, что проявляется, однако, только в плане выразительности синтаксиса. Ответ строится по вопросу, и сам диалог напоминает ситуацию, возникающую при изучении иностранного языка:

Перв. старик. А ты за кого там был?

Втор. старик. Я там был за боцмана (с.30).

Подобная искусственность присутствует также в ответах на приказания, в принципе не требующих их:

Адольфа. Сходи и приведи ко мне главного министра.

Скороход-фельдмаршал. Пойду и приведу главного министра (с.3).

(Ср. использование этого приема в драматургии Е. Шварца, А. Введенского).

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ СЕВЕРНОРУССКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА.

А. Гура (МГУ).

Свадебный термин определяет функции предметов, действий, лиц, занятых в свадебном обряде, закрепляет эти функции в сознании участников обряда, делает их более различимыми. В свадебной терминологии отражены

только те действующие лица, которые исполняют на свадьбе функции, в обычное, несвадебное время не исполняемые.

Не каждое действующее лицо определяется свадебным термином. Некоторые лица объединяются одним термином, например, "сторона" (зрители), "подкунные" (родственники невесты, отвозящие приданое к жениху). Одно и то же лицо, в зависимости от промежутка обрядового времени, может определяться разными терминами: невеста, стоворенка (с момента рукобитья до дня венчания), молодая (после венчания). Термины на номинативно-терминологическом уровне, такие, как "дружка", "подкунные", "невеста", "сторона", являются основными, постоянными (непоэтическими) терминами свадебного обряда; они используются участниками свадьбы в общении друг с другом. Но, наряду с ними, в поэтических текстах существуют термины, носящие стилистическую (поэтическую) нагрузку. К свадебной терминологии другого, поэтического плана относятся названия участников обряда, предметов и действий, встречающиеся в таких поэтических текстах, как причитания, песни, припевки, величания, приговоры, а также загадки и заговоры. Таким образом, в свадебном обряде, помимо непоэтической терминологии действующих лиц, существует еще и поэтическая терминология, определяющая эти же лица.

Свадебная терминология (непоэтическая) по своему происхождению связана с другими терминологическими сферами: военной (тысяцкий), социальной (большой боярин, большой барин), терминологией родства (большой брат, рожники). В ряде случаев она возникает на основе определения отдельных качеств действующего лица (лихой человек), действия или предмета, с которыми связан участник свадьбы (зватый, вывожельница, вытница, костоглот, коровайный), отношения одного свадебного лица к другому (подсвашье, подружье, полудружье, малый

барии). Среди свадебных терминов встречаются и прямые заимствования, например, "брудга" - 'сваха со стороны невесты' (из древнешведского).

В перечисленных свадебно-поэтических жанрах встречается не только поэтическая терминология, но и основная, при этом сравнительный анализ текстов показывает, что они взаимозаменяемы.

Поэтические тексты, принадлежащие к разным жанрам, находятся в прямой зависимости от того или иного промежутка свадебного времени: в послевенчалное время преобладают песни, причеты начинаются после сватовства или рукобитья и обрываются отъездом жениха и невесты к венцу. Эти же тексты обнаруживают прямую связь с действующими лицами свадебного обряда.

Среди отвлеченных терминов причетов и песен встречаются такие, которые можно было бы назвать вторичными, так как исполнители расшифровывают их при помощи более привычных.

В зависимости от разных жанров, одному и тому же участнику обряда могут соответствовать разные термины.

Поэтическая терминология, в отличие от непоэтической, будет зависеть и даже изменяться в зависимости от действующего лица свадебного обряда.

Использование разных жанров свадебно-поэтических текстов также зависит от действующего лица: жанром причета будет пользоваться главным образом невеста, песни - девушки и женщины, приговором - дружка, сват и зрители, заговором - колдун.

В поэтической терминологии шире представлен инвентарь, заимствованный из других терминологических сфер.

Существуют 2 противопоставленные друг другу формы приговора свате на сватовстве: первая - "у вас

есть товар, у нас купец" или аналогичная ей "у нас есть жених, у вас невеста", вторая - "мы приехали за добрым делом, за сватовством".

Особенно часто поэтические термины соотносят действующих лиц с миром природы: животными, растениями, природными явлениями.

Интересны поэтические термины, связанные с животными, встретившиеся в жанре загадки. Дружка загадывает: "Бык или пороз?". Он отвечает: "Не бык, не пороз, а весь поезд". Очевидно, "бык" и "пороз" - это жених. Смысл сопоставления жениха с этими животными становится понятным, если учесть, что старославянское праз и древнерусское порозь обозначают барана, русское диалектное "пороз" - 'некладеный олень', а сербохорватское "празовит" значит 'некладеный'. Оба термина обозначают животных, являющихся символом мужчины. Согласно этимологии М. Фасмера, А.Г. Преображенского, А. Брокнера и др., с быком связано и слово "коровай". Каравай первоначально был только свадебным хлебом.

Среди поэтических терминов некоторые соотносят участников свадьбы с растениями.

Материалом для доклада послужили описания свадебных обрядов на территории четырех северных губерний: Вологодской, Архангельской, Олонецкой и Новгородской. Среди использованных описаний свыше 100 опубликованных, 24 архивных (из Архива Вологодской области, Архива ИРЛИ и Никольской городской библиотеки), а также 14 собственных записей, сделанных летом 1971 года в Вологодском, Шекснинском, Междуреченском и Никольском районах Вологодской области.

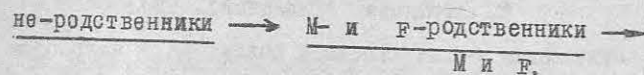
К ОПИСАНИЮ СТРУКТУРЫ РУССКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА.

А. Байбури (ТГУ).

При определении одной из основных функций свадебного обряда как перехода жениха и невесты на более высокую ступень в социальной и половозрастной структуре общества - мы невольно исходим из представления о героичности свадьбы. А между тем, анализируя полевой материал, убедились в упрощенности такой интерпретации. Героичность на некоторых уровнях оказывается кажущейся.

Здесь выявляется одно из существенных отличий в построении ряда свадебных песен, с одной стороны, с их подчеркнутой героичностью, и ритуальных действий, - с другой, из которых жених и невеста зачастую вообще исключены, а на остальных этапах действуют как мажоранты - следствие вообще характерного для ритуала принципа: "делай как я". Причем, в качестве "я" выступает целый ряд заместителей жениха и невесты по мере развития ритуала (сваты, тысяцкий, дружки, подружки и т.д.). Вероятно, скорее можно говорить о направленности свадебного обряда, при его Г-ориентированности в русском варианте. Но что еще более любопытно - обряд направлен не только на жениха и невесту. Если обратить внимание на весь комплекс замен, то нетрудно убедиться, что в ряде случаев, этому же подвергаются и ближайшие родственники жениха и невесты. Объяснение этому, как кажется, можно найти в существовании еще одной, не менее важной функции обряда на социальном уровне: родственники обеих партий должны породниться между собой. Т.е. обряд проходит не только жених и невеста, но и их родственники. О двух смыслах свадьбы говорит и факт двойного исключения указанных представителей из основных моментов обряда,

где главную роль играют не-родственники. Схема направленности свадебного обряда в общем виде выглядит так:

Таким образом, "не-родственники" выступают в качестве "посвящающих" не только жениха и невесту, но и родственников обеих партий с целью урегулирования разорванных связей в Г-партии путем приобретения новых родственных отношений и, соответственно, восстановления равновесия в социальной организации М-партии.

Можно предложить еще один способ членения общей синтагматики свадебного обряда, дополняющий предложенный нами ранее и акцентирующий некоторые его моменты.

При этом оказывается любопытным проследить характер смены чинов, выполняющих основную роль на различных этапах обряда, обращая внимание лишь на их отношение к жениху и невесте по принципу: родственники - не-родственники.

	М-партия	Г-партия
1. сватовство	не-родств.	родств.
2. Богомолье рукобитье смотрины	родств.	родств.
3. Свадебный день	не-родств.	не-родств.

Особое внимание следует обратить на те сегменты, где в качестве основных действующих лиц не-родственники, т.е. на основании вышесказанного их следует признать ритуально необходимыми хотя бы для одной из партий (ср.: сватовство - формально обязательно не только для М-партии, но, в сущности, для всего обряда). Для Г-партии только свадебный день, чем как бы подчеркивается одноактность свадьбы для Г-партии и необходимость предварительного хода для М-партии. Эти выводы получают особое значение при сопоставлении свадебного обряда и нарратива.

О СМОЛЕНСКИХ ПРИЧИТАНИЯХ.

Е. Тарасова (Смоленский ПИ).

Причитание — единственный фольклорный жанр, где традиция не играет определяющей роли. Но, не определяя жанра, традиция, и только она, делает возможным описание и изучение областных типов причети, а через них и самого жанра.

Постоянными традиционными элементами причитаний являются поэтические формулы и тематические звенья — большие, устойчивые по тематике части причитаний. Одни и те же поэтические формулы, в отличие от тематических звеньев, не имеющих границ использования, встречаются лишь на определенной ограниченной территории. Поэтические формулы не являются обязательным традиционным элементом причитаний. При их отсутствии традиция заключена в постоянных тематических звеньях причети. Традиционные поэтические формулы обуславливают традицию лишь областного типа причитаний, тогда как тематические звенья обуславливают традицию как областного типа, так и самого жанра причитаний.

Основные традиционные формулы смоленской причети имеют следующий вид:

1. Что ж ты загадала загадушку, задумала думушку, что ни раздумать, ни разгадать, ни добрым людям рассказать?
2. Куда ж ты отлетаешь, на кого покидаешь?
3. По которой дороге нам тебя сустрекати, с которой сторонушки дождати?
4. Гляну на все четыре сторонушки — запутели все наши углушки.

5. Откуль теплый ветричек повеет, жаркое солнышко пригреет?

6. Не увидим твоего следочка, не услышим твоего голосочка.

7. Мы же на тебя надеялись и начаялись.

8. К какому бережку головушку прихинуть?

9. Зарастут стежки-дорожки травушкой-муравушкой.

10. Разлетелись, словно птушечки, по чужим гнездышкам.

11. Некому сустренуть, некому провадить.

12. Возьми ты нас под правое крылышко, пригрей, как красное солнышко.

13. Скинься ты сизым голубочком, прилети к нам хоть на одну минуточку, на одну часиночку, разгадай наше горюшко великое.

Из образца в образец они повторяются дословно или с небольшими изменениями, состоящими в синонимической замене слов, в изменении порядка слов, в утрате в распространенных формулах отдельных частей, но не развертываются. Ни в одном причитании не встречается всех формул. Их количество в одном образце колеблется от одной-двух до шести-семи. Не имеют они и строгого порядка следования.

В смоленских причитаниях выделяется четыре тематических звена: "упрек", "сиротская участь", "ожидание", "судьба покойного". Первые три тематических звена чаще всего импровизируются на основе традиционных поэтических формул, импровизация последнего осуществляется без них.

Тематическое звено "упрек" является звеном вступления, зачином и содержит несколько таких моментов, которые развиваются в дальнейшем в основных тема-

тических звеньях "сиротская участь" и "ожидание":

1. систему сравнений родных покойного с птицами;
2. систему олицетворений самого покойного в птицах (символику птиц);
3. вопрос-формулу "куда отлетишь?", предполагающий вопрос-формулу тематического звена "ожидание" - "откуда идти в гости?"

Тематическое звено "сиротская участь" - главное. Причитание может быть построено на одном этом тематическом звене при отсутствии всех других. Звено это сложное и распадается на ряд более мелких, частных тематических звеньев: на звено "скитание по чужим углам", на звено "отсутствие работника", "отсутствие заступника", "отсутствие наставника", на звено "одиночество" и "несбывшиеся надежды".

Система сравнений тематического звена "сиротская участь" и система олицетворений тематического звена "ожидание" используют одни и те же образы птиц. Но явления эти - разнородные. Символика птиц в причитаниях идет от древнейшего представления о связи умерших с миром птиц и, кроме художественной, несет культовую нагрузку; сравнения же живых с птицами - чисто художественный прием причети. Эти явления, в силу своей разнородности, как правило, не смешиваются: сравниваются с птицами живые, олицетворяются в птицах мертвые. Конкретно представление о связи умершего с птицами в смоленских причитаниях выражается в посредничестве птиц между миром живых и миром мертвых. Покойный превращается в птицу для того, чтобы попасть в загробный мир и чтобы вернуться в гости к родным. Птицы, ни как вестники от покойных или как посыльные к покойным от живых, ни как виновники смерти, в смоленских причитаниях не встречаются.

В смоленской причети мы встречаем следующие образы птиц: перепелочка, кукушечка, голубь, ласточка,

лебедушка, сокол, просто пташечка.

Растительная символика в смоленских причитаниях почти не развита.

Тематическое звено "судьба покойного" в смоленских причитаниях, как и тематическое звено "сиротская участь", сложное. Оно имеет ряд частных моментов: воспоминания об отношении к умершему, случаи доброты его души, его слова и наставления, воспоминания о болезни покойного, его последнем желании, о наступлении смерти, состояние дел покойного и его семьи, просьбы передать поклоны ранее умершим родственникам.

Помимо тематических звеньев, в смоленской причети есть и обрядовые мотивы, но их немного: в имеющихся материалах из обрядовых мотивов присутствуют лишь описание гроба и описание "пути" покойного. Малое распространение в смоленских причитаниях обрядовых мотивов может свидетельствовать о слабой связи смоленских причитаний с отдельными моментами похоронного обряда.

СМОЛЕНСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРУГИМИ ТИПАМИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПРИЧЕТИ.

Е. Тарасова (Смоленский ПИ).

Проблема областного изучения общерусской причети, поставленная полвека назад М.К. Азедовским, и сейчас остается главной для исследователей причети: жанр общерусских причитаний отчетливо определится лишь тогда, когда с описанием областных типов причитаний выявится общность элементов их тематики и поэтической системы. В эту же проблему непосредственно упирается и проблема изучения восточнославянской причети.

Описание смоленского типа причитаний велось нами по возможности в русле этих двух проблем. При анализе рабочего материала (43 текста смоленских причитаний) в качестве сравнительного материала привлекались данные как по олонецким и ленским (описанным типам русской причеты), так и по украинским и белорусским причитаниям.

Анализ тематики смоленского типа причитаний в сравнении с ленским, олонецким, украинским и белорусским типами показал, что смоленские образцы в тематическом отношении близки названным типам. В каждом из них импровизируются устойчивые тематические звенья: "упрек", "сиротская участь", "ожидание". В то же время, смоленский тип по тематике богаче ленского, так как он развивает тематическое звено "судьба покойного", отсутствующее в ленском типе, но беднее белорусского. В последнем тематическое звено "судьба покойного" распадается на гораздо большее число мелких тематических звеньев, нежели в смоленском типе. В количестве же обрядовых звеньев смоленские причитания уступают как ленским, так и белорусским.

Поэтические системы рассмотренных типов также похожи, хотя отличий в поэтике больше, чем в тематике.

4. В смоленских причитаниях, по сравнению с белорусскими, украинскими и частично с ленскими, менее выражено творческое отношение исполнителей к традиционным элементам. Если в белорусском, ленском и украинском типах мы наблюдаем явление развертывания традиционных поэтических формул при импровизации тематических звеньев, то в смоленских причитаниях это явление не встречается.

Отсутствие в смоленском типе причитаний такого явления, как неограниченное расширение круга общепринятых образов-символов и образов-сравнений, характер-

ного для белорусской и украинской причеты, сближает смоленский тип с ленским: и в том и в другом количество образов-символов и образов-сравнений ограничено.

2. От белорусского и украинского смоленский тип отличается меньшей эмоциональностью. В нем менее ярко, чем в украинском и белорусском типах, выражено явление накопления образов-символов и образов-сравнений в каждом отдельном тексте, усиливающее эмоциональную напряженность. Это также сближает смоленский тип с ленским.

3. В отличие и от белорусского, и от украинского, и от ленского типов, смоленская причета лишена той яркости и живописности, которую придают названным типам картины природы в ряде тематических звеньев, а также многочисленные описания (описание гроба, стихий, "пути" покойного и др.) в обрядовых звеньях: обрядовых звеньев в смоленской причете мало, а картин природы нет совсем.

С описанием смоленского типа причитаний на основании теперь уже пяти более или менее изученных типов причеты (олонецкого, ленского, смоленского, украинского и белорусского) более отчетливо вырисовываются некоторые общие, то есть жанровые черты восточнославянской причеты: устойчивость и повторяемость одних и тех же тематических звеньев как у территориально близких типов причитаний (смоленский, белорусский), так и у территориально отдаленных (смоленский, ленский), использование в причитаниях традиционных поэтических формул, сходных у территориально близких (смоленский, белорусский) и различных у территориально отдаленных (смоленский, ленский) типов, употребление символических образов птиц во всех без исключения названных типах и образов растений в большинстве типов причеты (в смоленском, олонецком, украинском, белорусском).

Таким образом, каждое новое описание областного типа русской причеты будет следующим шагом в разрешении проблемы изучения восточнославянской причеты.

"РУССКИЙ ВРЕМЕННОК" И ЛЕТОПИСНЫЕ ТРАДИЦИИ ХУІ ВЕКА.

Ю. Мельников (МГИИ).

"Русский временник" — памятник русского летописания ХУІ века, заключающий в себе сведения до 1533 года и состоящий из летописного свода сложного состава. В настоящее время известны четыре рукописи, имеющие в своем составе "Русский временник", которые образуют две ветви:

1) рукопись ГБЛ, Рум., № 255 (соединение Русского временника и Летописца начала царства), 2) рукописи ГИМ, Чертк., № 100, 101, ЦГАДА, Обол., № 46 и ЛОИИ, Лихачева, № 513 (соединение Хронографѣ редакции 1512 года, Русского временника и позднейших приписок).

Первое издание Русского временника было предпринято в 1790 году, второе — в 1820 г.¹ До последнего времени этот летописный свод оставался малоизученным.² Исследователи пользовались не рукописями памятника, а печатными изданиями, которые передавали позднюю версию летописи, к тому же со значительными сокращениями. Только А.Н. Насонов в своей последней работе о русском летописании обратился к рукописной традиции. На основании ранних частей Русского временника и ряда поздних

¹ "Русский временник ...". Часть первая-вторая, М., 1790. То же, М., 1820.

² Ю.Н. Мельников. О Русском временнике. — Материалы научной студенческой конференции МГИИ. Вып. I, М., 1970, с. 82-87.

фрагментов он установил, что этот летописный памятник представляет собой соединение свода 1533 года, вошедшего в Воскресенскую летопись, и новгородского владичного свода 1539 года, отразившегося в списке Дубровского Новгородской IV летописи, к которым был добавлен Хронографѣ редакции 1512 года.³ Однако вопрос о вхождении последнего в Русский временник остается открытым, так как анализ Румянцевского списка не выявил хронографических следов.

В результате проведенного анализа за 1461-1490 гг. можно в ряде случаев дополнить выводы А.Н. Насонова. За 1473-1485 гг. в Русском временнике обнаружен ряд вставок, отсутствующих в Воскресенской летописи и встречающихся только во Львовской и Софийской II летописях. К ним относятся следующие летописные записи: 1473 г. — перенос останков великой княгини Марьи; 1479 г. — спор о правилах освящения церквей; 1481 г. — приведение городов Дмитрова и Переяславля в осадное положение; 1483 г. — строительство Спасского собора в Москве; 1485 г. — начало войны с Тверским княжеством, строительство трапезы на Симоновом дворе, строительство погреба на Казенном дворе, переход тверских князей к Ивану III, пленение тверского гонца, строительство палаты Ховриным, строительство кирпичных палат Образцом и Головой. В этой части Русский временник особенно близок к Львовской летописи. Вставки отсутствуют в своде 1539 года и имеют характер великокняжеского летописания. Вопрос об их происхождении — предмет специального исследования.

Летописная запись о походе Ивана III на Новгород в 1471 году, находящаяся в Воскресенской летописи, в Русском временнике заменена повестью. Это позднейшая ре-

³ А.Н. Насонов. История русского летописания XI-начала ХУШ века. Очерки и исследования. М., 1969, с. 418-476.

дакция повести "О хождении великого князя Ивана Васильевича на Новгород ратью", представляющая собой соединенные митрополичьей и великокняжеской традиции⁴. Под 1480-1481 гг. помещена повесть "О приходе царя Ахмета на Угру", восходящая к первой ее редакции в Московском летописном своде конца XV века⁵.

Две записи: основание Иосифом Волоцким монастыря и перевод новгородских купцов во Владимир - заимствованы из какого-то источника, близкого к Никоновской летописи.

Редакторской обработке подвергся и материал свода 1533 года. Четыре известия: 1471 года, поездка за казанским ханом Муртозой, возвращение Ивана III из Новгорода; 1473 года, приезд Муртозы в Москву, 1477 года, большой мороз в мае - отсутствуют в Русском временнике.

Анализ сходных текстов Русского временника, Воскресенской и Львовской летописей за 1461-1490 гг. позволяет заключить о близости Русского временника к Львовской летописи. Можно также отметить близость Русского временника к Никоновской летописи, о чем в осторожной форме писал и А.Н. Насонов.

Таким образом, выясняется близость Русского временника к Никоновскому циклу летописных сводов, в который входят Львовская летопись, списки Шумиловский и Академический IV как самостоятельные своды и остальные списки Никоновской летописи как один свод.

Основная тенденция Русского временника - соединенные великокняжеской и митрополичьей традиции в лето-

⁴ Ср.: ПСРЛ, т. 20, ч. 1, с. 283-296; т. 6, с. 1-15; т. 4, часть 1, вып. 2, с. 498-513.

⁵ К.В. Базилевич. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, с. 134-148; И.М. Кудрявцев. "Угорщина" в памятниках древнерусской литературы. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 23-67.

писании. В дальнейшем, в связи со стремлением превратить летопись в свод известий по всемирной и русской истории, ко второй ветви Русского временника был присоединен Хронограф редакции 1512 года. Усиление официального характера летописания отразилось в присоединении к первой ветви Летописца начала царства.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТА ЖИТИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА.

Е. Душечкина (ТГУ).

Аввакум, ставя целью описание своей жизни, исходит из вполне осознанной им системы средневекового житийного жанра, нормами которого он свободно владеет. Однако текст, созданный Аввакумом, не представляет собой простой реализации этих норм. Неоднократно делавшиеся в исследовательской литературе указания на отход от норм житийной литературы, на их разрушение, еще не ведут нас к пониманию специфики идейно-художественного построения "Жития".

При такой интерпретации в качестве идейно и художественно ценного выступает именно разрыв с традицией, как приближение к тем принципам отображения действительности, которые присущи современной литературе и близки к художественным вкусам самих исследователей. Традиция превращается в фактор, который еще тормозит Аввакума, тянет его к уже устаревшим для XVII века формам мышления, порождая в тексте отдельные типично житийные схемы. С этой точки зрения, традиция представляется явлением либо неважным и художественно-неинтересным (тогда она просто отбрасывается), либо вредным, реакционным. Но традиция не может быть отброшена уж хотя бы потому, что она ощутимо проявляется в тексте. Для Аввакума традиция - не просто явление, от которого он уходил, но так и не смог уйти до конца; она для него чрезвычайно

важна — он мыслил в ее терминах.

"Новое", нарушающее житийную традицию, в тексте Аввакума значимо лишь на фоне этой традиции и не будет осознаваться адекватно авторскому замыслу читателем, для которого эта традиция не имеет значимости, чужда или лишена ценности. Поэтому "новое" в тексте "Жития" неотрывно от "старого", живет на его фоне, проецируется на этот фон и не только разрушает, но и оживляет житийную традицию, самим фактом отклонения поддерживая память об ее нормах. Поэтому весь текст Аввакума живет в двойном освещении — он не традиционен и — одновременно — весь может быть (и должен быть) осмыслен в традиционных терминах.

И как существует понятие святости, которое покрывается всей жизнью Аввакума, так же существует и каждый элемент житийной литературы и каждое его понятие, хотя функции его могут выполнять совсем другие элементы, нежели в традиции. То, что текст дупленов (не традиционен, но должен быть построен так, чтобы его можно было приравнять к традиционному), приводит к соотношению его построения с абстрактной нормой житийного текста. При этом отдельные "новые" эпизоды приравниваются "старым", т.е. выступают в их функции. Таким образом, "новое" сосредотачивается в содержании эпизодов, традиционное — в их функции по отношению к целому.

Мы получаем целый ряд понятий, которые представляется возможным трактовать в терминах житийной литературы. Как композиционное место чудес занято нравоучительными рассказами, выполняющими функцию чудес, так и само понятие чудесного существует, хотя и наполняется иным содержанием. Персонажи в "Житии" имеют вполне традиционные амплуа (святой, злодей, грешник и т.д.), хотя амплуа эти меняются в сравнении с традицией. И те действия, которые должен совершать в жизни святой совершаются им, но при этом расширяется набор синонимов

этих действий не только в чисто словесном, но и в фактическом плане.

Традиции не мешают Аввакуму, напротив, — они помогают ему организовать жизнь, которой он живет, подчинить ее сложности четким формулам мышления житийной литературы. Но этим достигается не сужение жизни, а расширение рамок схемы. Ведь всякое осмысление жизненных фактов означает организацию их в какой-либо системе, что помогает осмыслению, но не упрощает их. Житийная традиция — это схема, по которой Аввакум строит свою жизнь. И когда он встречается с явлениями иными, отсутствующими в житиях, он как бы покрывает эти явления понятиями житийной литературы и функционально приравнивает их, что дает ключ к двойному толкованию многих вещей.

Таким образом, каждое свойство персонажа, каждое действие его, может быть отнесено к той или иной житийной категории. Это позволяет неритуализированные жесты трактовать в терминах ритуала, в такой же мере, как и любой психологический жест, побуждение, мысль.

Для Аввакума, человека религиозного, впитавшего в себя многовековой запас мышления житийными трафаретами, осуществление той цели, которую он поставил — осмысление своей жизни, — могло реализоваться единственным путем — путем описания ее в терминах этого трафарета.

К.Ф. КАЛАЙДОВИЧ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

В. Козлов (МГИИИ).

1. Интерес такой постановки вопроса определяется той ролью, которую сыграл Калайдович в становлении древнерусского литературоведения как самостоятельной научной дисциплины.

2. В изучении Калайдовичем древнерусской литературы можно выделить три основных направления: собирание памятников древнерусской литературы и их описание, издание и непосредственное изучение. Все они были тесно взаимосвязаны и в конечном счете являлись следствием его общего интереса к прошлому страны, а также практической реализацией мысли, впервые высказанной еще В.Н. Татищевым и сводившейся к тому, что для написания "полной" истории России необходимо собрать все источники, привести их в известность путем составления специальных описаний, издать, "критически очистить" и только потом приступить к обобщающему труду.

3. За пятнадцать лет активной научной деятельности Калайдовичем были обследованы многие книгохранилища и архивы Москвы, окрестных монастырей и ряда центральных районов страны. В числе их находились Синодальная библиотека, библиотеки Волоколамского, Ново-Спасского, Ново-Иерусалимского, Песнозского, Троице-Сергиева монастырей. Еще более тесными были связи ученого с торговцами старой книгой и рукописями, а также с владельцами частных библиотек: Ф.А. Толстым, Н.П. Румянцевым, Ф.Г. Бузуе, П.И. Хлебниковым. В результате систематических разысканий Калайдовичем были открыты неизвестные до этого произведения древнерусской литературы и памятники древнерусской письменности¹, такие, как произведения Кирилла Туровского, Изборник Святослава 1073 года, Послание митрополита Никифора к Владимиру Мономаху, Ответ тверского епископа Симеона полоцкому князю Константину, сочинения древнерусского математика Кирика, Даниила Заточника, а также ряд древних рукописных книг церковного содержания.

¹ Подробнее об этом см.: В.С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. I. Киев, 1891, с. 173-182.

4. "Время истребляет непреданное тиснению ... Наш долг сохранить сии произведения, дать душу сим тлеющим памятникам", - писал Калайдович в 1823 году.² Введенный им в научный оборот с высокой степенью археографической обработки комплекс литературных памятников Древней Руси надолго служил исследовательской базой для целого поколения ученых.³ В изучении и пропаганде древнерусских произведений не меньшее значение имели составленные им описания крупнейших московских библиотек, в том числе Синодальной⁴ и Ф.А. Толстова.⁵ Не всегда широкие замыслы ученого по выявлению и публикации литературных памятников Древней Руси находили свое воплощение: несмотря на длительную подготовку, из-за материальной зависимости от меценатов остались неосуществленными издания Изборника 1073 года, Синодального списка Новгородской летописи, Поучения Владимира Мономаха, Сказания Хари Шаховского и др.

5. Изучение научного наследия Калайдовича позволяет утверждать, что ему был известен основной круг древнерусских литературных сочинений. Летописи, Степенная книга, жития святых, сказания, Кормчие книги - самостоятельный предмет исследований Калайдовича с точки зрения установления их авторов, времени создания, стиля, идейной направленности, художественных достоинств, а летописец Нестор и древнерусский писец -

² К. Калайдович. Речь благочестивейшей государыне Анне Иоанновне. - Труды Общества любителей российской словесности, ч. III, М., 1823, с. 98.

³ См. например, "Русские достопамятности", ч. I. М., 1815; "Памятники российской словесности XII века". М., 1822.

⁴ ГБЛ, ф. 310, карт. 1412.

⁵ К. Калайдович, П. Строев. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в библиотеке... Федора Андреевича Толстова. М., 1825.

его основные герои, которых он пытается понять, объяснить, применяя для этого несколько измененную шлецеровскую методику. Таковы его исследования об авторах Степенной⁶ и Царственной книг⁷, Житии Сергия Радонежского⁸, Кирилле Туровском⁹.

6. Калайдович был одним из первых в России историков древнерусской культуры. Его в одинаковой степени интересовало и само произведение, и почерк, которым оно написано, и особенности языка. Обширный круг изучаемых им вопросов — показатель не только широты интересов самого ученого, но и свидетельство недостаточной развитости и специализации исторической науки того периода. В то же время, те отдельные наблюдения и выводы, которые были сделаны Калайдовичем, послужили основой для развития многих исторических дисциплин. Обращение его к литературе Древней Руси, как к специальному предмету изучения, способствовало зарождению древнерусского литературоведения как самостоятельной научной дисциплины.

⁶ К. Калайдович. Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение книги Степенной. — "Вестник Европы", 1813, № 21.

⁷ ЦГАДА, ф. 17, ед. хр. 50 доп. лл. 158—160.

⁸ Там же, лл. 145—149.

⁹ В. П. Козлов. К. Ф. Калайдович — издатель произведения Кирилла Туровского. — Материалы научной студенческой конференции МГИАИ, вып. II. М., 1970, с. 24—29.

В. Ф. РЖИГА И ЕГО РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВЕКА.

А. Майорова (МГИАИ).

Видный филолог В. Ф. Ржигя (1883—1960) занимался историей русской литературы на протяжении пятидесяти с лишним лет. Тематика его работ разнообразна — от "Слова о Полку Игореве" до произведений А. С. Пушкина.

Жизнь и творчество его еще не исследованы: в 1961 году был опубликован лишь небольшой некролог и список трудов В. Ф. Ржиги.¹

Архив В. Ф. Ржиги поступил в Отдел рукописей Государственной Библиотеки В. И. Ленина в 1963 году. Его материалы содержат биографические сведения и позволяют судить о тематике и особенностях творчества ученого.

В. Ф. Ржигя окончил словесное отделение историко-филологического факультета Московского университета в 1907 году, а с 1914 года стал приват-доцентом университета. В 1918 году он получил звание профессора. В. Ф. Ржигя преподавал в Московских университетах, в ташкентских педагогических институтах, работал в Научно-исследовательском институте языка и литературы РАНИОН. С 1941 года и до конца своей жизни В. Ф. Ржигя преподавал в МГПИ им. В. И. Ленина и в МГУ.

На формирование творческих интересов В. Ф. Ржиги оказал большое влияние его учитель С. К. Шамбинаго. Это сказалось как на тематике его работ, так и на методе.

К началу XX века в русской науке уже существовала прочная традиция в изучении истории литературы XVII века

¹ Н. К. Гудз и И. В. Ф. Ржигя. — ТОДРЛ, т. ХУП, М.—Л., 1961, с. 685—692.

(труды М.А. Дьяконова, И.Н. Жданова, В.И. Жмакина, И.П. Хрущева). Но исследования касались только церковной литературы, которая рассматривалась под углом зрения борьбы иосифлян и настоятелей.

В.Ф. Ржигу взглянул иначе на эту тему. Уже первая его монография посвящена светскому публицисту.² Он впервые опубликовал произведения И.С. Пересветова и дал обстоятельный очерк его жизни и творчества.

В.Ф. Ржигу и в дальнейшем продолжал заниматься публицистикой XVII века. Однако наиболее важные открытия были сделаны им в первый период научной деятельности.

В.Ф. Ржигу открыл и исследовал наследие замечательного писателя XVII века Ф.И. Карпова.³ Он дал новую оценку творчеству Максима Грека, в результате чего открылась новая сторона деятельности этого церковного публициста — светская; ему принадлежит первая и пока единственная монография о Ермолае-Еразме.⁴ В.Ф. Ржигу, по существу, открыл русскую светскую публицистику XVII века.

Для всех его работ характерно выявление новых текстов, пристальное изучение источников, внимательное отношение к социальным основам взглядов публицистов.

Работы В.Ф. Ржигу по истории русской публицистики XVII века оказали значительное влияние на последующую историографию (исследования Н.А. Казаковой, А.И. Клибанова, Я.С. Лурье, А.Е. Синициной и др.) — как

² В.Ф. Ржигу. И.С. Пересветов, публицист XVII века. — "Чтения ОИДР", кн. I, 1908.

³ В.Ф. Ржигу. Боярин-западник XVII в. — Уч. зап. Института истории РАНИОН, т. IV, М., 1929.

⁴ В.Ф. Ржигу. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — Летпись занятий Археологической комиссии, Л., 1926.

своей тематикой, так и постановкой вопросов.

ГЕНЕАЛОГИЯ И ПОИСК МАТЕРИАЛОВ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

О. Петрова (МГИАИ).

Одной из задач изучения русской литературы является поиск новых материалов, относящихся как к творчеству, так и к биографии писателя. Сложность состоит в том, что хранятся они у частных лиц, чаще всего у родственников писателя, его потомков (по прямой и боковым линиям), друзей и знакомых и их потомков. Поэтому научная организация поиска должна основываться на тщательном изучении генеалогии писателя и его окружения.

Значение генеалогических розысканий можно проследить на примерах деятельности В.Д. Бонч-Бруевича, Б.Л. Модзалевского, И.Л. Андронникова, Н.А. Раевского, М.А. и Т.Г. Цявловских, Н.Я. Эйдельмана и др.

Трудности поиска очевидны: утрачены многие связывающие звенья в судьбах людей и документов. Потребуются усилия не одного лица, но тем не менее специальные розыскания необходимы, так как обязательно обогатят науку новыми материалами.

Для поисков потомков — возможных владельцев документов — необходимо привлечение большого круга справочных средств, в первую очередь генеалогической литературы: специальных сборников (П. Долгорукова, В. В. Руммеля, В.В. Голубцова, А.Б. Лобанова-Ростовского и др.), отдельных родословий, напечатанных в различных изданиях (в "Дворянском адрес-календаре" за 1897-1899 гг., "Летописях" Историко-родословного и "Известиях" Русского

генеалогического обществ и др.)¹.

Однако эти сборники сообщают сведения до конца XIX века или, в лучшем случае, включая первые годы XX века. Их дополняют гораздо менее известные материалы — собрания рукописных родословных росписей видных московских генеалогов А.А. Сиверса (1868—1954)², В.И. Чернопятова (1857—1935)³, Н.П. Чулкова (1870—1940)⁴, частные собрания И.М. Картевцова (ум. в 1972 году) и Ю.Б. Шмарова.

Каждое из этих собраний располагает сотнями родословий (например, в фонде Н.П. Чулкова — 600). Значение этих росписей в том, что большое количество из них хронологически охватывает важный для поиска период — 20-ые, а иногда и 30-ые, 40-ые годы XX века.

Собрания генеалогов не ограничиваются рукописными родословиями; наряду с ними важными являются книги из библиотек с рукописными пометами. (Пока точно известно о таких книгах из библиотек А.А. Сиверса (ГИМ), Н.П. Чулкова (ГЛМ) и Ю.Б. Шмарова). Следует отметить обилие помет в настольных книгах каждого генеалога — сборнике В.В. Руммеля и В.В. Голубцова, а также сборнике А.Б. Лобанова—Ростовского, где значительная часть родословий продолжена сведениями о последующих поколениях.

¹ Библиографию по генеалогии см.: Л.М. С а в е л о в. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. Острогжск, 1898; Д.В. Ульянинский. Библиотека Д.В. Ульянинского. Библиографическое описание, т.3. М., 1915.

² ГИМ, ОПИ.

³ ГБЛ, ф.329.

⁴ Отдел фондов Государственного литературного музея.

Уникальными генеалогическими и биографическими справочниками являются картотеки А.А.Сиверса (ГИМ) и Н.П.Чулкова (ГЛМ), которые имеют не только прикладной характер, но и самостоятельное значение. Здесь можно найти сведения о лицах, не вошедших в росписи; а также при поиске потомков по женской линии — получить отсылку на измененную в браке фамилию.

Исключительной по своему значению можно считать коллекцию портретов из собрания Ю.Б.Шмарова (7—8 тысяч портретов). Иконографический материал важен при определении места службы лица по форме или же по орденам.

Все указанные генеалогические собрания содержат большое количество фактического материала. Использование их для будущих поисков таит в себе немало открытий.

Дальнейшая задача состоит в выявлении архивов генеалогического характера и развитии методики генеалогического поиска.

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ В СОЗНАНИИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.Н. РАДИЩЕВА.
(К постановке проблемы).

И. Душечкина (ТГУ).

I. I. XVIII век дал два типа отношения к историческому факту:

- а) с позиции теории, свойственные общественным теориям просветителей, когда факты истории или игнорируются, или привлекаются для иллюстрации того или иного положения;
- б) с позиции истории, когда существование какого-либо явления считается доказательством его оправданности; такое отношение к историческому факту свойственно историкам, непосредственно с Просвещением не связанным.

2. А.Н. Радищев — сторонник идей просвещения, общественного договора, естественного права и других просветительских теорий. Для доказательства правильности этих теорий он тщательно изучает историю Древней Руси.

3. Синтезируя в себе две, во многом противоречивые, точки зрения, Радищев полемизирует с обеими. В результате возникает новая, оригинальная система взглядов.

4. Рядом с интересом к фактам истории Древней Руси для Радищева стоит интерес к духовной жизни русского народа. Оба этих вопроса, тесно переплетенные в сознании Радищева, и составляют проблематику предложенной темы.

5. Несмотря на довольно подробное изучение многими исследователями взгляда Радищева на древнерусскую историю, вопроса об изучении комплекса взглядов А.Н. Радищева на древнерусскую историю и культуру

не ставилось.

II. Круг источников данной проблемы определяется:

1. Выписками А.Н. Радищева из "Летописи Нестеровой по Кенигсбергскому списку" и из исторических трудов русских историков (2 тома "Истории" В.Н. Татищева, статьи Г.Ф. Миллера в "Ежемесячных сочинениях"), из "Уложения" царя Алексея Михайловича, из указов других царей.

2. Произведениями А.Н. Радищева, в которых он обращается к проблемам истории и культуры Древней Руси ("Путешествие из Петербурга в Москву", главы "Новгород" и "Клин", "Краткое повествование о приобретении Сибири", "Слово о Ермаке", "Песни, петне на состязаниях в честь древним славянским божествам").

III. Проблема отражения культуры и истории Древней Руси в сознании и творчестве Радищева распадается на ряд частных проблем:

1. Изучение вопроса об обращении Радищева к древнерусской истории в связи с проблемами общественного договора, народного суверенитета, государственной власти и т.д., проясняет для нас позицию Радищева в решении этих проблем.

2. С традициями древнерусской культуры связано для Радищева и решение вопроса об отношении к преемственности как религиозной и культурной традиции.

3. С культурой и литературой Древней Руси связано и создание Радищевым ораторского языка его произведений — сознательно архаизированного, славянизированного, ориентированного на язык произведений древнерусской литературы, связанных с религиозным сознанием.

К ПРОБЛЕМЕ НЕОКЛАССИЦИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА.

Л. Петина (ТГУ).

1. Начало XIX века отмечено во всей Европе интересом к античности и активизацией ее изучения. Предметом исследований в первую очередь становятся скульптура и архитектура.

2. Ни в одну другую эпоху теория искусства не была источником такого сильного влияния на литературу и литературную критику. Причем для эстетического сознания людей начала XIX века характерен эклектизм, приверженность одновременно двум теориям: "антично-классической доктрине" Винкельмана, Лессинга, Менгса и "теории свободной эстетизации".¹ Это в свою очередь составляет специфику неоклассического направления, определяет столь характерное для начала XIX века слияние рассудочности с чувствительностью.

3. Взгляд на литературу сквозь призму теории изобразительного искусства приводит к обложению литературы, скульптуры, живописи и архитектуры. Устанавливаются соотношения между Живописью и Поэзией (Статьи в "Журнале Нанцих Искусств" В. Григорьевича: "Об отношении древней в новейшей Живописи к Поэзии", "О пределах между Живописью и Поэзией, и о том, что они искусства могут заимствовать одно от другого"). Разбор скульптур строится как сопоставление с литературным образцом. Критика литературных произведений отражает общие положения искусствоведческих теорий.

4. Можно отметить проникновение эстетики скульптуры в поэзию (К. Батшков) и прозу ("Письма из Москвы в Нижний Новгород" И.М. Мухоморова-Апостола, проза К. Батшкова).

¹ См. об этих теориях в кн. Бенуа Франсуа. "Искусство Франции эпохи революции и первой империи", М.-Л.

5. Если говорить о ценностной иерархии знаний в системе неоклассицизма, то на верхней ступени будут Археология, История, Скульптура, ниже Живопись и Литература. Не случайно, став президентом Академии Художеств, А.Н. Оленин в первую очередь делает "серьезную попытку ввести археологию в общий курс художественного образования".² В предисловии к "Илиаде" Гомера Гнедич отмечает, что только Археология с исчерпывающей полнотой может "ввести в круг понятий, нравов и вещей, познакомить с страной и духом века ..."³

6. Античность признается источником всего прекрасного, но считается уже культурой "не исключительной, а принципиально равной культурам других народов".⁴ Это дает возможность соотношения античной культуры с русской.

7. Античная культура народна, фольклорна, и в этом смысле она образец. Русская культура должна ее напоминать, быть ей подобной. Здесь характерна постановка проблемы русского гекзаметра, литературные опыты Гнедича. Примером неоклассического мировоззрения могут служить небольшие заметки К. Батшкова на принадлежащем ему экземпляре "*Jerusalem liberata*".⁵

8. Стремление создать русскую культуру по образцу античной в сознании людей XIX века связывается с представлением об античности как воплощении простоты, ясности и гармоничности. Это становится понятным в

² Ф.Г. С о л н ц е в. Моя жизнь и художественно-археологические труды. - "Русская Старина", 1876, с.313.

³ Н.И. Г н е д и ч. Предисловие к "Илиаде" Гомера. В кн.: Илиада Гомера, переведенная Н.Гнедичем, СПб., 1829, с.1.

⁴ Н.И. М о р д о в ч е н к о. Русская критика первой четверти XIX века. М.-Л., 1959, с.50.

контексте всей литературы эпохи начала XIX века. Таким образом организованная античность выдвигается как сила, претивостоящая, с одной стороны, мистицизму английских и немецких писателей, "которые проводят целые ночи на гробах и бедное человечество пугают приведениями, духами, страшным судом, а более всего своим слогом"⁵, с другой стороны, "изнеженному и жеманному" вкусу французов.

9. Литературная эпоха может быть представлена множеством литературных направлений, соотносенных и противопоставленных друг другу. В этой связи неоклассицизм включается в систему литературных направлений эпохи, влияние которых в значительной степени на себе испытывает. Вопрос о неоклассицизме как некотором мировосприятии и литературном направлении интересен для понимания творчества К.Н. Батюшкова, Н.И. Гнедича, А.Н. Дельвига и литературы начала XIX века в целом.

⁵ " на стр. 15, противу строфы ХЛП (...): описание отрядов, которым смерть ни по чем, где приказано, по команде, которые привычны отогреваться зимою в теплых гостиницах и весело похваливать угощение, примечание карандашом: "Русские солдаты". Там же, против "описание прибывших двух сотен Греков (висят на боку кривые их сабли, звенят на спине колчаны и луки, привычны к бегу их лошади, непобедимы усталостью, умеренны в пище, быстры в нападении и отступлении, дерутся на бегу в рассыпную и т.п.), примечание карандашом: "Можно ли лучше изобразить наших казаков?" - К.Н. Б а т ю ш - к о в. Сочинения. т.П, СПб., 1885, с.460.

⁶ Там же, с.22. См. примечания с.386.

М.М. СПЕРАНСКИЙ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(К 200-летию со дня рождения)

Л. Киселева (ТГУ)

1. Жизнь и деятельность гр. М.М. Сперанского может быть рассмотрена с многих сторон. Прежде всего - с точки зрения исторического значения его как государственного и политического деятеля, значения его проектов преобразования России, причины его неудач как реформатора.¹

2. Другой аспект - биографический. Необыкновенно яркая биография Сперанского таит в себе массу нерешенных вопросов (в частности, один из центральных - вопрос о его ссылке).² Интересны и мало исследованы личные отношения Сперанского со многими выдающимися его современниками (деятелями Негласного комитета, Аракчеевым, Карамзиным, декабристами - в особенности Г.С. Батеньковым, Пушкиным, наконец с самим Александром I и мн. др.).

¹ Эта сторона деятельности Сперанского неоднократно привлекала внимание исследователей. Об этом писали М.А. Корф, Ф. Дмитриев, А.Н. Пыпин, М.В. Довнар-Запольский, С.М. Середонин, В.И. Самевский, С.Б. Окунь, А.В. Прелаченский, С.Н. Валк и мн. др. Однако, нельзя сказать, чтобы Сперанский с этой стороны был бы до конца изучен. Не исследован в должной мере и его огромный, содержащий самые разнообразные материалы, архив.

² Отметим, что несмотря на обилие литературы (особенно биографического характера), единственным фундаментальным источником сведений о Сперанском остается книга бар. М.А. Корфа "Жизнь гр. М.М. Сперанского" (т. I-II. СПб., 1861), в свое время явившаяся большим достижением в изучении Сперанского и во многом не утратившая своей ценности до настоящего времени, но тем не менее уже устаревшая.

3. Пресматривая мемуары, записки, дневники, письма, рукописные сборники I половины XIX в., можно заметить, что личность и деятельность М.М. Сперанского вызвала живой интерес не только у его современников, но и у последующих поколений. Его происхождение, его личность, блестящая карьера, реформаторская деятельность, удлинённая личная жизнь и неожиданное падение привлекали всеобщее внимание. Сочувствующих ему было немало. Своей "партии" он не создал, да и не мог создать. В основном, мы можем говорить об оппозиции к нему.

4. Рассматривая деятельность Сперанского до 1812 г., мы можем заметить, что отношение к нему до 1808 г. (до Эрфурта) было, по преимуществу, доброжелательным, поэтому "Сатира к С <перанскому> об истинном благородстве" А.Ф. Весейкова (1806) не кажется столь уникальной. Не с начала его возвышения, а особенно после указов 3.IV и 6.VI 1809 г. ненависть к нему становится постоянной всеобщей.

5. Чисто условно мы выделяем дворянскую и чиновничью оппозицию к Сперанскому, следуя его собственной мысли о том, что его преследовала "толпа подъячих" и "толпа вельмож".

6. Дворянская оппозиция к нему была далеко не однородна. Наиболее примечательный взгляд отразился с предельной полнотой в мемуарах В.И. Бакуниной³, Ф.Ф. Вигеля.⁴ Центром, где он культивировался, была Тверь.⁵

³ В.И. Бакунина в. 1812 год. Из записок. - "Русская старина", 1885, сентябрь, т. 47.

⁴ Ф.Ф. Вигель. Воспоминания. М., 1864.

⁵ Связанную с тверским лагерем "Записку о древней и новой России" Н.М. Карамзина нужно, конечно, рассматривать совершенно особо.

Сперанский изображается не свидетельствами этих источников дерзким пеповичем, списавшим свои учреждения с французского образца, или министром, союзником Наполеона и участником заговора против России⁶ (вопрос, насколько искренни были подобные заявления, в данном случае не играет решающей роли).

7. Другой взгляд, более тонкий, полный не ненависти, а скорее презрения, выразили Н.И. Тургенев⁷ и кн. П.А. Вяземский⁸ с одной стороны - это презрение к Сперанскому как человеку, по их мнению, лишенного моральных качеств, с другой - аристократическая насмешка над пеповичем, не сумевшим преодолеть печати своего происхождения. Разумеется, причины их неприязни к Сперанскому гораздо глубже этих двух, лежащих на поверхности. По этим поздним высказываниям нельзя судить об отношении к Сперанскому декабристов и екатеринбургских кругов. Вопрос этот очень сложен и мало изучен. При его рассмотрении необходимо будет учесть эволюцию взглядов Сперанского и самих декабристов и многое другое - все это, конечно, требует специального исследования.

⁶ Об этом см. также: Г.П. Еролов. Pamфлет на гр. М.М. Сперанского. - "Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских", кн. III, т. 174. М., 1895, разд. II; Прошение Александру I о снятии М.М. Сперанского с должности государственного секретаря по обвинению в государственной измене, или письмо гр. Ф.В. Ростопчина императору Александру I. - Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. Кн. I, 1859 (и во многих рукописных сборниках) и др.

⁷ Н.И. Тургенев. Россия и русские. М., 1915.

⁸ П.А. Вяземский. Записные книжки (1813-1848). М., 1963 и: его же. Из старой записной книжки. - "Русский архив", 1874, кн. I.

8. Чиновничество "восстало" против Сперанского, в основном, после указа 6.УШ 1809 г. Этот протест отразился в целом потоке эпиграмм, карикатур, памфлетов.⁹ "Элегия" А.Н. Нахимова¹⁰, прославляющая указ, в этом смысле стоит совершенно особняком.

9. Споры о Сперанском продолжались еще долго после его смерти. Появление в 1861 г. книги бар.М.А. Корфа вызвало новую волну интереса к нему.

10. Выразителями противоположных точек зрения в 1860-е гг. явились Н.Г.Чернышевский и Л.Н. Толстой. Первый отозвался на книгу Корфа страстной полемической статьей в защиту Сперанского¹¹. Л.Н. Толстой дал в "Войне и мире" резко отрицательный образ его.

Сопоставление этих двух позиций подводит нас к необходимости постановки еще одного вопроса: как отразилось разночинное происхождение Сперанского на его практической деятельности государственного человека и на позиции его как мыслителя, т.е. был ли он собственно демократическим деятелем в то время, когда разночинцы не представляли собой никакой самостоятельной общественной силы, или же он был идеологом дворянского лагеря и был связан с демократической средой только самим фактом происхождения? Если принять I-ую точку зрения, мы можем поставить Сперанского в один ряд с предшественниками демократов 1840-1860-х годов.

⁹ См.: Н. Д у б р о в и н. Русская жизнь в начале XIX века. - "Русская старина", 1900, № II; Дружеские письма гр. М.М. Сперанского к П.Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 гг. СПб., 1862, с.8-9; много данных приведено в книге бар. Корфа; ¹⁰ ГЕЛ ф.23. Вяземский, № 36, и мн. др.

¹⁰ См.: Вольный русский поэт второй половины XVIII-первой половины XIX века. Изд.Д. Л., 1970, с.242-243.

¹¹ Н.Г. Чернышевский. Русский реформатор. Полн. собр. соч. Т. УП. М., 1950.

11. Вопрос об отношении к Сперанскому представителей демократической мысли 1840-1860-х гг. также представляет существенный интерес. Стоит сравнить хотя бы позиции Чернышевского и Салтыкова-Щедрина (ср. образ Беневоленского-Сперанского в "Истории одного города"), но нас на данном этапе работы интересовало прежде всего отношение к Сперанскому в I-ой половине XIX в.

ПРОБЛЕМА "ЗАПАД-ВОСТОК" В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1840-х гг. В ПЛАНЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ.

К. Кумпан (ТГУ).

1. Антитеза "запад-восток", на протяжении всей русской литературы реализовавшаяся как противопоставление двух религиозных, политических, этических или философских систем, выдвигается на первый план в литературе и общественной мысли России с начала 40-х гг. XIX в.¹

2. В сложной картине русской общественно-философской мысли 40-х гг. можно выделить несколько путей решения этой проблемы, восходивших к совершенно различным историко-литературным традициям.

3. Широко распространенный в 30-40-е гг. гегелевский вариант этой проблемы в дальнейшем отодвигается на второй план, отражается во взглядах Белинского и некоторых западников (центральная линия русской литературы XIX в. развивалась скорее как отрицание и полемика с отдельными звеньями гегелевской схемы). Это - противопоставление Западной Европы и Азии ("азиатчины") как количественно, а не качественно отличных явлений, что осно-

¹ Это осознавали и сами современники: "Конечно, мало вопросов, которые в настоящее время были бы важнее этого вопроса (...). От того как он решится в умах наших зависит не только господствующее направление нашей литературы, но, может быть, всей нашей умственной деятельности и смысл нашей частной жизни и характер общественных отношений" (И.В. К и р е е в с к и й. Полное собрание сочинений. Т. I, М., 1911, с.176).

8. Чиновничество "восстало" против Сперанского, в основном, после указа 6.УШ 1809 г. Этот протест отразился в целом потоке эпиграмм, карикатур, памфлетов.⁹ "Элегия" А.Н. Нахимова¹⁰, прославляющая указ, в этом смысле стоит совершенно особняком.

9. Споры о Сперанском продолжались еще долго после его смерти. Появление в 1861 г. книги бар.М.А. Корфа вызвало новую волну интереса к нему.

10. Выразителями противоположных точек зрения в 1860-е гг. явились Н.Г. Чернышевский и Л.Н. Толстой. Первый отозвался на книгу Корфа страстной полемической статьей в защиту Сперанского¹¹. Л.Н. Толстой дал в "Войне и мире" резко отрицательный обзор его.

Сопоставление этих двух позиций подводит нас к необходимости постановки еще одного вопроса: как отразилось разночинное происхождение Сперанского на его практической деятельности государственного человека и на позиции его как мыслителя, т.е. был ли он собственно демократическим деятелем в то время, когда разночинцы не представляли собой никакой самостоятельной общественной силы, или же он был идеологом дворянского лагеря и был связан с демократической средой только самим фактом происхождения? Если принять I-ую точку зрения, мы можем поставить Сперанского в один ряд с предшественниками демократов 1840-1860-х годов.

⁹ См.: Н. Д у б р о в и н. Русская жизнь в начале XIX века. - "Русская старина", 1900, № II; Дружеские письма гр. М.М. Сперанского к П.Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 гг. СПб., 1862, с. 8-9; много данных приведено в книге бар. Корфа; ¹⁰ ГБЛ ф. 23. Вяземский, № 36, и мн. др.

¹⁰ См.: Вольная русская поэзия второй половины XVIII-первой половины XIX века. Изд. Л., 1970, с. 242-243.

¹¹ Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й. Русский реформатор. Полн. собр. соч. Т. УП. М., 1950.

11. Вопрос об отношении к Сперанскому представителей демократической мысли 1840-1860-х гг. также представляет существенный интерес. Стоит сравнить хотя бы позиции Чернышевского и Салтыкова-Щедрина (ср. образ Беневоленского-Сперанского в "Истории одного города"), но нас на данном этапе работы интересовало прежде всего отношение к Сперанскому в I-ой половине XIX в.

ПРОБЛЕМА "ЗАПАД-ВОСТОК" В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1840-х гг. В ПЛАНЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ.

К. Кумпан (ТГУ).

1. Антитеза "запад-восток", на протяжении всей русской литературы реализовавшаяся как противопоставление двух религиозных, политических, этических или философских систем, выдвигается на первый план в литературе и общественной мысли России с начала 40-х гг. XIX в.¹

2. В сложной картине русской общественно-философской мысли 40-х гг. можно выделить несколько путей решения этой проблемы, восходивших к совершенно различным историко-литературным традициям.

3. Широко распространенный в 30-40-е гг. гегелевский вариант этой проблемы в дальнейшем отодвигается на второй план, отражается во взглядах Белинского и некоторых западников (центральная линия русской литературы XIX в. развивалась скорее как отрицание и полемика с отдельными звеньями гегелевской схемы). Это - противопоставление Западной Европы и Азии ("азиатчины") как количественно, а не качественно отличных явлений, что осно-

¹ Это осознавали и сами современники: "Конечно, мало вопросов, которые в настоящее время были бы важнее этого вопроса <...> От того как он решится в умах наших зависит не только господствующее направление нашей литературы, но, может быть, всей нашей умственной деятельности и смысл нашей частной жизни и характер общественных отношений" (И.В. К и р е е в с к и й. Полное собрание сочинений. Т. I, М., 1911, с. 176).

ывалось на идее единого пути развития всех народов. Восточные народы, рано вступившие на путь цивилизации, оставались, и теперь развитие истории есть развитие европейской цивилизации.² Противопоставление "запад - восток" заменилось антитезой "движение - застой".³

4. С другой стороны, такая интересная - в плане историко-литературного влияния - оценка этой проблемы, как отрицание односторонности и Запада, и Востока и идея синтеза этих систем, занимает в русской литературе 40-х гг. периферийное место. Такое решение было характерно для более раннего и для более позднего периодов русской литературы - для русского шеллингианства 30-х гг. (Надеждин, В.Одоевский), а также для взглядов неославянофильства конца XIX века (В.Розанов, Вл.Соловьев).

5. Наиболее устойчивым в традиции русской литературы оказалось противопоставление реального Запада идеальному Востоку, где содержание понятий "запад" и "восток" претерпевало определенные изменения. Наиболее общий вариант этой проблемы в 40-е гг. - это отрицание реального мира европейской цивилизации (и весь сложный комплекс проблем, связанный с этим понятием) и построение патриархальной утопии Востока.⁴

6. Истоки этой традиции можно проследить в древнерусской литературе, где под влиянием библейского рассказа о рае рисуется образ идеального Востока - "царство божие", "место блага", "царство утех и веселья".

² Гегель В. Сочинения. Т.8. М., 1935, с.97 и далее.

³ Исследователи подчеркивали, что Белинский вслед за Гегелем презрительно относился к истории и философии восточных народов (А.П. Скафтымов, Белинский и устное народное творчество. - "Литературный критик", 1936, с.136).

⁴ При этом часто антитеза "запад - восток" заменялась противопоставлением таких географических областей, как католический Запад - христианский Восток, Западная Европа - Россия, Петербург - Москва (например, у славянофилов); прибалтийский Север России - Юг (Кавказ, Крым в байронических поэмах); Париж - Гим (Поголь); Гомеровская Греция - Германия 40-х гг. (Жуковский) и т.д.

7. Интересно, что в культуре XVIII века, в частности, - в культуре Просвещения, сохраняется эта же общая традиция (например, противопоставление реального политического устройства России идеальному Китаю), хотя истоком ее является концепция французских просветителей, а не древнерусская литература.⁵

8. Средневековая библейская традиция повлияла на религиозно-мистический идеал Востока в масонской литературе. Так, "Вечный Восток" Юнга-Штиллинга - это "Отчизна", область потустороннего, умопостигаемого мира, идеал души, путь к которой лежит через религиозно-нравственное усовершенствование. Запад в русской переделке Штиллинга - это мир горя, разврата, революции и войн.

9. Масонская интерпретация Востока, как вечно - го стремления к далекой недостижимой "Отчизне", нашла отражение в русской романтической литературе⁶ (через Жуковского, Ф.Глинку и позднего Кюхельбекера к Лермонтову), а также в статьях молодого Белинского.⁷ В 40-е гг. чисто масонский образ Востока встречается в "Гимнах" Ап.Григорьева.

В тоже время, интересно проследить модификацию образа "Отчизны" в романтической литературе вплоть

⁵ См. об этом: М.П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. - В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. М., 1947; К.Н.Державин. Китай в философской мысли Вольтера. - Там же; О.Л.Филиппов. Китай и европейское просвещение. - В ее же кн.: Китайский сатирический роман (Эпоха просвещения). М., 1966.

⁶ Может быть, значительно шире, чем только в романтической литературе. Например, образ "отчизны" в стихотворении Пушкина "Для берегов отчизны дальней..." (1830). Здесь отчизна, "край иной", "где неба своды сияют в блеске голубом" (байронический Восток), превращается в потусторонний, олаженный мир смерти.

⁷ Д.Е.Максимов. Поэзия Лермонтова. Л., 1964, с.209.

ывалось на идее единого пути развития всех народов. Восточные народы, рано вступившие на путь цивилизации, остановились, и теперь развитие истории есть развитие европейской цивилизации.² Противопоставление "запад - восток" заменилось антитезой "движение - застой".³

4. С другой стороны, такая интересная - в плане историко-литературного влияния - оценка этой проблемы, как отрицание односторонности и Запада, и Востока и идея синтеза этих систем, занимает в русской литературе 40-х гг. периферийное место. Такое решение было характерно для более раннего и для более позднего периодов русской литературы - для русского шеллингианства 30-х гг. (Надеждин, В.Одоевский), а также для взглядов неославянофильства конца XIX века (В.Розанов, Вл.Соловьев).

5. Наиболее устойчивым в традиции русской литературы оказалось противопоставление реального Запада идеальному Востоку, где содержание понятий "запад" и "восток" претерпевало определенные изменения. Наиболее общий вариант этой проблемы в 40-е гг. - это отрицание реального мира европейской цивилизации (и весь сложный комплекс проблем, связанный с этим понятием) и построение патриархальной утопии Востока.⁴

6. Истоки этой традиции можно проследить в древнерусской литературе, где под влиянием библейского рассказа о рае рисуется образ идеального Востока - "царство божие", "место блага", "царство утех и веселья".

² Гегель. Сочинения. Т.8. М., 1935, с.97 и далее.

³ Исследователи подчеркивали, что Белинский вслед за Гегелем презрительно относился к истории и философии восточных народов (А.П.Скафтымов, Белинский и устное народное творчество. - "Литературный критик", 1936, с.136).

⁴ При этом часто антитеза "запад - восток" заменялась противопоставлением таких географических областей, как католический Запад - христианский Восток, Западная Европа - Россия, Петербург - Москва (например, у славянофилов); прибалтийский Север России - Юг (Кавказ, Крым в байронических поэмах); Париж - Гим (Гоголь); Гомеровская Греция - Германия 40-х гг. (Жуковский) и т.д.

7. Интересно, что в культуре XVIII века, в частности, - в культуре Просвещения, сохраняется эта же общая традиция (например, противопоставление реального политического устройства России идеальному Китаю), хотя истоком ее является концепция французских просветителей, а не древнерусская литература.⁵

8. Средневековая библейская традиция повлияла на религиозно-мистический идеал Востока в масонской литературе. Так, "Вечный Восток" Инга-Штиллинга - это "Отчизна", область потустороннего, умопостигаемого мира, идеал души, путь к которой лежит через религиозно-нравственное усовершенствование. Запад в русской передаче Штелинга - это мир горя, разврата, революции и войн.

9. Масонская интерпретация Востока, как вечно - го стремления к далекой недосыгаемой "Отчизне", нашла отражение в русской романтической литературе⁶ (через Жуковского, Ф.Глинку и позднего Кюхельбекера к Лермонтову), а также в статьях молодого Белинского.⁷ В 40-е гг. чисто масонский образ Востока встречается в "Гимнах" Ап.Григорьева.

В тоже время, интересно проследить модификацию образа "Отчизны" в романтической литературе вплоть

⁵ См. об этом: М.П.Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. - В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. М., 1947; К.Н.Державин. Китай в философской мысли Вольтера. - Там же; О.Л.Фишман. Китай и европейское просвещение. - В ее же кн.: Китайский сатирический роман (Эпоха просвещения). М., 1966.

⁶ Может быть, значительно шире, чем только в романтической литературе. Например, образ "отчизны" в стихотворении Пушкина "Для берегов отчизны дальней..." (1830). Здесь отчизна, "край иной", "где неба своды сияют в блеске голубом" (байронический Восток), превращается в потусторонний, олаженный мир смерти.

⁷ Д.Е.Максимов. Поэзия Лермонтова. Л., 1964, с.209.

ывалось на идее единого пути развития всех народов. Восточные народы, рано вступившие на путь цивилизации, остановились, и теперь развитие истории есть развитие европейской цивилизации.² Противопоставление "запад - восток" заменилось антитезой "движение - застой".³

4. С другой стороны, такая интересная - в плане историко-литературного влияния - оценка этой проблемы, как отрицание односторонности и Запада, и Востока и идея синтеза этих систем, занимает в русской литературе 40-х гг. периферийное место. Такое решение было характерно для более раннего и для более позднего периодов русской литературы - для русского шеллингианства 30-х гг. (Надеждин, В.Одоевский), а также для взглядов неославянофильства конца XIX века (В.Розанов, Вл.Соловьев).

5. Наиболее устойчивым в традиции русской литературы оказалось противопоставление реального Запада идеальному Востоку, где содержание понятий "запад" и "восток" претерпевало определенные изменения. Наиболее общий вариант этой проблемы в 40-е гг. - это отрицание реального мира европейской цивилизации (и весь сложный комплекс проблем, связанный с этим понятием) и построение патриархальной утопии Востока.⁴

6. Истоки этой традиции можно проследить в древнерусской литературе, где под влиянием апокалиптического рассказа о рае рисуется образ идеального Востока - "царство божие", "место блага", "царство утех и веселья".

² Гегель В. Сочинения. Т.8. М., 1935, с.97 и далее.

³ Исследователи подчеркивали, что Белинский вслед за Гегелем презрительно относился к истории и философии восточных народов (А.П. С к а ф т ы м о в, Белинский и устное народное творчество. - "Литературный критик", 1936, с.136).

⁴ При этом часто антитеза "запад - восток" заменялась противопоставлением таких географических областей, как католический Запад - христианский Восток, Западная Европа - Россия, Петербург - Москва (например, у славянофилов); прибалтийский Север России - Юг (Кавказ, Крым в байронических поэмах); Париж - Гим (Гоголь); Гомеровская Греция - Германия 40-х гг. (Жуковский) и т.д.

7. Интересно, что в культуре XVIII века, в частности, - в культуре Просвещения, сохраняется эта же общая традиция (например, противопоставление реального политического устройства России идеальному Китаю), хотя исток ее является концепция французских просветителей, а не древнерусская литература.⁵

8. Средневековая библейская традиция повлияла на религиозно-мистический идеал Востока в масонской литературе. Так, "Вечный Восток" Инга-Штиллинга - это "Отчизна", область потустороннего, умопостижаемого мира, идеал души, путь к которой лежит через религиозно-нравственное усовершенствование. Запад в русской передаче Штиллинга - это мир горя, разврата, революции и войн.

9. Масонская интерпретация Востока, как вечно - го стремления к далекой недосыгаемой "Отчизне", нашла отражение в русской романтической литературе⁶ (через Жуковского, Ф.Глинку и позднего Кюхельбекера к Лермонтову), а также в статьях молодого Белинского.⁷ В 40-е гг. чисто масонский образ Востока встречается в "Гим - нах" Ап.Григорьева.

В тоже время, интересно проследить модификацию образа "Отчизны" в романтической литературе вплоть

⁵ См. об этом: М.П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. - В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. М., 1947; К.Н.Державин. Китай в философской мысли Вольтера. - Там же; О.Л.Фишман. Китай и европейское просвещение. - В е е ж е кн.: Китайский сатирический роман (Эпоха просвещения). М., 1966.

⁶ Может быть, значительно шире, чем только в романтической литературе. Например, образ "отчизны" в стихотворении Пушкина "Для берегов отчизны дальней..." (1830). Здесь отчизна, "край иной", "где неба своды сияют в блеске голубом" (байронический Восток), превращается в потусторонний, олаженный мир смерти.

⁷ Д.Е.Максимов. Поэзия Лермонтова. Л., 1964, с.209.

веталиями. Несколько иная судьба постигла хорошо известные среди литераторов, особенно пушкинистов, "Записки А.О. Смирновой", изданные в 1893 году ее дочерью Ольгой Николаевной Смирновой. Они охватывают период с конца 20-х по середину 30-х годов XIX века, вплоть до смерти А.С. Пушкина. Содержащиеся в записках материалы характеризуют политические, исторические, литературные, философские убеждения Пушкина, отношение поэта к крепостному праву, к демократии, его взгляды на религию, взаимоотношения с царем. Большое место в них уделено критическому анализу А.С. Пушкиным западноевропейской литературы, они ярко иллюстрируют роль и значение поэта в развитии русской национальной литературы в конце 20-х-начале 30-х годов.

4. С момента появления в печати "Записки А.О. Смирновой" вызвали горячий спор, связанный с оценкой их исторического и литературного значений. В полемике приняли участие многие известные ученые: П.И. Бартенев, А.Н. Веселовский, Н.П. Давкевич, А.Ф. Коня, М.К. Лемке, Н.О. Лернер, Л.Н. Майков, Д.С. Мережковский, Б.Д. Модзалевский, П.Н. Сакулин, А.И. Смирнов, В.А. Соловьев, Б.Д. Спасович, Б.В. Томашевский, В.И. Шенрок, П.В. Щеголев, М.А. Цявловский.

В тексте источника были обнаружены ошибки хронологического и текстологического характера, что заставило несколько настороженно, более критически использовать содержащийся в них материал. Основной причиной спора послужил сам факт издания записок ее дочерью, которая непоследовательно и противоречиво определила свою роль в публикации издания, ее прокомментированного. С одной стороны, отметив плохую сохранность архива А.О. Смирновой-Россет, отсутствие в нем цельного материала по А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю и др., она пишет, что при работе по объединению материалов ничего своего не добавляла и была простым

отголоском эпохи. С другой стороны, в том же предисловии к изданию, она, отмечая трудности систематизации разрозненных записей матери, сообщает, что пользовалась своими дневниками, которые вела с детства, а также записями разговоров матери, ее воспоминаний, бесед с друзьями.

Перед исследователями встал вопрос, чьих материалов в публикации больше — непосредственно матери или же ее суждений в записи дочери. Вопрос не выяснен до сих пор, спор вокруг мемуаров не завершен.

5. Высказанные в ходе полемики мнения можно, с известной долей условности, классифицировать следующим образом: 1. Признание мемуаров достоверными и весьма ценными; 2. Признание ценности сведений, имеющих в записках, но с оговоркой, что источник необходимо подвергнуть тщательному анализу для установления текстов матери и отдаления их от комментариев и суждений дочери. 3. Отрицание достоверности источника (текст не Смирновой-Россет, а дочери). Однако многие и в этом случае используют текст записок, хотя иногда и без ссылки.

6. Анализ итогов полемики и содержания мемуаров свидетельствует, что текст записок восходит к трем группам источников: а) материалам Смирновой-Россет; б) ее свидетельствам в записи дочери; в) собственным суждениям дочери, основанным на рассказах матери и других современников А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского, Карамзиных, Аксаковых. Назрела необходимость специального источниковедческого анализа проблемы. Имеющаяся специальная статья Л.В. Крестовой, посвященная "Запискам", не учитывает ценнейшие данные, накопленные пушкиноведением за полвека после ее публикации, не охватывает ряд архивных материалов А.О. Смирновой-Россет, включая относящиеся к А.С. Пушкину.

7. В имеющихся сейчас фондах семьи Смирновых (хранящихся в ЦГАЛИ, отдела рукописей ГИИ, в рукописном отделе института истории АН СССР) нет материалов, с которых произведена публикация в "Северном вестнике". Нам установлено, что архив семьи дошел из Парижа в Москву далеко не в полном составе. Вопрос об установлении действительной ценности важного источника актуален и должен быть решен в ближайшем будущем ибо: "Когда дело идет о таком человеке, как Пушкин, тогда мелочей нет, а все, в чем видно даже простое его мнение о чем бы то ни было — важно ..." (В.Г. Белинский, т.У, с. 226), тем более оценка материала, в котором содержатся сведения, характеризующие его взгляд на западно-европейскую литературу, общественно-политические интересы, борьбу за национальную русскую литературу.

"Записки А.О. Смирновой" — ценный источник по истории русской литературы, в особенности в части, касающейся А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя. Они показывают великого поэта в малоизученном рекурсе — как историка и родоначальника новой русской литературы, создаваемой в теснейшем контакте с классическим художественным наследием Запада.

"ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО" И.С. ТУРГЕНЕВА КАК РОМАН 60-х ГОДОВ.

Т. Горелик (ЛГПИ им. Герцена).

П.В. Анненков о "Дворянском гнезде" писал так: "Дворянское гнездо" было трогательным прощанием устаревших порядков жизни, отходящих в историю, причем все высшие, идеальные их потребности и стремления выставлены в лучезарном свете ...".¹

¹ П.В. Анненков. Шесть лет переписки с Тургеневым. В кн.: И.С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. I, М., 1969, с. 289.

Идеализация дореформенной России в "Дворянском гнезде" несомненна. Но идеализируются здесь не конкретно-исторические формы прошлого — не крепостное право, — а сам ритм прежней жизни, ее относительное спокойствие. Прошлое раскрывается в романе как бесконфликтный, цельный мир: жизнь движется здесь эволюционно, постепенно; людские отношения поэтому отмечены особой гармоничностью: люди разных времен и социальных положений ощущают прочную взаимосвязь. Гармоничны и отношения человека и природы: Тургенев самым строгим абзаца, фразы нередко сводит в "Дворянском гнезде" воедино проявления людской и природной жизни.

Образ главной героини романа выступает как символ монолитного, общего для людей и природы мира. Лиза самым методом изображения выносится из круга конкретных исторических условий в иные измерения. Она соотносена в романе не с дворянством (почти все дворяне, исключая Лизу, Лаврецкого и Марфу Тимофеевну, отсечены от общего русского единства), а со стихией русской национальной жизни (через свою религиозность Лиза сливается с громадным миром крестьянской России), с музыкой, природой.

В "Дворянском гнезде" — романе 60-х годов — явно сказывается обреченность воссозданной Тургеневым гармонии. Цельную и гармоничную жизнь в повествование вносят только трое из подробно очерченных героев: Лиза, Лаврецкий и Марфа Тимофеевна; остальным уже свойствен иной жизненный ритм. В романе речь идет о каком-то чудом уцелевшем островке прежнего. Но и там верность ему уже сковывает человека, не создает условий для расцвета его внутренних сил.

Приверженность "общему" для Лизы оборачивается не-талантливостью, неяркостью ее душевного мира. Она играет "отчетливо" — и только; в ней нет одаренности, нет личностного начала, необходимого в творчестве. Но при всей закреплённости в "общем" Лиза своей "домни-

видуальность" уже тяготеет. В ее жизнь властно входит "новое": любовь к Лаврецкому, необходимость душевного общения с ним. Верность прошлому не позволяет ей предаться этой потребности целиком. Но, сопротивляясь любви, она отказывается от жизненно важного, несущего необходимого ей. И расплывается, как и Лаврецкий (в нем тоже есть эта боязнь любви), несмысленной скованностью души, неполнотой жизни.

Неполноте бытия в главных героях романа оценивается Тургеневым чрезвычайно тонко и многогранно. Она имеет в романе и чуть ироническое освещение. История Лаврецкого и Лизы соотносится в романе с линией Лемма, и не только с его мучительным отношением к музыке — эти умлики все-таки выводят композитора к вершинам творчества, — но и с его старческой, заранее обреченной на неуспех, любовью к Лизе. Чувство Лемма подчеркивает, оттеняет здесь ту бескрылость, которая свойственна в любви и главным героям романа.

Вместе с тем в сдержанности героев перед лицом жизни Тургенев видит и высокую сторону. С их внутренней скованностью в роман входит и тургеневская боязнь личностной жизни.

Сила любви, та властность, с которой любовь вторгается в человеческую жизнь, нередко воспринимается писателем как проявление высшего и часто злого к человеку начала. Преданный страсти человек утрачивает, по Тургеневу, свою свободу, теряет власть над собой. Счастье любви нередко словно бы понижается в его героях от этого чувства несвободы, от утраты верности себе же, от "безобразия" своего душевного мира (см., например, историю любви Литвинове к Ирине в "Думе").

В "Дворянское гнездо" тургеневские размышления о драматизме самой природы любви вошли неразвернуто, неявно, но все-таки ощутимы и там. Трагическая философия любви сказывается и в сочувственной интонации, с которой рассказывает Тургенев о чувстве Лаврецкого к Варваре Павловне, и в страхе героя перед новой любовью, и в том, что в объяснении героев есть, по Тургеневу, что-то жуткое, есть словно бы физически ощутимое присутствие "высших сил".

В "Дворянском гнезде" сказались — и это очень важно — тургеневские размышления о "неблагообразии" личностной жизни. Недаром развитие отношений Лаврецкого и Лизы связано в романе со слухом о смерти Варвары Павловны.

Очень важно, что размышления о сложности личностного пути вошли в роман неразвернуто, не выдвинуты на его первый план. В период создания "Дворянского гнезда" Тургенев увлечен не диссонансами нового, а самой его неизбежностью, необходимостью для человека. В этом сказался дух 60-ых годов.

А.П. СКАФТЫМОВ О ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
РОМАНА Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО "ЧТО ДЕЛАТЬ?".

И. Гамбург (СГУ).

Широко известны научные достижения А.П. Скафтымова в исследовании творческого наследия Н.Г. Чернышевского. Работы саратовского филолога о Н.Г. Чернышевском составляют особый цикл, в котором важное место занимает проблема художественного своеобразия романа "Что делать?".

TRU Raamatukogu

По убеждению ученого, Н.Г. Чернышевский для пропаганды своих идей в условиях тюремного заточения и особого цензурного надзора пришел к созданию произведения особого жанра — пропагандистского романа, что и определило характер его поэтики.

Исследователь установил реально-исторические основы романа, силу общественного воздействия, в которой сказался эмоционально-действенный эффект его жанровой структуры.

Сопоставляя "Что делать?" с предшествующей беллетристикой, связанной с утопическим социализмом, и, в частности, с романом Жорж Санд "Жак", А.П. Скафтымов отмечает в них общие типологические черты и различия.

Стилю произведения Н.Г. Чернышевского присуща твердая хронологическая и социальная фиксация. Нравы, психика персонажей связываются с конкретными событиями, принадлежностью героев к определенной социальной категории.

Специфику романа в значительной мере определяют обширные и резанобрезные авторские вторжения, — или в виде обращений к читателям, или в виде непосредственных дидактических рассуждений, — причем, "живописный элемент (<...>) всегда целиком и неприкрыто обслуживает поставленную подчеркивающую цель".

Историко-литературное и методологическое значение работ А.П. Скафтымова о Н.Г. Чернышевском состоит в том, что он впервые подверг детальному анализу поэтику публицистического, просветительского романа, указал на органическую, естественную связь его содержания и формы.

ФЕДОР КАРАМАЗОВ — ПОРФИРИЙ ГОЛОВЛЕВ. КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ (АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ).

Н. Попов (СГУ).

1. В советском литературоведении взаимосвязи Шедрина и Достоевского посвящен довольно значительный круг литературы. Но в подавляющем большинстве исследовательский акцент делается на полемике, противопоставлении, глубоком различии в мировоззрении и поэтике автора "Карамазовых" и Салтыкова-Щедрина, а сходные черты в творческой практике писателей рассматриваются как объективное совпадение. Между тем, характеристика Федора Карамазова, предложенная Щедриным в ответ на полемический выпад Достоевского — "письмо г-жи Хохлаковой", — свидетельствует о том, что наряду с различиями мы можем предполагать и такую общность идейно-художественного замысла типов Порфирия Головлева и Федора Карамазова, которую невозможно объяснить только объективным сходством отрицаемого.

2. "... Проблема времени в литературе, — справедливо утверждает Г.М. Фридлендер, — лишь частично совпадает с проблемой времени в физическом и даже в психологическом смысле слова. Время в литературе — определенная ценностная категория".¹ Следовательно, изучение аспектов художественного времени, концепции развития образа поможет нам в уяснении авторского замысла, субъективно-творческих точек притяжения и отталкивания Шедрина и Достоевского.

¹ Г.М. Фридлендер. Поэтика русского реализма. Очерки о русской литературе XIX века. Л., 1971, с.127 (выделено автором — Н.П.).

3. В нашем анализе концепции развития в "Головлевых" и "Карамазовых" мы основываемся на суждениях В.Я. Кирпотина о процессуальности (у Щедрина) и "остроте момента" ("вобранным", потенцированным времени - у Достоевского) как коренных особенностях поэтики Достоевского и Салтыкова.² С этой точки зрения исследуются хронология "Господ Головлевых" (в сопоставлении с романом Достоевского) и специфика анахронизмов в "Братьях Карамазовых". Временные аспекты пов Федора Павловича и Порфирия Головлева рассматриваются нами в связи с особенностями соотношения фактического и сюжетного времени (по известному мнению Л.С. Выготского³, борьбе содержания и формы (соотношения факта и сюжета) составляет основу творческого процесса и его результата (художественного произведения), авторского идеала и изображаемого.

4. В результате проведенного анализа мы приходим к выводу об определенной общности творческого замысла образов Иудушки и "мерзавца своей жизни", сходстве в авторском отношении к героям: и в том и в другом романе отрицается та тенденция, которая воплощена в жизненной идеологии (практике) Федора Карамазова и Порфирия Головлева.

"Вобранным", потенцированным время "Карамазовых" включает в себя "линейный аспект", протяженность, а же как "статическое" развитие событий в "Господах Головлевых" невозможно вне "объема", "измерения".

² См.: В.Я. Кирпотин. Особенности художественного видения мира у Достоевского. - В сб.: Писатели и жизнь. Уч. зап. (Литературный ин-т им. А.М. Горького), П., 1963, а также монографию этого автора - "Разочарование и крушение Родиона Раскольникове. Книга о романе Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание". М., 1970.

³ Л.С. Выготский. Психология искусства. М., 1968, с. 187-208.

Существенные отличия концепций развития у Щедрина и Достоевского объясняются нами тем, что Федор Карамазов отрицается прежде всего как явление нравственно-философское, а Иудушка Головлева - как социальное.

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ О ФАНТАСТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ.

И. Газер (ТГУ).

В последнее время вопросы "фантастического реализма" все чаще привлекают внимание исследователей. При этом, кроме определения термина, литературоведы интересуются и его историей. Автором термина называют Е.Б. Вахтангова, однако, это не совсем справедливо. В действительности верным оказывается предположение Ю.М. Лотмана¹ о том, что впервые о "фантастическом реализме" писал Ф.М. Достоевский.

Термин "фантастический реализм" предполагает противопоставление художественного метода одновременно фантастическому романтизму и собственно реализму.

Фантастическое - важнейший компонент поэтики романтизма, где нереальное противопоставлено реальности как возвышенная мечта - пошлой обыденщине (ср., например, в повести Н.В. Гоголя "Невский проспект" пробуждение Пискарева от прекрасного фантастического сна: "Так это он спал! Боже, какой сон! И зачем было просыпаться? <...> О, как отвратительна действительность! Что она против мечты").² Фантастическое в такой функции встречается

¹ См. об этом: В.Б. Иванов. Об одной параллели к гоголевскому "Вию". - Уч. зап. ТГУ, вып. 284, Тарту, 1971, с. 142.

² Н.В. Гоголь. Невский проспект. Собр. соч. в 7 т., т. 3, М., 1966, с. 26.

3. В нашем анализе концепции развития в "Головлевых" и "Карамазовых" мы основываемся на суждении В.А. Кирпотина о процессуальности (у Шедрина) и "остроте момента" ("вобранным", потенцированном времени - у Достоевского) как коренных особенностях поэтики Достоевского и Салтыкова.² С этой точки зрения исследуются хронология "Господ Головлевых" (в сопоставлении с романом Достоевского) и специфика анахронизмов в "Братьях Карамазовых". Временные аспекты типов Федора Павловича и Порфирия Головлева рассматриваются нами в связи с особенностями соотношения фэбуного и сюжетного времени (по известному мнению Л.С. Выготского³, борьба содержания и формы (соотношение фэбулы и сюжета) составляет основу творческого процесса и его результата (художественного произведения), авторского идеала и изображаемого.

4. В результате проведенного анализа мы приходим к выводу об определенной общности творческого замысла образов Иудушки и "мерзавца своей жизни", сходстве в авторском отношении к героям: и в том и в другом романе отрицается та тенденция, которая воплощена в жизненной идеологии (практике) Федора Карамазова и Порфирия Головлева.

"Вобранным", потенцированное время "Карамазовых" включает в себя "линейный аспект", протяженность, так же как "стадийное" развитие событий в "Господах Головлевых" невозможно вне "объема", "измерения".

² См.: В.А.К и р п о т и н. Особенности художественного видения мира у Достоевского. - В сб.: Писатель и жизнь. Уч. зап. (Литературный ин-т им. А.М. Горького), вып. II, 1963, а также монографию этого автора - "Разочарование и крушение Родиона Раскольникове. Книга о романе Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание". М., 1970.

³ Л.С. Выготский И. Психология искусства. М., 1968, с. 187-208.

Существенные отличия концепций развития у Шедрина и Достоевского объясняются нами тем, что Федор Карамазов отрицается прежде всего как явление нравственно-философское, а Иудушка Головлев - как социальное.

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ О ФАНТАСТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ.

И. Газер (ТГУ).

В последнее время вопросы "фантастического реализма" все чаще привлекают внимание исследователей. При этом, кроме определения термина, литературоведы интересуют и его историю. Автором термина называют Е.Б. Вахтангова, однако, это не совсем справедливо. В действительности верным оказывается предположение Ю.М. Лотмана¹ о том, что впервые о "фантастическом реализме" писал Ф.М. Достоевский.

Термин "фантастический реализм" предполагает противопоставление художественного метода одновременно фантастическому романтизму и собственно реализму.

Фантастическое - важнейший компонент поэтики романтизма, где нереальное противопоставлено реальности как возвышенная мечта - пошлой обыденщине (ср., например, в повести Н.В. Гоголя "Невский проспект" пробуждение Пискарева от прекрасного фантастического сна: "Так это он спал! Боже, какой сон! И зачем было просыпаться? <..> О, как отвратительна действительность! Что она против мечты").² Фантастическое в такой функции встречается

¹ См. об этом: В.В. Иванова. Об одной параллели к гоголевскому "Вию". - Уч. зап. ТГУ, вып. 284, Тарту, 1971, с. 142.

² Н.В. Гоголь. Невский проспект. Собр. соч. в 7 т., т. 3, М., 1966, с. 26.

и у Ф.М. Достоевского ("Белые ночи").

Однако, начиная уже с творчества Н.В. Гоголя, в русской литературе намечается иное отношение к фантастике. Одни писатели, отходя от романтизма, вообще отказываются от фантастического, другие (к ним может быть отнесен термин "фантастический реализм") вводят фантастику, но не противопоставляя ее быту, а как средство познания законов бытового мира. Фантастика в их произведениях обнажает сущность бытового, это "фантастика, корнями врастающая в быт"³, та самая, о которой мы встречаемся в рассказах Ф.М. Достоевского "Двойник", "Крокодил" и т.п. Обычно (хотя и вовсе не обязательно) связанная с сатирой, такая фантастика совместима с принципами реализма.

К трем рассказам 1876-77 гг. — "Кроткая", "Сон смешного человека" и "Бобок" — Достоевский ставит подзаголовки — "фантастический рассказ", помогающие понять смысл рассматриваемого понятия. Дело не только в том, что во всех рассказах фантастические элементы имеют реальную основу (в "Бобоке" — слуховая галлюцинация, в "Сне смешного человека" — сон): бытовое, психологическое и т.п. истолкования фантастических ситуаций (по крайней мере, как одно из допустимых, хотя, часто — самое поверхностное) встречаем и у писателей-романтиков. Важнее то, что фантастика связана здесь с изображением нравов или идей современного общества. Рассказ "Кроткая" имеет еще и сопровождение от автора, в котором он формулирует свое понимание метода: "Я озаглавил его <рассказ — И.Г.> "фантастическим", тогда как считал его сам в высшей степени реальным. Но фантастическое тут есть действительно, и именно в самой форме

³ Е.И. З а м я т и н. О сегодняшнем и современном. — "Русский современник", 1924, № 2, с.266.

рассказа, что и нахожу нужным пояснить предварительно".⁴

Далее Достоевский объясняет, что в рассказе изображены реальные события — муж размышляет о причинах самоубийства жены буквально над еще не остывшим телом — это рассказ от лица потрясенного человека, который не смог бы в эти минуты ни написать, ни сказать ничего подобного, а потому сам автор проник в его мысли и чувства: "Если б мог подслушать его и все записать за ним стенограф, то вышло бы несколько шершавее, необделаннее, чем представлено у меня, но, сколько мне кажется, психологический порядок, может быть, и остался бы тот же самый. Вот это предположение о записавшем все стенографе <...> и есть то, что я называю в этом рассказе фантастическим".⁵

Таким образом, "фантастическим" оказывается также и передача "вслух" внутреннего монолога. Как видим, всюду здесь фантастическое (условное) воспринимается как средство познания законов действительности, ее глубинной, скрытой от прямого наблюдения сущности.

⁴ Ф.М. Достоевский И. Собр. соч. в 10 тт. Т.10, М., 1958, с.378.

⁵ Там же, с.379.

НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ТРАГЕДИИ
В. БРЮСОВА "ПРОТЕСИЛАЙ УМЕРШИЙ".

Ю. Шумакова (ЛГУ).

Четыре черновых варианта трагедии В.Я. Брюсова "Протесилай умерший" и два неопубликованных предисловия к этому произведению, хранящиеся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ф.386, ед.хр.12, к.28), являются интересным материалом для изучения особенностей драматургии русского символизма. Особого внимания достойны предисловия Брюсова, дающие авторскую характеристику этой трагедии.

В первом варианте трагедия имела название "Лаодамия и Протесилай", что подчеркивало главную роль фессалийской царицы Лаодамии и любовной темы, связанной с ней. Этот вариант еще не обладал динамичностью и напряженностью конфликта окончательного текста (отсутствие гонца, принесшего весть о гибели Протесилая; не раздумья о выборе нового мужа Лаодамии дается не день, а три дня). Здесь же имена действующих лиц даны не в греческой, а в латинизированной форме. Иначе расположены песни хора.

Второй вариант близок к первому списку, сюжетных отличий от него нет, изменения касаются лишь отдельных стихов.

В третьем варианте трагедия получила название "Протесилай умерший", что акцентировало внимание на темах рока и смерти. Построение трагедии и имена героев здесь соответствуют окончательному тексту. Впервые вводится образ Вестника - гонца, принесшего подтверждение слуха о гибели Протесилая.

Четвертый вариант соответствует окончательному тексту произведения. Наиболее значительным отличием

его от предшествующих списков является усиление эротических моментов, обостряющих конфликт произведения.

Тексту первого варианта трагедии предшествовало следующее предисловие Брюсова:

Миф о Лаодамии дал содержание длинному ряду драматических созданий. К сожалению, трагедия Еврипида на эту тему не дошла до нас. Из славянских обработок мифа наиболее известна драма Выпянского. В последнее время драматически обработал тот же миф И. Анненский и Федор Сологуб. Хотя моей лирической трагедии придана форма трагедии античной, с хорами, причем сохранен и ее обычный размер - ямбический триметр¹, - я не ставил себе целью воссоздать греческий образец. Скорее я представлял себе ту обработку мифа, какую он мог получить под пером какого-либо драматурга позднейшей эпохи Римской империи. Читатели без труда заметят на моем опыте влияние трагедии Сенеки (нрзб. - Ю.Ш.) Согласно с такой датировкой своего труда, я придал в нем собственным именам латинизированную форму, - говорю, напр., - Лаодамия, а не Лаодамия, и называю богов их римскими синонимами, Юпитер, а не Зевс, Меркурий, а не Гермес и т.о. под <обное>. Называя же свою трагедию лирической, я определяю хотя бы ее характер, предупреждая читателя, что он не найдет здесь элемента драматического: внешней борьбы страстей и действия: трагическое в ней перенесено в сферу чувств.

1911.

В.Б. <Брюсов>

¹ В тексте Брюсова - "ямбический диметр". По-видимому, это опечатка, т.к. в античной трагедии наиболее распространенным размером являлся ямбический триметр, а не диметр. К тому же уже первый вариант трагедии Брюсова написан шестистопными стихами с 3 главными ударениями - т.е. ямбическим триметром.

Мне остается добавить, что согласно с античным обыкновением роли трагедии расположены таким образом, что их могут исполнять лишь три актера (переодевающиеся смотря по надобности), но я позволю себе вложить реплики также в уста трех представительниц хора, заметки чего мы находим уже в древности.

Второе предисловие Брюсова предшествовало четвертому, окончательному варианту трагедии. В основном оно идейно первому предисловию, однако, здесь автор более подробно говорит о стихе своего произведения: "...Диалогические части моей трагедии написаны размером, обычным в трагедиях античных, который древние называли ямбическим триметром. Русские поэты почему-то постоянно избегали этого размера, вполне возможного при нашем стихосложении, и предпочитали изменять форму стиха даже при переводе греческих трагедий. Мне известно лишь два случая употребления ямбического триметра на русском языке: в переводах второй части "Фауста" Гёте (Хелодковского и др.) и в замечательной трагедии Вячеслава Иванова "Тантал". По своему внешнему содержанию ямбический триметр совпадает с шестистопным ямбом с мужскими окончаниями. Однако, эти два размера решительно различаются в двух отношениях. Во-первых, ямбический триметр требует второстепенного ударения в последней стопе (т.е. дактилического окончания), тогда как шестистопный ямб избегает его. Во-вторых, ямбический триметр решительно избегает цезуры после третьей стопы (делящей стих на две одинакие полустишия), тогда как шестистопный ямб обязательно ее требует. Первое из этих правил более относится к чтецу, чем к поэту. Что же касается второго, то я в своей трагедии допускал исключения из него, в тех местах, где деление стиха на два равных полустишия могло придать ему особую выразительность. Вообще же я предпочитал или цезуру после

слабого слога третьей стопы, или - после четвертой стопы, или, наконец, - после слабого слога пятой стопы, с второстепенной цезурой в первом полустишии. Пользовался я также делением стиха на три части, двумя цезурами, или разделяя стих на три димба, или полагая одну из этих двух цезур после слабого слога третьей или пятой стопы. Я полагаю, что стих, таким образом построенный, не представляет затруднения для произношения. Сам же по себе ямбический триметр² заслуживает полного внимания русских поэтов, хотя бы для перевода античных трагедий, которые только при его применении будут даны русским читателям в форме, соответствующей оригиналу".

БЛОК И "ПЕРЕВАЛ" (ЭПИЗОД ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ 900-х гг.).

С. Гречишкин, А. Лавров (ЛГУ).

В ноябре 1906 г. вышел первый номер журнала "Перевал". Его редактировал второстепенный поэт С.А. Соколов (1878-1936; псевд. Сергей Кречетов), владелец издательства "Гриф", выпустившего в 1904 г. первую книгу Блока "Стихи о Прекрасной Даме". "Перевал" возник в результате конфликта С.А. Соколова, бывшего литературным редактором символистского журнала "Золотое Руно", с издателем этого органа, миллионером Н.П. Рябушинским; первоначально Соколов намеревался издавать не журнал, а серию сборников. В программе "Перевала" нашел отражение общественный подъем, вызванный революцией 1905 года. Соколов пытался представить свой журнал (в противоположность другим символистским органам - журналам "Весы" и "Золотое Руно") - как радикальный; первому номеру "Перевала" была пред-

² См. примеч. 1.

послана декларация, в которой редакция оповещала, что видит свою задачу в "объединении свободного искусства и свободной общественности", с пафосом подчеркивала "ненависть к цепям" и к "деспотизму".¹ Правда, установка на "свободную общественность" последовательного выражения на страницах "Перевала" не получила, хотя и вызвала отказ от участия в нем сотрудника "Весов" Бориса Садовского, придерживавшегося консервативных взглядов.²

А. Блок живо откликнулся на появление нового журнала и даже помог Соколову привлекать литераторов к сотрудничеству в "Перевале".³ Хотя он и невысоко оценивал поэтический талант Соколова (так, в его "Алой книге" (1907) Блок усматривал лишь "сплошную риторику" и отсутствие "оригинальных мыслей, образов и напевов"⁴), но ценил возможность печататься в "Перевале" и поместил в нем (за год издания журнала) ряд произведе-

¹ "Перевал", 1906, № 1, с. 3-4. Сотрудник "Весов" Эллис между прочим, даже называл перевальцев "революционеры-декадентами". Письмо к В.Я. Брюсову (1907 г.). - ГБЛ, ф. 386, карт. 109, ед. хр. 44.

² Б. Садовской заявил о своем решении письмом в редакцию "Перевала" (от 23 ноября 1906 г.). - ГБЛ, ф. 499, карт. 1, ед. хр. 16. Соколов писал в связи с этим: "Садовской <...>, прочтя I № "Перевала" и ознакомившись с его красным духом, письменно уведомил нас, что <...> он просил вычеркнуть его из списка сотрудников". (Письмо к Г.И. Чулкову от 28 ноября 1906 г. - ГБЛ, ф. 371, карт. 3, ед. хр. 45).

³ Об этом свидетельствуют, в частности, письма Блока к Соколову от 24 сентября и 5 октября 1906 г. (ГБЛ, ф. 499, карт. 1, ед. хр. 7).

⁴ Александр Блок. Собрание сочинений в 8 томах Т. 5, М.-Л., 1962, с. 158.

дений.⁵ О внимании к судьбе журнала свидетельствует и отношение Блока к одному из инцидентов литературной борьбы.

Конкурировавшие символистские группировки с неприязнью отнеслись к появлению нового журнала. В частности, Брюсов, глава "Весов" и издательства "Скорпион", с иронией называл журнал "Провалом"; подобную позицию занимало и "Золотое Руно". Конфликт достиг особой остроты с выходом сборника "Хризопрас", подготовленного Б. Садовским и другими начинающими литераторами; в нем участвовали и крупные писатели, в том числе Блок. "Хризопрас" поместил (за подписью: "W") заметку "О мертворожденном", полную самых грубых нападок на журнал Соколова. В ней голословно утверждалось: "По названию- "Перевал", а по содержанию ... что-то среднее между "Провалом" и еще кое-чем, что-то нехорошее, гнусное. Он вышел в свет мертвым, зараженным двумя болезнями - некультурностью и неглостью". "Перевал" именуется "клошкой", "моськой", "лающей во все стороны и на всех "слонов" и т.д. Соколов с полным правом писал Андрею Белому, подобно Блоку, близко стоявшему к "Перевалу": "Здесь в Москве кучка молодых людей основала небольшое издательство, сперва называвшее себя

⁵ В "Перевале" увидели свет диалог "О любви, поэзии и государственной службе" (№ 6, 1907), статьи "Драматический театр В.Ф. Комиссаржевской" (1906, № 2), "Михаил Александрович Бакунин" (1907, № 4) и "Творчество Федора Сологуба" (1907, № 10), несколько стихотворений и рецензий.

⁶ "Хризопрас". Художественно-литературный сборник издательства "Самоцвет". М., 1906-1907, с. 81-83.

"К вершинам", а теперь "Самоцвет" <...>. На днях вышел 1-й сборник "Хризопрас". <...> Там есть статья о "Перевале", такая скандальная, такая грязная и такая непристойная, что, признаюсь, до сих пор ничего подобного я еще не видывал. Здесь уже не критика, даже не брань, а прямо ругань и грязные помои".⁷ В свою очередь, Блок отметил в записной книжке (29 декабря 1906 г.): "Соколов не воплощение благородства, хотя его иногда и жаль за то, что слоны "Руна" и "Скорпиона" образовали самостоятельный орган "Самоцветы" (1-"Хризопрас"), чтобы ругать его".⁸ Блок присоединился к решительному "заявлению" (от 12 января 1907 г.) по этому поводу, подписанному также Ф. Сологубом и А. Кондратьевым⁹ - инициатором протеста:

"В редакцию журнала Самоцвет.

Заявление.

Ничего не имея против полемики, если она ведется в сдержанной форме, мы, нижеподписавшиеся, считаем не лишним Вам напомнить, что состоим сотрудниками "Перевала" и не были бы ими, если бы редактор и издатель его проявляли варварские наклонности по отношению к искусству.

⁷ Письмо от 24 декабря 1906 г. (ГБЛ, ф. 25, карт. 23, ед. хр. 2).

⁸ Александр Блок к. Записные книжки. М., 1965, с. 86. Ср. свидетельство Г. И. Чулкова (в письме к С. А. Соколову от 2 января 1907 г.) об инциденте со сборником "Хризопрас" ("К вершинам"): "Я обещал свое сотрудничество в этом сборнике по просьбе Блока, который так же, как и я, возмущен полемическими выходками "К вершинам" (ГБЛ, ф. 499, карт. 1, ед. хр. 21).

⁹ Кондратьев в А. А. (1876-?) - писатель, университетский товарищ Блока, автор "мифологического романа" "Сатириесса" (М., "Гриф", 1907), "демонологического романа" "На берегах Ярыни" (Берлин, "Медный всадник", 1930), сборника рассказов "Белый козел" (СПб., 1908), стихотворных сборников: Стихи (СПб., 1905; псевд.: А. К.); Стихи, кн. 2 (СПб., 1909); "Славянские боги" (Ровно, 1938) - и др. произведений.

Полагая, что личные ссоры и недоразумения не интересны для читающей публики, мы не настаиваем на напечатании данного заявления.

Александр Блок. Александр Кондратьев. Федор Сологуб".¹⁰

¹⁰ ГБЛ, ф. 499, карт. 1, ед. хр. 13. Высылая копию "заявления" Соколову, Кондратьев сопроводил его пояснительным письмом (от 13 января 1907 г.), в котором, в частности, сообщал небезынтересные сведения о первом чтении Блоком 12 января 1907 г. на его квартире, в узком дружеском кругу, драмы "Незнакомка" и стихотворений из цикла "Снежная маска", создававшегося в эти дни: "Сегодня утром опустил я в почтовый ящик конверт с письменным (на ремингтоне) "заявлением" за 3 подписями. Вчера забежал к Блоку пораньше и, не убеждая его, а лишь представляя доводы (словом, деления на волю не оказывал), вручил ему для подписи текст, как вы ниже увидите, вполне миролюбивый. Ругательного протеста, да еще публичного (для опубликования), никто бы не подписал. На Блока подействовало, что это не протест, а лишь заявление (а кроме того еще кое-что). Слушали вчера чтение "Незнакомки". Чулков с Городецким на диване, Сологуб на мягком стуле у окон, я с Вяч. Ивановым у стола. Тут же был М. Гофман (студент 17-ти лет, пишущий о сборном индивидуализме и сочиняющий стихи). Л. Д. Блок сидела, закутавшись в черный платок, недалеко от читающего мужа <...> Затем прочитано была два цикла стихотворений хозяина ("Снежные Маски"). Вяч. Иванов сказал по поводу их, что в них есть что-то Дионисийское" (ГБЛ, ф. 499, карт. 1, ед. хр. 13). Сам Блок, сообщая об этом вечере в письме к матери от 13 января, отмечал: "Я прочел все стихи и "Незнакомку" и имел успех" (Александр Блок. Собрание сочинений в 8 томах, т. 8, М.-Л., 1963, с. 173); в записках, относящихся к этому времени, он упомянул также "замечания Вяч. Иванова по поводу "Снежной маски" (Александр Блок. Записные книжки, с. 92). Приводим суждения Вяч. Иванова о "Снежной маске" в письме к Брюсову (январь-февраль 1907 г.): "Литературное событие дня - "Снежная Маска" А. Блока <...>. Это два цикла стихов ("Снега" и "Маски"), - вместе 30 стихотворений. Я придаю им величайшее значение. По-моему, это апогей приближения нашей лирики к стихии музыки. Блок раскрывается здесь впервые вполне и притом по-новому, как поэт истинно дионисийских и демонических, глубоко оккультных переживаний. Звук, ритмика и ассонансы пленительны. Упоительное, хмельное движение, хмель метели, нега Гафиза в снежном кружении, сладострастие вихревой влюбленной гибели - Дивная тоска и дивная певучая сила!" (ГБЛ, ф. 386, карт. 87, ед. хр. 4).

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ В.Я. БРЮСОВА.

Е. Петухова (ЛГУ).

Проза Брюсова еще недостаточно хорошо изучена. Между тем, Брюсов занимался ею на протяжении всей жизни и оставил ряд повестей, романы и многочисленные рассказы (большая часть неопубликованные).

Среди разнообразных фантастических рассказов, имеющих в Брюсовском архиве, выделяются научно-фантастические, а среди них особую группу составляют тексты, примыкающие к опубликованным рассказам утопического характера (таким, как "Республика Южного Креста" и "Последние мученики"). Рассматриваемые рассказы относятся не к позитивным утопиям, а к так называемым антиутопиям.

Утопическая тема явилась органичной для Брюсова. Многими нитями она связана с остальным его творчеством. Найдя выражение и в поэзии, и в драматургии, она наиболее полно воплотилась в прозе. Тяга к фантастике объясняется творческой индивидуальностью, складом мировоззрения В. Брюсова, а также влиянием литературной традиции. Брюсов прекрасно знал произведения писателей-фантастов, выделял среди них Г. Уэллса (можно отметить сходство в методе изображения будущего у Брюсова и Уэллса) и особенно — Э. По — писателя, чрезвычайно близкого Брюсову по духу. Фантастические рассказы Э. По произвели большое впечатление на Брюсова. В брюсовских рассказах сказывается широкое знакомство автора с фантастической литературой.

Часть неопубликованных рассказов Брюсова относится к жанру современной социальной утопии, родоначальником которой явился Г. Уэллс. Более поздние рассказы (1909-1910-е гг.) ставят проблему "технический прогресс и человек". В планы дальнейшей работы Брюсова входило

написание рассказов на тему: "Путеводитель по Марсу" — о космических путешествиях.

В двух ранних фантастических произведениях — наброске рассказа "Гибель Земли" (1890 г.)¹ и романе "Гора Звезды" (1895-1899 гг.)² уже присутствуют мотивы, которые в последующих рассказах поочередно станут ведущими. В "Горе Звезды" — это крушение изжившей себя цивилизации и мотив космических сообщений. В "Гибели Земли" — тема "конца истории" человечества.

Темы судеб культуры и цивилизации и социального будущего особенно остро ставились Брюсовым в период революции 1905 г. Технические проблемы, достижения науки занимают в рассказах 1904-1909 гг. незначительное место, "фантастика" является только оболочкой. В это время Брюсов создал наиболее значительные социально-утопические рассказы, которые были опубликованы: "Республика Южного Креста" (1904-1905 гг.) и "Последние мученики" (1906 г.), — а также отрывки из романа "Семь земных соблазнов" (1908-1910 гг.). Неопубликованный роман "На мировом перепутьи" (1909-1910 гг.)³ остался незаконченным. В архиве имеются введение и первая глава. Они позволяют предполагать, что Брюсов задумал показать современную ему

действительность, спроецировав ее на будущее, и катастрофу, постигшую человечество. Катастрофа обусловлена не космическими, а внутренними, судя по началу, социальными причинами.

В дальнейшем социальный аспект отходит в расска-

¹ В. Брюсов. Гибель Земли, 1890 г., незаконченный рассказ. РО ГБЛ, ф. 386, ед. хр. 35-б, к. 54.

² РО ГБЛ, ф. 386, ед. хр. 31, к. 1-4.

³ РО ГБЛ, ф. 386, ед. хр. 35-б, к. 37.

зах на второй план. Неопубликованные рассказы 1910-х гг. отражают постепенную трансформацию социально-утопических рассказов в собственно научно-фантастические. Так, рассказы "Мятеж машин" (1910 г.)⁴ и "Восстание машин" (1914-1917 гг.)⁵ посвящены выяснению роли техники в будущем. Эти рассказы приближаются к типу современных антиутопий-предостережений. Брюсов поднимает здесь также проблему сложных взаимоотношений человека и высоко-развитой техники. При этом он проявил себя прозорливым фантастом: этот аспект широко разрабатывается фантастами в наши дни.

В соответствии с осуществлением замысла "Путеводитель по Марсу" Брюсов в последние годы жизни написал рассказ "Первая межпланетная экспедиция" (1921 г.; I-й вариант назывался "Экспедиция на Марс").⁶ Тему космических сообщений он разрабатывал в этот период и в поэзии, пробовал писать и драмы ("Пирэнт").

Неопубликованные рассказы помогают выяснить, в каком направлении шло развитие фантастической темы у Брюсова, как одна и та же тема разрабатывалась в поэзии и в прозе. Наконец, они дополняют общую картину творчества В. Брюсова - прозаика.

⁴ Там же, ф. 386, ед. хр. 34, к. 13.

⁵ Там же.

⁶ Там же, ф. 386, ед. хр. 35, к. 11-13.

ТВОРЧЕСТВО ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА В ОЦЕНКЕ СИМВОЛИСТОВ.

С. Кульюс (ТГУ).

1. Вопрос о художественном методе творчества Леонида Андреева до сих пор остается не разрешенным. Выдвинутое современниками писателя положение о специфической позиции Андреева в русской литературе начала XX века, о синтезе в его творчестве элементов поэтики различных литературных школ достаточно глубоко укоренилось и в современном литературоведении. Андреева причисляли и причисляют и к реализму, и к импрессионизму, и к символизму, и к экспрессионизму.

2. Недостаточно еще исследован вопрос о влиянии символизма на Андреева. Известно, что сам Андреев в целом весьма отрицательно относился к символизму. Полжизненно он оценивал лишь творчество А. Блока и отдельные произведения Ф. Сологуба ("Малкий бес"). Известно также, что попытка облизить Андреева с символизмом вызвала возмущения самих символистов, хотя некоторые из них и заявляли о своей близости к Андрееву. Отношение различных символистских группировок к творчеству Андреева было глубоко неоднородным и претерпело определенную эволюцию.

3. Общим для всех символистских групп было: выделение Андреева из числа реалистов по признаку талантливости, мысль о неродстве его с реалистами, способности отойти от "общегармейского сознания" (Философов) и приблизиться к проблемам, волновавшим символистов. Отсюда оценка творчества Андреева шла первоначально по линии противопоставления Горькому и "Знанию".

4. Существует мнение о том, что наиболее резко и непримиримо было отношение к Андрееву петербургских мистиков-символистов (Мережковский, Философов, Гиппиус).

Это соответствует действительности, однако, выступления представителей петербургского крыла русского символизма не сводились просто к неприятной позиции Андреева.

5. Группа Мережковского слабость писателя в "деятельном материализме" видела в отсутствии подлинного религиозного сознания. По их мнению, "чисто материалистическое мирозерцание" и богоборчество Андреева не дает ему возможности проникнуть в мистическую "сущность бытия", переводят мистику в "общедоступную плоскость", а сочетание символических приемов с этаким ведет к кошмару "черных масок" и к "последнему отчаянию".

6. Признавая талант Андреева, группа Мережковского обвиняла Андреева также в грубости, в "любви к грязи", некультурности и в примитивизме мышления. В некультурности Андреева обвинял и В. Брюсов.

7. Мережковский видел, с одной стороны, в ряде произведений Андреева подтверждение своей мысли о том, что "антирелигия, пройдя через революцию, приходит к реакции" ("В обезьяньих лапах"¹). При этом был затронут вопрос о том, что последовательность позиции Андреева привела бы его в лагерь реакции. Это положение смыкалось с вопросом о пессимизме Андреева. Мысль о том, что богоборчество Андреева является причиной его пессимизма и в конечном итоге — реакционности, встала в центре резкой полемики по поводу "Жизни Человека" между Блоком, с одной стороны, и Мережковским и философами — с другой. Философов и Мережковский относили произведение к числу "глубоко реакционных" по своей сущности. Полемика перешла границу споров об Андрееве и вылилась в ожесточенное выступление против "мистического анархизма" вообще и против Блока.²

¹ По поводу этой статьи Мережковского возникла полемика с Н. Минским, в которой принял участие и Философов.

² Философов в этот период относил Блок к "мистическому анархизму".

8. С другой стороны, в богоборчестве Андреева Мережковский, а за ним и другие представители петербургского символизма видели возможное начало приобщения русской общественности к религии, результатом которого было бы желаемое торжество нового религиозного сознания. Андреев расценивался как писатель, в творчестве которого явственно для всех отражается "смена идей" времени, переломный момент для русской интеллигенции. Обращение Андреева к Христу, к проблемам христианской этики связывалось с традициями Достоевского и Толстого и ставилось в большую заслугу писателю. В "прикосновении" Андреева к "религиозной боли" виделся залог потенциального приобщения Андреева к религии, и, что еще важнее, — выход всей русской литературы из "великого смятения" на путь искомого неохристианства.

ПЕРВЫЙ ГОД "ЦЕНТРИФУГИ" (I).

Л. Флейшман (Латв.ГУ).

По способу выработки и прокламирования основных теоретических положений и по месту в стилистической борьбе 1910-х годов "Центрифуга", выдвинувшая из своих рядов такие яркие фигуры, как Н.Н. Асеев, С.П. Бобров и Б.Л. Пастернак, должна быть отнесена к литературным объединениям, групповая эстетическая программа которых характеризуется отчетливо негативным содержанием. Другими словами, изучение полемических выступлений и адресатов Центрифуги (Мусагет, Лирика, В.Шершеневич, кубо-футуристы, Лирень и т.д.) — в условиях полной легализации футуристической эстетики "скандализма" — представит гораздо больший и более ясный материал, чем поиски определения позитивной платформы, общей для всех участников группы. Подобный путь санкционирован пестротой участников Центрифуги — от Е. Кузьминой-Караваевой до Б. Садовского, от Р. Иванова до Ф. Пла-

това - и сложность тактических связей и ходов группы от борьбы с кубо-футуристами (в "Руконоге") до различных форм контакта и союза (с осени 1914 г.) с ними. Свообразие литературного положения Центрифуги отражено в суммарной формуле К. Локса: "С одной стороны "Центрифуга" была против символизма, с другой - против Маяковского и его группы" ("История одного десятилетия", РО ГЕД). Этот путь оправдан и при анализе взаимоотношений внутри Центрифуги (понятно, что речь идет не о личных взаимоотношениях членов группы, отмеченных тесными дружескими связями на протяжении десятилетий, но о напряженности эстетических исканий и противоречиях в тактических вопросах).

Неизменный материал представляют любезно сообщенные нам М.П. Богословской мемуарные свидетельства лидера Центрифуги С.П. Боброва (из дневника 1967 г.), уточняющие соответствующие мемуарные высказывания Пастернака в "Людях и положениях" и "Охранной грамоте".

Вот как описывает С.П. Бобров выделение Центрифуги из "Лирики" (в угловых скобках - наши конъектуры):

"И вот наступил тот роковой вечер, когда создавалась наша дорогая "Центрифуга". Мы трое (С.П. Бобров, Н.Н. Асеев и Б.Л. Пастернак - л.ф.) сошлись в моей комнатке в Гагаринском переулке, и я уже заготовил несколько листов почтовой бумаги со штампом в верхнем левом углу "Временный экстраординарный комитет ЦЕНТРИФУГА по делам книгоиздательства "Лирика". На этих напыщенных бумажках был написан один и тот же гофманически-зеносский текст, примерно такой: "Мы, нижеподписавшиеся, собравшись для обсуждения положения, сложившегося в книгоиздательстве "Лирика" в силу общего разброда и проявления антихудожественных пессимистических тенденций пришли к необходимости избрать из нашей среды временный экстраординарный комитет ЦФГ в составе

А(сеева), Б(оброва) и П(астернака), который и постановил - закрыть, упразднить книгоиздательство "Лирика", о чем Вы и ставитесь в известность". Этот документ был (каждый экземпляр) подписан нами троими и послан по почте Анисимовым, Дурьякину, Рубановичу, Сидорову и Локсу (всего шесть экземпляров)". Свидетельство С.П. Боброва совпадает с показаниями К.Г. Локса, сообщившего также в числе мотивов разрыва с "Лирикой" ее "левого крыла" увлечение Анисимовых - после посещения Эллиса и А. Белого в Берлине (1912) - антропософией Штейнера. Это объясняет, в частности, резко отрицательный отзыв об Эллисе в "Руконоге".

Датировать разрыв с "Лирикой" и образование Центрифуги следует на основании имеющихся документов концом февраля 1914 года.

Приводим псевдонимы Центрифуги и ее окружения, не зарегистрированные в словаре И.Ф. Мезанова: Айгустов Г., Айгустов Т. = С.П. Бобров; Вараввин Дм. = Ф.М. Вермель; Иолан, Мар = С.П. Бобров; Неч. = С.П. Бобров; С-в = С.В. Бобров (в сб. "Петя"); Тэ, М. = Михаил Тейтельбаум; Ц.ф.Г. = С.П. Бобров; Чалионати = С.М. Вермель; Piter = С.П. Бобров.

"ЦЕНТРИФУГА" И В.МАЯКОВСКИЙ.

Л. Флейшман (Латв. ГУ).

Выход первого органа "Центрифуги" - альманаха "Руконог" (весна 1914) - с массивным наступлением на "Первый журнал русских футуристов" (результат альянса "Гилей" с "Мезонином поэзии" и эго-футуристами) сильно осложнил картину литературной борьбы. Антисимволистская направленность Центрифуги отступила в "Руконоге" перед задачами полемики с ПХРФ. Острота ситуации заключалась в том, что Центрифуга,

отвечавшая на нападки ПЖРФ на "Лирику", задавала, несмотря на настойчивые оговорки по адресу Маяковского и Хлебникова, своих будущих союзников (группу кубо-футуристов) и вынуждена была взять под защиту продукцию "Лирики" в целом. Поскольку при этом шел спор о футуризме, похвала Центрифуге как футуристической группе, в противовес гилейцам, в статье Брюсова в "Русской мысли" (1914, июнь) укрепила позиции Центрифуги. Столкновение же в лагере футуристов вызвало злоредные отклики противников направления (см.: В. Фриче. Война мышей и лягушек. (Письмо из Москвы), газ. "День" (Пб.), № 124 (566), 9 мая 1914 г.).

В конце мая (Пастернак, Охр. гр., 1931, стр.95) состоялись переговоры враждующих изданий, и именно тогда произошло личное знакомство Маяковского и Пастернака. Вот как освещено это в дневнике С.П. Боброва (1967):

"Обстоятельства для БП<астернака> так сложились в самом начале, что ему некуда было сунуться, кроме как к футуристам<...> Он был слишком уж оригинален, слишком затейлив, слишком сложен ... Первыми мы с Ас<еевым> его признали, - я с восторгом и упоением, - ... или ...? ибо я видел в этом новую и совершенно свежую струю (а не надо забывать того впечатления свежести, которое дает хорошая живопись!), которая непосредственно смыкалась с грозной величавостью Толстого и с тонким перышком Чехова ... с его "любовью до худож<ественного> прозрения", как замечал о нем Л.Н. Т<олстой>. А затем его "заметил" вдруг раскрывший на него очи Маяковский - во время ужаснейшего нашего "совещания" в Арбетской кофейне ... Вдруг я заметил, что нервно-насмешливое и злое лицо Маяка, полное свирепой надменности (мы сидели так: я против Шершеневича, Кушнер против Бальшкова, Боря против Маяка), вдруг начинает проявлять какие-то странные признаки задумчивости и внимания ... промелькнуло даже что-то вроде недоуменного конфуза ... но это на миг ... а потом лицо Маяка разгладилось совсем. Он

подперся рукой и стал внимательно и с интересом слушать Борю. Не очень помню, что они говорили, мне было не до этого - ибо Кушнер кипятился, а это доставляло неизмеримую радость<...> Шершеневичу - но я помню две-три фразы Бори, которые он сказал мирным и довольно печальным голосом: "А об чем надо говорить? О поэзии? Извольте, я вполне согласен говорить о поэзии ..." - и потом еще: "Ну, неужели же я Вам должен объяснять, что такое подлинность в искусстве? Не знаю, как Вы ответите мне, но мне кажется, что это для Вас, просто как для талантливого человека, вещь самая простая". И наконец: "Но есть же наконец границы, где кончается литературный спор и начинается крик и стукотня кулаками ..." ведь не это же Вы называете искусством ..." Лицо Бори выражало усталость и тревогу, а лицо Маяка понемногу смягчалось<...> Еще вспомнил фразу Маяка: "Ведь Вы философ? - У каждого поэта есть за душой что-то в этом роде, - отвечал Боря, - разве у Вас хватит духа с этим спорить? ..."

Мемуарное свидетельство С.П. Боброва позволяет уточнить сообщенный Пастернаком состав участников переговоров (впервые выясняется присутствие Б.А. Кушнера) и восстановить содержание беседы Пастернака с Маяковским. Вместе с тем, встает вопрос о различных оттенках в позициях ведущих центрифугистов по отношению к группе Маяковского. Реакция Пастернака на встречу зафиксирована в "Охр. гр." (стр. 111-112). Н.Н. Асеев вплоть до 1916 г. ("Оксана") ориентировался на безоговорочный союз с кубо-футуристами. С.П. Бобров, находившийся в оппозиции к поэтической продукции Маяковского (за исключением восторженно встреченного им "Человека"), настаивал на полной автономности Центрифуги и независимой от "Гилей" литературной платформе.

Очевидным следствием майских переговоров и

сдвигов в позициях главных центрифугистов извились: участие Асеева и Пастернака в кубо-футуристических изданиях (в том числе в подготовленной Маяковским литературной странице газеты "Новь" - № 119, 20 ноября 1914, стр. 7), сравнительно спокойная по тону рецензия В. Шершеневича на "Близнеца в тучах" Пастернака в ноябрьском номере "Свободного журнала" (ответ Шершеневича на выпады против него "Руконога" см. в его книге: "Зеленая улица", М., 1916, стр. 87-90), обширный разбор Пастернаком "Руконога" (в письме к Баброву, первая половина июля 1914 г., ЦГАЛИ), ближайшее развернутое критическое выступление С.П. Баброва ("Русская поэзия в 1914 году" - "Современник", 1915, № 1) и второй альманах Центрифуги, работа над которым была начата еще летом 1914 года и затянулась до 1916 года из-за материальных затруднений, преодоленных лишь с появлением И.А. Аксенова.

О ПОЭТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ В.К. ШИЛЕЙКО.

Ю. Гельперин (НИИС).

1. Поэтическое творчество известного востоковеда Владимира Казимировича Шилейко (1891-1930) почти не нашло отклика в современной ему критике и до сих пор не привлекало внимания литературоведов. В мемуарной литературе ("Встречи" Вл. Пяста, "Жили-были" В. Шкловского, "Петербургские зимы" Г. Иванова) Шилейко изображен по преимуществу как литературно-бытовая фигура, автор и объект многочисленных шуточных стихов; его "серьезная" лирика остается вне поля зрения мемуаристов. На основании некоторых косвенных свидетельств (см., например, стихотворение Ахматовой "Косноязычно слезивший меня ...", которое посвящено Шилейко и является откликом на его стихотворение "Уста Любви истомлены ...") можно предположить, что оценка поэзии Шилейко в кругу

акмеистов и близких к ним поэтов была невысокой (хотя он и пользовался в этом кругу уважением и как человек, и как выдающийся эрудит, особенно в области культур древнего Востока).

2. Таким образом, о Шилейко можно говорить не только как о забытом, но и как о незамеченном поэте. Отчасти это объясняется исключительной скудостью его "лирической продукции". Такая скудость обусловлена не только тем, что Шилейко не был профессиональным поэтом, но и сознательной ставкой на "высокий дилетантизм", традиция которого восходит к Тютчеву. Влияние Тютчева заметно сказывается и в самих стихах Шилейко: в ряде прямых и скрытых реминисценций, в сходстве метрического репертуара (у Шилейко, как и у Тютчева, преобладает четырехстопный ямб), в тяготении к формуле и афоризму (В этой связи было бы интересно рассмотреть, как проявилось тютчевское влияние у других постсимволистов, прежде всего у О. Мандельштама). Подобно Тютчеву, Шилейко - поэт "концов", а не "начал", его стихотворения - развязки драматических ситуаций. Вероятно, именно это дало повод критику Д. Мирскому (одному из немногих, писавших о Шилейко) определить его стихи как "драматическую лирику" и сопоставить их (на первый взгляд, неожиданно) с поэмами-монологами Р. Браунинга.

3. Другой особенностью лирики Шилейко, обусловившей его маргинальное положение среди поэтов-современников, было то, что, будучи биографически и творчески связан с постсимволистским (прежде всего, с акмеистским) литературным кругом, он в своем творчестве сохранил некоторые существенные черты, характерные для символистской поэзии: дуализм мироощущения, иррациональный пафос, многосмысленность слова. Это сближает Шилейко с такими поэтами, как, прежде всего, М. Лозинский, а также В. Комаровский и Н. Недоброво (Здесь следует отметить посвященное Шилейко стихотворение Лозинского "Нерукотворный град", которое датировано 1909 годом и написано

целиком в символистской традиции).

4. В настоящее время нам известно немногим более 30 стихотворных текстов Шилейко; подавляющее большинство из них написано в 1913-1918 годах. Согласно некоторым свидетельствам современников, в 1920-е годы Шилейко вовсе не писал лирических стихов и даже декларировал свой отказ от лирики. Но из тех немногих текстов, которые имеются в нашем распоряжении, складывается цельная и законченная поэтическая система. В творчестве Шилейко отразились многие из тех зачастую противоречивых друг другу тенденций, которыми отмечено развитие "неоклассического" направления постсимволистской поэзии. Существующее как бы на перекрестке этих тенденций, поэтическое наследие Шилейко тем самым особенно интересно для изучения.

"АНАГРАММЫ" У АХМАТОВОЙ.

Р. Тименчик (Льв.ГУ).

1. В стихотворении "И в памяти черной померив, найдешь ..." автором оговорено и подчеркнуто наличие некоего шифра, особым образом представленного в тексте: "А там, между строк ...". Герой стихотворения - Блок "как памятник началу века", и язык описания включает в себя цитаты из языка описываемой эпохи. На высших уровнях они легко вычлениаются. Ср. хотя бы: "Трагический тенор эпохи" и "король поэтических теноров" (А. Беленсон в отчете о лекции К. Чуковского о Блоке в его кн.: "Искусственная жизнь", Пгр., 1921, стр.81).

2. В рассматриваемом тексте имя Блока, прямо названное в финале, предварительно дано зашифрованным по методу "анаграмм", описанному Соссюр. Употребление этого приема по отношению к имени Блока, вероятно, связано с мотивом "без лица и беззвучия", рассмотренным

В.Н. Топоровым в специальной статье. Кроме того, анаграмматически представлено и имя "Ахматова" (См. особенно: "И ахи"). В 1910-е годы междометие "ах" в традиции эпиграмы, надругалов (ср.: "Дуть лесная" Хлебникова) и даже журнальной критики (ср. заметку "Поэтическое ах" в "Журнале журналов", 1916, № 4) служило как бы знаком-индексом имени Ахматовой. Можно предположить и третью гипотезу - рассеянное в тексте ключевое слово: "Петербург".

3. Сам прием анаграмм в данном контексте можно рассматривать как "сборную цитату". Цитируемый источник - набор приемов стихотворной техники 1910-х годов (ср. несомненную анаграмму имени "Полиция" в блоковском переводе "Эпитафии Фра Филиппо Липпи", разобранной Соссюром). Умно рассмотреть в этой связи анаграмматический принцип у ранней Ахматовой - "пределным" случаем анаграмм является акrostих, образец которого дан стихотворением "Бывало я с утра молчу ..." (указано Л.К. Чуковской, которой приносим искреннюю благодарность). Поэтическая выучка Ахматовой связана с деятельностью т.н. "Поэтической Академии", где стихи разбирались под руководством Вяч. Иванова (ср. личные контакты Вяч. Иванова и Соссюра¹). Ср. мнение М. Волошина: "Но вот миновало лишь несколько лет, и в русской лирике уже обнаруживаются плоды этой аналитической работы над стихом. И выявляются они не в тех, кто анатомировал и разымал, а в молодых, чисто интуитивно воспринявших итоги их исследований" ("Голоса поэтов", "Речь", 4 июня 1917).

¹ О факте их знакомства свидетельствует визитная карточка Соссюра в фонде Вяч. Иванова - РО ГБЛ.

"ВРЕМЯ", "МИФ" и "ИГРА" В ПРИШВИНСКОЙ
ТЕОРИИ "ТВОРЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ".

К. Исупов (Донецкий ГУ).

Категории времени, пространства, мифа и игры целиком интегрированы в центральном для Пришвина понятии "творческое поведение". Этим термином обобщен чрезвычайно сложный комплекс условий, в которых, как полагает Пришвин, порождаются и формируются навыки профессионально-художественного мироотношения. Поэтому "творческое поведение" оказывается генератором остальной категоризальной части пришвинских построений, оставаясь одновременно их универсальным обобщением. С этим связано и такое свойство указанных категорий, как способность входить в онтологический состав измеряемых ими реальностей не только полностью, но и частично. Так, сказка, как понимает ее Пришвин, может не иметь пространственно-временных измерений, но их отсутствие не равнозначно положению "вне ...", а, скорее, ближе нейтральному: "где-то ..." и "когда-то ...".

Ближайшим делением времени у Пришвина оказывается противопоставление всего, что связано с культурой, некультурному. Причем "культура" не обязательно должна быть связана с миром человеческого общества, а "не-культура" — "внечеловеческой". "Не-культурой" (или "потенциально-не-культурой") объявляются те области бытия, в которых любая последовательность событий может быть точно предсказана (циклы природных изменений, увеличенные доли обрядности в социальном поведении коллектива и т.д.). Время природы — "простое" время, имеющее одну форму — настоящего. Оно противопоставлено времени культуры по признаку сложности; здесь время воплощает три меры счета:

1) время, переживаемое индивидуально, 2) историческое время коллективного переживания, 3) время естест-

венное, которое выполняет роль корректива на мерность и повториемость. Указанное деление может иметь черты более сложной структуры. Культурное время — это время управляемое. Путь к преодолению естественной детерминированности Пришвин видел в 2-х планах:

1. онтогенетическом, на котором ребенок изучается построению воображаемой реальности, — Пришвина называл ее сказкой, игровой реальностью, в которой пространственные и временные ограничения "снимаются". Выход из игр детства — это одновременно и переход во временной, неупорядоченный мир; первый шаг такого выхода — утрата личного бессмертия, которая приходит с осознанием смертности всего живого. Далее оказывается, что способность и стремление знать обуславливает новую форму эксперимента — миф. Миф — уже не воображаемая, а создаваемая, предвосхищаемая реальность, внутри себя порождающая иную, чем в природе, пространственно-временную детерминацию. Материальным воплощением такой реальности выступает художественное произведение, а миф получает вид особого жанра художественной эвристики, синонимичного научному эксперименту и открытию: "... я стремлюсь схватить в слове проходящее мгновение, <...> и начать у меня делаться мои новые записи о природе, создавать свои собственные ежедневные мифы".¹ Пришвин отмечает также, что канонизация мифа всегда связана с потерей его способности к манипуляциям со временем, что, в свою очередь, лишает миф своего "экспериментального" значения: таковы мифы лопарей о будущей жизни и некоторые варианты христианских эсхатологических мифов, которые Пришвин называет "игрой не направленных методиче-

¹ М.М. Пришвин. Собр. соч. в 6 т. Т.3, М., 1953, с.164. В дальнейшем сноски приводятся в тексте в скобках.

ской культурой мозговых клеток" (2, 459);

2. Филогенетическом, на котором основой выливания человечества из природы является резкое противопоставление временных ориентаций: "экспериментальная игра" природы завершилась созданием (или, как говорит Пришвина, "накоплением") человека, и теперь ее деятельность направлена не на простое воспроизведение, а человечеству "передается" функция деятельного предвосхищения в строительстве своей культурной судьбы: "природа создает настоящее, человек - будущее".

С точки зрения "мифологии", культура аккумулирует "мифы" природы, сама являясь ее мифологическим порождением. Вместе с тем, человечество - не просто "мифологическая память" Природы, но и "мировое дерево", обобщенный прообраз, источник, "конспект" будущих мифообразований. См. высказывания типа: "Человек как царь природы, есть ствол дерева", "Человек задел в природе как держава единая, его движения, его рост, его борьба за единство" (5, 688); "В человека вошли все элементы природы" (3, 457); "Человек, организуясь в веках, захватывает в состав своего тела всю природу ..." (5, 707); "Нет ничего в природе, чего бы не было в человеке" (6, 734). Генезис культуры выглядит, таким образом, как пересоздание природы в "творческом поведении" человечества. Исходный "результат" такого поведения Пришвина называл "Словом", объединяя в нем "Дейние" и "искусство как образ творческого поведения".

Стихийные культурологические концепции М. Пришвина, в наиболее общих положениях вполне отвечающие духу современных интересов теории культуры и ее генезиса, отчетливо отразились в ряде произведений писателя, которые рассматриваются в докладе.

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ СЛОВА В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА.

Л. Демьяненко (Стерлитамакский ПИ).

О.О. Обращаясь к словесным повторам в поэзии, различаем повторяющиеся конструкции языка (как у Есенина синий цвет, означающий мир неслепящей радости) и повторяющиеся конструкции речи (как у Есенина же строки: "О всех ушедших грезит конопляник // С широким мясцем над голубым прудом" - 3, 26 - и "Об ушедшем над прудом // Пусть тоскует конопляник" - 3, 145).¹

1.О. Особый интерес вызывает возникновение новых языковых структур, примером чему служит особое смысловое наполнение слова, действительное только в пределах творчества данного поэта. Так, в языке поэзии Есенина слово-понятие дом противопоставлено синонимическому ряду: хата, изба, хижина и т.д. Слово дом употреблено в поэтических произведениях Есенина 30 раз (подсчет производился по указанному собранию сочинений, без учета ранних редакций, так что дальнейшие выводы относятся к поэтическому языку Есенина 20-х годов). В 27 случаях со словом дом связано представление о временном, неизбежно покидаемом или уже покинутом обиталище ("Я покинул родимый дом" - 2, 70; "Низкий дом без меня соотулился" - 2, 119; "Будто я из родимого дома // Слышу в голосе нежную дрожь" - 3, 184 и т.п.). Если поэт и возвращается в дом, то для того, чтобы снова его покинуть ("И вновь вернусь я в отчий дом, //

¹ Здесь и далее цитаты даны по изданию: С. Есенин и И. Собр. соч. в пяти томах. М., 1966-1967.

Чужой радостью утедусь, // В зеленый вечер под окном //
На рукаве своем повешусь" - 1, 193; "Кого жалеть?
Ведь каждый в мире странник - // Пройдет, зайдет и
вновь оставит дом" - 3, 26). Не в этом значении (как
синоним жилища, избы и т.п.) слово дом употреблено в
поэзии Есенина 3 раза и только в речи персонажей.

1.1. То же значение, которым наделен дом в втор-
ской речи, не принимают слова, в обычном употреблении
синонимичные слову дом (лягуха, жилище, избышка и др.).
Таких употреблений в поэзии Есенина - 33. Противопоста-
вление слова дом его (в обычном употреблении) синонимам
может быть подчеркнуто Есениным ("Ты сердце выпеснил
избе, // Но в сердце дома не построил" - 2, 72).

Строго аналогичное явление отмечает З. Минц в
поэзии А. Блока: в "Снежной Маске" корабль и ледя
оказываются не синонимами, но "находятся в последова-
тельно проведенном отношении дополнительной distribu-
ции".²

2.1. То смысловое наполнение, которое слово дом
приобрело в поэзии Есенина, рассматриваем - в отношении
к обычному словоупотреблению - как его новую идеосеманти-
ку. При этом мы исходим из теории, развитой в работах
В. Абаева (см.: Понятие идеосемантики. - В сб.: Язык и
мышление. Вып. II. М.-Л., 1948 и др.), согласно которой
следует различать малую семантику (или техносемантику)
и идеосемантику как совокупность ассоциативных значе-
ний, симпатических (термин В. Абаева) и антагонистиче-
ских связей данного слова с другими словами в языке.³

² З. М и н ц. Лирика Блока. Вып. 2, Тарту, 1969, с. 50.

³ Об идеосемантике слова и семантике словесного худо-
жественного образа см. также: В. З а р е ц к и И. Семан-
тика и структура словесного художественного образа.
Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук. Тарту, 1966, с. 16.

2.2. Одно и то же смысловое наполнение слова со-
ставляет:

- а) в отношении к общеупотребительному значению -
новую идеосемантику (действительную в поэзии Есенина);
- б) внутри языка есенинских текстов - основное ком-
муникативное значение.

В этой двойственности, на наш взгляд, сказывает-
ся одна из коренных особенностей функционирования слова
в системе поэтического языка в целом.

2.3. Охарактеризованная здесь система значений
воспринимается и осваивается читателем не как готовая
и преподнесенная, а как формируемая в ходе сотворчест-
ва.

К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПОЭМЫ В.В. МАЯКОВСКОГО "В.И. ЛЕНИН".

В. Вульф, Г. Панченко (Таллинский ПИ).

1. Цель работы: путем сопоставления поэмы В.В.
Маяковского "В.И. Ленин" с некоторыми произведениями
древней русской литературы доказать общность их компо-
зиционных принципов и некоторых стилистических особенностей.
2. Подобные сопоставления произведений советских
авторов с памятниками древней русской литературы пред-
принимаются не впервые. В частности, В.А. Каверин выя-
вил принципиальное сходство одного из романов И.Г. Эрен-
бурга с произведениями житийного жанра. Думается, что
сходные черты могут быть отмечены и в некоторых произ-
ведениях В.В. Маяковского.

3. Уже в ранней лирике Маяковского используются
ветхо- и новозаветные мотивы и образы. Характер их

употребления подмечен Б.Л. Пастернаком: "В отличие от классиков, которым был важен смысл гимнов и молитв (...), Маяковскому (...) куски церковных распевов и чтений дороги в своей буквальности, как отрывки живого быта, наряду с улицей, домом и любыми словами разговорной речи (...). У него множество аналогий с каноническими представлениями, скрытых и подчеркнутых".¹ Такое сниженно-бытовое и зачастую пародийное отношение к традиции идет уже от первых поэм Маяковского, сочетаясь, однако, и с использованием "высоких" образов и стиля.

4. Для поэмы "В.И. Ленин" характерно именно это последнее - не полемическое - отношение к древнерусской литературной традиции. Ряд характерных ее особенностей повлиял на "житийную" композицию поэмы и на ее язык, в частности, на структуру метафор и на формирование стиля высокой патетики, использующего приемы риторической речи.

Авторы пользуются случаем выразить свою признательность Ю.А. Айхенвальду, способствовавшему написанию этой работы.

¹ Б. Пастернак. Люди и положения. - "Новый мир", 1967, № 1, стр. 229.

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ АЛЕКСАНДРА ДОВЖЕНКО И КИНОПОВЕСТЬ "УКРАИНА В ОГНЕ".

Н. Яценко (КГУ).

В работах советских литературоведов, посвященных творчеству А. Довженко, вопрос о соотношении материала записных книжек и текста киноповести "Украина в огне" специально не рассматривался. Тема Великой Отечественной войны в идейно-эстетической концепции А. Довженко является темой всенародного подвига и проявления высочайших нравственных качеств советского человека. Киноповесть "Украина в огне" как начало задуманной А. Довженко эпопеи о войне, отражающая период оккупации Украины фашистскими захватчиками, наиболее остро ставит вопрос о самой судьбе украинского народа. Материал записных книжек А. Довженко, непосредственно отражающий военные события на Украине, при сопоставлении с художественной правдой фактов киноповести выступает в качестве объективной реальности. Сравнительный анализ записных книжек и киноповести "Украина в огне" дает возможность проследить процесс эстетического освоения писателем действительности и некоторые особенности творческой манеры А. Довженко.

От замысла - к художественному
его воплощению.

1. Избирательная целенаправленность заметок в записных книжках (круг наблюдений и интересов, принципы отбора фактов, типичность "случайных" событий, оценочный момент при фиксации отдельных фактов, авторские отступления как указание на характер будущего произведения, сюжетные блоки, художественная деталь и пр.).

Анализ записных книжек как заготовок к будущему произведению дает возможность сделать вывод о том, что

у А. Довженко органически сочетаются два момента - от фиксации военных событий, собирания фактов - к замыслу произведения и - от замысла - к отбору, поиску нужных фактов. Таким образом, не теряя своей документальности, записные книжки А. Довженко ни в какой мере не представляют собой только "сырой материал"; их "эмпиричность" целенаправлена, они представляют собой этап идейно-эстетического осмысления действительных событий. В них уже виден как общий характер будущего произведения, так и средства художественного воплощения идеи автора. Вследствие этого мы видим наличие прямого перенесения (без изменения) материала из записных книжек в киноповесть "Украина в огне" и "Повесть пламенных лет".

2. Принципы отбора материала из записных книжек в произведение. Факт как сюжетная основа будущего произведения.

3. Классификация материала записных книжек с точки зрения накопления первоэлементов повести. Жанровая специфика и форма произведения обуславливают то, что каждый такой первоэлемент - это, в большей или меньшей степени, кинокадр, связанный во времени и пространстве с другими такими же кинокадрами и подчиненный общему замыслу произведения.

4. Трансформация записей-кадров при перенесении их в текст произведения: отсев, переосмысление, изменение (конкретизация, обобщение), запись как основа (развитие и углубление, домысел) и пр.

Соотношение факта и художественного вымысла в "Украине в огне".

Вымысел как композиционный и сюжетный элемент. Вымысел - развитие первоначальных записей в записных книжках. Роль вымысла в эстетическом освоении факта.

Роль и функции авторского отступления в киноповести.

Авторское отступление как оценочный момент (при отдельном факте, но чаще - для обобщения фактов). Отступление как элемент лиризации. Главные особенности лирических отступлений А. Довженко - подчинение их не только идейной линии произведения, но и как средство ее непосредственного выражения. Единство отступлений и изобразительного материала в композиции произведения.

"Украина в огне" как единство содержания и формы.

Киноповесть "Украина в огне" как "вторая реальность" по отношению к записным книжкам А. Довженко, построенная по законам художественного произведения. Художественная, познавательная и историческая ценность записных книжек и киноповести "Украина в огне" А. Довженко. Место киноповести "Украина в огне" в художественном отражении Великой Отечественной войны.

ТРАДИЦИИ В.Г. БЕЛИНСКОГО В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

Л. Киселева (ТГУ).

1. В настоящее время проблемы литературной критики приобрели особенно важное значение. В связи с этим уместно обращение к лучшим традициям прошлого, принципам революционных демократов, усвоение и развитие тех или иных принципов современной литературной критикой.

2. Одним из основоположников революционно-демократической критики был В.Г. Белинский. Изучение его основных положений о задачах литературы и ныне имеет не только исторический интерес. Этими положениями во многом руководствуется и современная литературная критика.

3. Наследие Белинского обширно и многопроблемно. Не ставя перед собой задачи исчерпать все проблемы, автор доклада обращает внимание лишь на некоторые из них, имеющие, как ему кажется, особо важное значение для выяснения задач современной литературной критики: проблемы реалистического изображения и тенденциозности литературы.

4. Одно из определяющих требований, предъявляемых Белинским к литературным произведениям, — требования правдивого и беспристрастного изображения жизни. В докладе показывается, как такое требование, в преобразованном виде, служит критерием оценки литературных произведений социалистического реализма, отражающих советскую действительность во всем ее многообразии и полноте.

5. Важной частью эстетического наследия Белинского является учение о народности как неотъемлемом качестве подлинно значимых художественных литературных произведений. Такую народность великий критик противопоставлял псевдонародности, простонародности. Лучшие представители

современной литературной критики взяли на вооружение выводы Белинского о роли народности. Они рассматривают народность как естественное свойство советской литературы, неразрывно связанной с народными массами.

6. Значительное место среди высказываний Белинского о требованиях, предъявляемых критикой литературе, занимают рассуждения о соотношении свободы творчества и тенденциозности. Взгляды Белинского по вопросу о тенденциозности искусства на протяжении времени сильно менялись.

В конечном итоге, Белинский, отвергая морализаторское искусство, произведения, написанные "ради перстенька", по внешнему заказу, чуждому художнику, приходит к выводу о необходимости сочетания свободы творчества и тенденциозности. Он ратует за искусство, созданное писателями-гражданами, борцами за прогрессивные общественные идеалы. Положения Белинского о литературе, неразрывно связанной с идеями борьбы за лучшее будущее, вошли составной частью в учение о партийности литературы и искусства.

7. Советская литературная критика считает Белинского одним из великих своих предшественников, изучает его наследие, используя его применительно к современным условиям.

О ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ А.ВАЛТОНА
"ЛЕБЕДИНОЕ БОЛОТО".

А.Тоотс (ТГУ).

В 1968 г. вышло два сборника А.Валтона - "Восемь японков" и "Лебединое болото. Карусель". Во второй сборник включена была и единственная повесть писателя - "Лебединое болото". В том же году развернулась полемика вокруг творчества Валтона. Оппоненты разделились на две группы: одни не совсем оправданно обвиняли автора в экзистенциализме и абсурдизме, другие сосредоточили внимание на сатире Валтона. В ходе дискуссии был высказан ряд крайних мнений, но влияние Валтона на читательскую публику было признано обеими сторонами.

При переводе повести были учтены основные требования к переводу художественной прозы (первичным считать соблюдение концепционной линии произведения, а не словесный буквализм; избегать стремления исправлять и приукрашивать оригинал; дословность предполагать желательной, но не обязательной; стиль рассматривать как составную часть авторской концепции и не допускать искажения его; с незначимыми элементами текста допускается обращаться более свободно - т.е. различать главное и второстепенное, не впадать в формализм и нивелирование текста - и т.д.).

Стилевые особенности автора целесообразно передавать следующим образом:

1. Довольно часто встречающиеся в оригинале бесподлежащие предложения сохранять в том случае, если этим не нарушится смысловая связь с предыдущим предложением.

2. Стривочность и отчасти затуманенность смысла, особенно в начале произведения - когда речь идет о внутреннем мире

главного героя - сохранять, ибо это не авторская небрежность, а объективные признаки мышления человека в 20 лет, как их увидел Валтон.

3. В случае реалий - передавать их средствами, вполне понятными русскому читателю, дабы избежать крайностей этнографизма ("слишком национальное по форме").

4. Неологизмы Валтона такого порядка, что их вполне можно передать калькированием, поэтому применение других способов нецелесообразно.

5. В оценке роли личности переводчика в ходе перевода подлинника следует признать справедливым замечание Иржи Левого: "Переводчик тем лучше, чем незаметнее его участие в произведении".¹

6. Кажущиеся порой излишними комментарии к диалогу и характеристикам героев рассматривать не как "огрехи", а как специфические (сознательно употребленные) атрибуты авторского стиля.

Учет этих моментов позволяет однозначно решить встречающиеся в ходе перевода вопросы, а это немаловажно, т.к. "при переводе, более чем где-либо, необходима единая концепция".²

¹ И.Л е в ы й. Две главы из книги "Искусство перевода".
- В сб.: Мастерство перевода. М., 1968, с.465.

² Там же, с. 454.

РУССКО-ЭСТОНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В 1920-1930 гг.
И ЖУРНАЛ "ЛООМИНГ".

А. Мальце (ТГУ).

1. Для того, чтобы понять особенности русско-эстонских литературных и культурных связей рассматриваемого периода, следует остановиться на некоторых общих особенностях и проблемах развития этих связей до 1917 г. (когда Эстония входила в состав Российской империи) и после 1940 г. (Эстония в составе СССР).

2. 20-30-ые гг. XX века (период буржуазной Эстонии) - особый этап в истории русско-эстонских литературных связей. Для этого этапа характерно появление множества литературных манифестов в эстонской периодике начала 20-х гг., стремившихся наметить пути развития эстонской культуры в целом и литературы, в частности. В основном, в этих манифестах намечается два противоположных подхода: ориентация в решении проблемы развития эстонской культуры и литературы на национальные основы или призывы обратиться преимущественно к достижениям других национальных культур, в частности, - к финской (как более близкой по языку и психологическому складу, по географическому положению нации).

3. Эти различные решения нашли отражение на страницах основных литературно-критических журналов того времени. Особенно интересно отметить позицию журнала "Лооминг", в котором сказалось критическое отношение к субъективизму литературных споров начала 20-х гг., ориентировка на объективно-просветительский подход как к оригинальной, так и к переводной литературе.

4. Переводная литература, критические обзоры различных национальных литератур занимали в журнале "Лооминг" довольно значительное место. Среди них имелись и переводы произведений русской и советской литературы, отзывы о ней. Чис-

ло таких переводов и отзывов, относительно редко встречавшихся в 20-е годы, возрастает в 30-е гг.

5. В докладе подробно анализируются эти переводы и отзывы, выясняется их удельный вес и значение в общем содержании журнала "Лооминг".

К ПРОБЛЕМЕ РАННЕЙ ЛИРИКИ Е. ЧАРЕНЦА.

Э. Сагоян (ТГУ).

Творчество Е. Чаренца (1897-1937), органически связанное с эволюцией армянской поэзии XX в., является прежде всего качественно новым этапом развития армянской национальной литературы, обусловленным переходной эпохой, эпохой войн, социальных потрясений.

1. В исследовательской литературе о Е. Чаренце особняком стоит изучение ранней лирики (1913-1917 гг.). Она довольно часто рассматривается с точки зрения какого-то одного "начала", как день эпохи увлечения декадентством, становления поэтического "Я".

В нарочитой искусственности эстетских абстракций, в создании "голубого мира" поэты видели явное подрежание новой литературе начала XX в.. поэзии символистов (А. Блок, В. Брюсов, В. Мейцаренц, В. Тарьян, Вяч. Иванов).

2. Между тем, в условиях кризиса, национальной трагедии шел весьма естественный и интенсивный процесс "самопознания", процесс овладения новыми формами, образами, техническим мастерством. Именно эти новые формы искусственной обобщенности расширяли локальность национального мышления до осознания общечеловеческой трагедии.

3. Зрелый Чаренц, поэт "неистовых толп" и революции, вновь и вновь возвращался к своей "изначальной"

теме в циклах "Ваш эмалевый профиль" (1920), "К уличной щеголихе" (1920), "Восьмистишья солнцу", "Песенник" (1920-1921) и др., каждый раз стремясь выработать новые эстетические принципы, обнаруживая при этом большую поэтическую изобретательность.

4. В процессе становления творчества Е. Чаренц прошел трудный, противоречивый путь закономерного развития, создав в армянской литературе свой, качественно новый художественный метод, который должен быть исследован в органической связи с историческими особенностями эпохи, общности развития литератур данного времени, естественной эволюции поэтического творчества.

В.Г. КОРОЛЕНКО И ЭСТОНИЯ.

М. Ребане (ТГУ).

На рубеже XIX-XX вв., когда в Эстонии усилился интерес к современной русской литературе (до тех пор в центре внимания эстонцев была преимущественно русская классика), на эстонский язык стали переводиться и произведения В.Г. Короленко. Все же до 1905 г. эстонский читатель, не владеющий русским языком и не знакомый с произведениями писателя в оригинале, имел лишь слабое представление о творчестве В.Г. Короленко. Статей о нем появилось мало, переводы часто были неудовлетворительны по качеству и случайны.

В это время творчеством В.Г. Короленко в Эстонии интересовался лишь определенный круг лиц, чаще всего представители левой интеллигенции, которых в произведениях писателя больше всего привлекали картины темных сторон российской действительности. В Эстонии, как и в Латвии, первым переводом из В.Г. Короленко стал рассказ "Сон Макара" (напечатан в 1889 г.).

Многие переложения тех лет связаны с кружком передовой, радикально настроенной эстонской интеллигенции в Тарту, проявлявшей интерес к марксизму. Члены этой группы были сторонниками критического реализма, в 1890-е гг. еще только утверждавшегося в эстонской литературе. Эд. Вильде, который перевел рассказ "На Волге" (1896), Й. Вески — один из переводчиков "Убивца" М. Пунг — автор рецензии на это переложение, — все они являлись членами указанного кружка. В. Вахер, переводчик "Без языка" и "Убивца", также был близок к нему.

Самым значительным переводом тех лет следует признать перевод "Убивца" Й. Вески и В. Вахера (1899). Их (да, видимо, и читателей) привлекали в рассказе "правдивые картины сибирской жизни, простой, но живой язык", а также то, что "герои повести не удовлетворены современным общественным устройством <..>, стремятся к лучшему <..> посредством серьезной практической деятельности".

В Эстонии, как и в Латвии, очень популярным стал рассказ "Старый звонарь", который неоднократно публиковался в пасхальных номерах газет и журналов. В этот период появились также переводы рассказа "Судный день" (1902) и повести "Без языка" (1904). Правда, последний перевод неудачен.

В 1905-1908 гг. в эстонской литературе на первый план выдвигается поэзия, одновременно с дальнейшим развитием критического реализма начинается наступление неоромантизма, в прозе стали преобладать малые литературные формы. С новыми тенденциями в развитии эстонской литературы следует, видимо, связать и большую популярность В.Г. Короленко в эти годы. При этом заметен интерес не ко всему творчеству писателя, а преимущественно к той его части, которая выражала критическое отношение к жизни или же была пронизана романтическим мироощущением.

Характерен уже выбор произведений для перевода: аллегорический этюд "Мгновение" (1907), миниатюра "Огоньки", "В ночь под светлый праздник" (1908) и др. Особенно популярна была аллегорическая миниатюра "Огоньки", которая в 1905-1908 гг. девять раз публиковалась на страницах эстонской печати. Это произведение привлекало многих: и выраженной в нем надеждой на светлое будущее, столь важной и в годы революции, и в годы реакции, и мыслью о том, что путь к этому светлому будущему труден и длителен, и совершенством формы, и, наконец, жанровым своеобразием - подобные аллегорические миниатюры были еще редкостью в эстонской прозе, что, впрочем, порою обуславливало и неудачи перевода "Огоньков".

После 1905-1907 гг., как реакция на события революционных лет, которые в буржуазных кругах эстонского общества связывались с русским влиянием, и, с другой стороны, как реакция на русификацию, в Эстонии возрастают антирусские настроения. Как следствие, уменьшается число переводов из русской литературы, в том числе, и из творчества В.Г. Короленко. К тому же, в начале XX в. эстонцы уже могли знакомиться с произведениями русских писателей и в оригинале, так как среднее и младшее поколение эстонцев, получившее образование в русифицированной школе, в той или иной мере владело русским языком.

Переводов произведений В.Г. Короленко в 1909-1918 гг. появилось мало. В 1916 г. впервые был опубликован на эстонском языке рассказ "Лес шумит", о котором часто говорилось в статьях о писателе. Переводилась также публицистика В.Г. Короленко: "Бытовое явление" (1911) и другие произведения. К публикации "Бытового явления" была приложена очень резкая по тону вступительная статья Я. Делмана, в которой осуждались правительственные репрессии. На весь тираж "Трудов Петербургского общества эстонских студентов", где появился перевод "Бытово-

го явления", был наложен арест. В этот период, по сравнению с прежними, было опубликовано много статей о В.Г. Короленко, что в числе прочего связано и с юбилеем писателя. В Эстонии высоко ценили общественную деятельность В.Г. Короленко.

После Октябрьской революции, в связи с особыми путями развития Эстонии (утверждение диктатуры буржуазии, рост антирусских настроений, насаждаемая свыше западная ориентация культурной жизни страны и т.д.), интерес к творчеству В.Г. Короленко уменьшается. Переводились, главным образом, те произведения писателя, которые затрагивали общечеловеческие, "вечные" проблемы. Вряд ли у тогдашнего "массового" эстонского читателя могло сложиться некое целостное представление о творчестве В.Г. Короленко. Переведенные в 1920-ых - начале 1930-х гг. произведения (за исключением "Слепому музыканту") уже ранее были опубликованы на эстонском языке. Показателен и выбор рассказов: "Слепой музыкант", "Старый звонарь", "В ночь под светлый праздник" и др.

С 1933 г. переводов из В.Г. Короленко больше не выходило.

Положение стало меняться лишь после восстановления в Эстонии в 1940 г. Советской власти, когда вновь возникает интерес к русской литературе и опять начинают публиковаться переводы произведений В.Г. Короленко. В послевоенные годы появились переводы многих замечательных произведений писателя: "Слепой музыкант" (1948), "Сон Макара", "Чудная", "Убивец", "Соколинец" и другие произведения в сборнике "Сибирские рассказы" (1950); "Без языка" (1957), "История моего современника" (1961) и ряд других, как вышедших отдельными изданиями, так и опубликованных на страницах периодической печати. Лишь теперь большая и лучшая часть творческого наследия В.Г. Короленко стала доступна эстонскому читателю на его родном языке.

П.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.
СТИХОВЕДЕНИЕ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ ЧУЖОЙ РЕЧИ В РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ.

(К постановке проблемы).

В. Душечкина (ТГУ).

1. Выработка методологии изучения русского летописания осуществлена эк. А.А. Шахматовым и учеными его школы, поставившими задачу реконструкции истории русского летописания в целом с учетом всех имеющихся списков, на базе которых представлялось возможным восстановление и древнейших, не дошедших до нас памятников летописания. Работе ученых-медиевистов (историков, текстологов, архивологов) в этом направлении оказалась исключительно плодотворной. Тем не менее, следует признать, что анализ природы летописного текста требует дальнейшей разработки. Начало направлению, которое нам представляется наиболее плодотворным, положено в трудах Д.С. Лихачева.

2. Изучение разных форм чужой речи обычно производится с чисто лингвистических позиций. С этой точки зрения неоднократно рассматривались и тексты русского средневековья. Значительно реже внимание исследователей привлекала художественная функция чужой речи. Актуальность этого вопроса впервые была обоснована М.М. Бахтиным применительно к роману XIX в., а в теоретическом плане — В.Н. Волошиновым. В последнее время вопрос этот все более привлекает внимание как исследователей древнерусской литературы (работы Д.С. Лихачева), так и древнерусской живописи (работы Л.Ф. Жегина, Б.А. Успенского), однако он не стал еще предметом специального исследовательского внимания.

3. Проблема художественной функции чужой речи как теоретический вопрос, таким образом, исторически оказалась связанной с полифонизмом, со сложными формами

композиции художественной прозы, с концепцией художественной точки зрения. Однако перенесение исследовательского подхода, связанного с этим комплексом идей, на материал весьма отдаленный оказалось неожиданно плодотворным. Особенно ценные данные позволяет извлечь русское летописание.

4. Если применительно к тексту нового времени конструкция чужой речи в основном относится к сфере выражения, то в средневековом тексте она зачастую воспринималась как относящаяся к проблеме истинности сообщения, т.е. к сфере содержания. В современной культуре она может быть сопоставлена не с полифонизмом художественной речи, а с системой ссылок научного текста, что и соответствует функциональному месту летописи как памятника нехудожественной (для средневековья) письменности. В этой связи интересным представляется рассмотрение таких форм чужой речи как речи-отсылки, где чужая речь является не предметом авторского изображения, а средством передачи разнообразных точек зрения на те или иные события. Одни из них являются доказательством истинности летописного текста, другие же автор отвергает как ложные.

5. Иные формы чужой речи в летописи (речи-события) являются объектом изображения, и в этом отношении они оказываются стоящими в ряду с другими событиями, которые воспроизводятся летописцем. Причем в качестве речей той или иной группы людей приписываются не речи, а позиции. Выраженные в тексте в форме чужой речи, что порождает устойчивость значения текста и, в свою очередь, создает специфические компоненты всего речевого комплекса.

6. В летописи можно выделить не только некоторый рассказ о реальных событиях, но и типовой "сценарий", содержащий в себе всю систему речей персонажей летописи. События разыгрываются в соответствии с этим "сценарием" и соотносятся с ним. Поэтому оказывается возможным снять пласт летописного "сценария", в котором существуют типы

героев, действующих в пределах вполне ограниченного выбора, обусловленного всей структурой текста. Естественно, что летопись отражает при этом определенные закономерности бытия древнерусского общества, но полного совпадения при этом быть не может, т.к. летописный текст в большей мере стремится к идеальной конструкции.

7. Сравнительный анализ письменных памятников раннего русского средневековья с более поздними текстами (XVII в.) дает возможность проследить, каким образом чужая речь приобретает иную функцию, как она становится средством индивидуальной речевой выразительности, создавая при этом иллюзию бытового правдоподобия речи.

ПРОБЛЕМА БАРОККО.

(Опыт литературоведческой таксономии).

И. Чернов (ТГУ).

1. Употребление термина: объем, границы, география, хронология.

2. Этимология и история термина. Проблема маньеризма и рококо.

3. Барокко как категория типологии и истории литературы:

- циклические теории истории искусства;
- барокко как типологическая категория;
- барокко как категория истории литературы;
- функциональная природа барокко - различие в макро- и микрофункциях в истории и типологии литературы.

4. Связь барокко с социальными движениями: вопрос о иезуитском барокко, связь с Контрреформацией, проблеме протестантского барокко и т.п.

5. "Мир барокко" - Западная Европа.

6. "Мир барокко" - славянские страны:

- споры о польском барокко;
- история и проблематика изучения чешского барокко;
- барокко в России - вопросы идентификации;
- границы и проблематика, вопросы терминологии;
- дискуссия А.А. Морозова и Д.С. Лихачева.

7. Модель барочного мира:

- опыты описания "барочной антитетичности";
- недостаточность феноменологических описаний и поиски семиотического механизма.

8. Поэтика русского барокко - введение в анализ зарождающегося литературного направления; структурные характеристики текста: изменение функции текста, установка на код, роль визуальных элементов текста и т.п.; зарождение новых жанров, трансформация старых и вопросы фольклоризации литературы; массовая литература, низовая и "высокая" литература; интерес к вопросам теории и языка.

9. Исторические судьбы барокко. Барокко и модернизм.

"ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ".

Г. Левинтон (ЛГУ).

1. Проблема литературного влияния, как правило, рассматривается в чисто психологическом аспекте, т.е. как неспособность "незрелого ума" выйти из-под влияния уже существующих образцов (в связи с "подрезательностью" *juveniliae*) или как следствие "сильного впечатления", произведенного неким новым явлением.

2. Литературная диахрония есть процесс. Появление каждого нового текста меняет структуру литературной синхронии, дела произведения на "появившиеся до него" и "после него". Поэтому учет появления новых текстов при создании данного произведения определяется не столько впечатлением, произведенным этим текстом на писателя, сколько его роль в системе текстов.

3. Корпус текстов одного писателя может рассматриваться как единый текст.¹

4. В связи с этим определением мы предлагаем рассматривать "влияние" ("подражание") как один из видов цитации. Текст, "написанный под влиянием" N, — это текст, одним из принципов которого является цитирование N

¹ По-видимому, разные типы "корпусов" могут быть выделены по тому, насколько к ним применимо это положение. Ср. также критерии, как возможность / невозможность понимания одного текста данного корпуса без учета других (ср. Г.А. Гуковский о Денисе Давыдове или Жуковском), включенность / невключенность в корпус "бытовых текстов" ("жизнетворчества"), наличие / отсутствие эволюции (т.е. сюжетность / бессюжетность текста). Можно выделить также типы текста, в которых при некоей содержательной константе варьируются типы ее реализации (ср. существующее в традиционном литературоведении представление о писателе, занятом "одной проблемой"), или такие, в которых динамика связана со сменой точек зрения (ср. негативные оценки собственных ранних вещей Пастернаком или Гоголем) и т.п.

(где N может быть текстом, направлением и т.п.). Сосредоточенность "подрезательных" текстов в начале корпуса с этой точки зрения легко объяснима. В корпусе текстов, как правило, маркировано начало, а не конец (человек не предсказывает свою смерть). Отдельные примеры маркированного конца (Рембо) не меняют этой общей закономерности. Естественно, что в начале текста корпуса располагаются элементы, которые читаются как утверждения об этом тексте ("подрезательные" тексты). Наборы цитат (на уровне стандартных ситуаций, тропов, приемов, способов организации текста, мотивов и т.п.) должны определить место данного поэта (вернее, корпуса текстов) в структуре синхронных ему текстов и корпусов.² Смысл таких текстов — "быть романтическими" или "символистскими"; они относят автора к некоторому литературному кругу. Возможность дальнейшей "polemiki" с этим кругом базируется именно на его первоначальном принятии. Иначе говоря, "влияние" относится не к заимствованиям, а к цитатам:

5. Различение "цитаты" и "заимствования" основано на призыве "функциональность / нефункциональность", на тождественном призыве "сознательность / бессознательность". Учитывая точку зрения С. Боброва, утверждающего "примат произвольных заимствований: только такие суть влияния"³, можно сказать, что при общей сознательной установке на цитирование отдельные реминисценции могут быть бессознательными, оставаясь при этом функциональными (и опознаваемыми).

6. Случаи вторичного влияния ("не в молодости") связаны именно с нашим определением (а): в связи с нововведением синхронная структура А преобразована в структуру В. Так как корпус текстов, в отличие от одного текста, обладает реальной диахронией, он должен реагировать на

² При этом на разных уровнях (например, метрическом и лексическом) эти ориентации, вообще говоря, могут быть различны. Роль цитации на низших уровнях была показана С. Бобровым и К.Ф. Терановским.

³ С. Б о б р о в. Заимствования и влияния. — "Печать и революция", кн. 8, 1922, ноябрь-декабрь, с. 86.

изменения структуры, в которую он включен. В этой связи, перемена отношения Пушкина к Белому стиху Жуковского может объясняться не психологически, а из отношений текста к структуре литературы данного времени: в момент написания известной эпиграммы ("Что если это проза, Да и плохая") белый стих еще не стал явлением, видоизменившим эту структуру.

7. К той же категории явлений относится и обилие пародий в начале ряда корпусов текстов (ср.: Тютчев и Достоевском и Гоголе, ранний Чехов). В той или иной форме пародия есть мета-высказывание, утверждение о самом корпусе текстов (о том, чем этот текст не является).

8. Сказанное в первую очередь применимо к "влиянию" внутри одной культуры. Для иноязычных влияний необходимы некоторые уточнения. Во-первых, "подрезание" иноязычному писателю, например, Байрону или Парни, основано не только на включении данной национальной (объединенной языком) культуры в более широкую (европейскую, мировую), в связи с чем "подрезание" Байрону аналогично "подрезанию" своим соотечественникам, но и на представлении о некоторых соответствиях между "моей" и "чужой" культурой, т.е. представлении о том, что определенным явлениям "чужой культуры" соответствуют явления "своей культуры" (так, "подрезание" Парни есть в то же время "подрезание" Батюшкову). Во-вторых, здесь большую роль играют различия языков: явления, существующие в "чужой" культуре, отсутствуют в "своей", ср.: "Ни на кого из русских поэтов, исключая, видимо, раннего Пушкина, Парни не оказал такого влияния, как на Батюшкова, точнее - никто, кроме Батюшкова и раннего Пушкина, не чувствовал такой настоятельной потребности ввести в русскую

поэзию тот круг образов, который был присущ творчеству Парни."⁴ Иноязычную литературу можно рассматривать в этом случае как "пассивный словарь" "своей" культуры.

9. Особую проблему представляет "эпигонство". Возможно, отличительной его чертой является именно отсутствие организации текстов в корпус, а также превращение цитат в заимствования (включение цитат не является средством создания новых смыслов). Для эпигонства, видимо, характерно также стремление затуманить "чужое слово" (как видно из сказанного выше, цитата - в отличие от заимствования - должна быть опознана). Наконец, если вообще "стирание" (канонизация) приема происходит в виде утраты либо денотата, либо коннотата, то для эпигонства характерен как раз первый случай. Заимствованный элемент плана выражения, в силу своего заимствования, начинает прямо соотноситься с коннотатом, коннотат становится денотатом, прямым значением, прием перестает быть приемом.

⁴ В.Н. Топоров. "Источник" Батюшкова в связи с "Le Torrent" Парни. - Труды по знаковым системам, IV, Гарту, 1969, с.309 (подчеркнуто нами -Г.Д.).

О СУЩНОСТИ ВТОРИЧНОЙ РИТМИЗАЦИИ В ПРОЗЕ.

Е. Орлов (Донецкий ГУ).

0.1. Таблицы ритмических словарей прозы позволяют определить теоретическую вероятность встречаемости в тексте слов с определенным типом зачина (доударной части слова) и слов с определенным типом окончания (заударной части слова).

0.2. Данные, полученные нами из таблицы, составленной М.Л. Гаспаровым¹, дают следующую схему распределения слов (с округлением до 1%): для зачинов - М - 29%, Ж - 42%, Д - 23%, Г - 6%; для окончаний - М - 34%, Ж - 44%, Д - 18%, Г - 4%. Эти данные практически совпадают со средними результатами статистического обследования распределения колонов (синтагм) по типам зачинов и окончаний в русской прозе². Очевидно, что эти числа в сущности и являются цифровым выражением того, что называют "естественным ритмом" прозы (В.М. Жирмунский), "ритмичностью" (Л.И. Тимофеев) и т.д. Наши опыты показывают также, что в прозе существует определенная зависимость между объемом текста и распределением слов и колонов по типам: чем больше текст, тем ближе распределение в нем слов и колонов к теоретической вероятности.

1.1. Рассмотрим исключение из этого правила: текст, в котором нормативное распределение резко нарушено. Таково XVI глава повести Гоголя "Страшная месь", в которой доля мужских словоразделов составляет 52% (таково же

¹ Сб. статей "Теория стиха". Л., 1968, с. 66.

² М.М. Гиршман, Е.Н. Орлов. Проблемы изучения ритма прозы (в печати).

доля колонов с мужским окончанием). Этот результат явился бы достаточным и окончательным для определения ритмического своеобразия данного текста в теории С.П. Боброва, базирующейся на изменениях словоразделов.³

1.2. Если же обратиться к анализу, основанному на синтагматическом членении, то, поскольку распределение зачинов в тексте приближается к нормальному, вероятность встречи слова с мужским окончанием и слова с женским зачином резко возрастает; следовательно, возрастает и количество односложных интервалов внутри колонов (примерно на 10% выше нормы). Так как женский зачин доминирует в колонах, то значительно возрастает число колонов, в которых первый интервал повторяет зачин (получается, напр., схемы X-I- ..., I -I -I -.... и т.д.). Учитывая ряд других последствий искажения нормального распределения, можно сказать, что анализ колонов показывает целый набор "ритмических усиления", описывающий исключительно своеобразный ритм в XVI главе "Страшной мести".

1.3. Из этого следует, что своеобразие ритма художественной прозы, основывающегося на "естественном ритме", есть в то же время следствие нарушения "естественного ритма". Иначе говоря, ритм прозы существует как соблюдение и одновременно нарушение "речевой организации" прозы.⁴

2.1. Нужно принять во внимание, что ритм прозы находится между Сциллой и Харибдой родственных явлений. С одной стороны, он противопоставляет художественную прозу нехудожественной⁵, с другой - т.к. он базируется на

³ С. Б о б р о в. Синтагмы, словоразделы и литавриды. - "Русская литература", 1965, № 4 и 1966, № 1. См. анализ "Дамы с собачкой" - "Русская литература", 1966, № 1, с. 94-95.

⁴ Существование этого парадокса можно сопоставить с ценными замечаниями, содержащимися в статье Ю.М. Лотмана "Заметки о структуре художественного текста". - Труды по знаковым системам. У, Тарту, 1971, с. 181-187.

⁵ см. М. Г и р ш м а н. Содержательность ритма прозы. - "Вопросы литературы", 1968, № 2.

сопоставлении колонов, т.е. примерно равных по слоговому объему речевых отрезков, — ему необходимы факторы, удерживающие его от совпадения со стиховым ритмом.

2.2. Если бы среднее распределение колонов по зачинам и окончаниям сохранялось на протяжении всего текста, "естественный ритм" совпал бы со стиховым. Однако, такой равномерности в художественной прозе не встречается никогда.

2.3. Напр., первый абзац повести "Шинель"⁶ обладает характеристиками, совпадающими со средними для русской прозы. Но анализ абзаца показывает, что текст состоит из групп (от 30 до 70 колонов), в каждой из которых по своему нарушено нормальное распределение. Т.е., в каждой группе, подобно рассмотренному выше тексту целой главы, возникает особый своеобразный ритм.

2.4. Т.е., совпадение ритмических характеристик достаточно большого текста с вероятностными маскирует его "полиритмическую" природу.

3.1. Может возникнуть предположение, что в небольшом по объему тексте со своеобразным, резко отличающимся от "естественного" ритмом, он (ритм), вследствие интервалов равного объема, может совпасть со стиховым.

3.2. Теоретически можно выдвинуть контраргумент, что "принцип самосохранения" вынуждает прозаический ритм выдвигать и соблюдать некие "антистиховые" факторы.

3.3. Анализ подтверждает их существование. Весьма важной представляется, в частности, противопоставленность в распределении по типам зачинов или окончаний между колонами и словами, находящимися внутри колонов (т.е., не являющимися начальными или конечными в колонах).

4. Очевидно, ритмические особенности, опровергающие стиховой ритм в прозаических текстах любого объема и являющиеся конструктивными факторами прозаического ритма, составляют сущность вторичной ритмизации прозы.

⁶ Согласно тексту в кн.: Н.В. Гоголь. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, 1952, т. III.

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДВУХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУШ ВЕКА.

В. Авцен (Донецкий ГУ).

В докладе рассматривается речевая структура "Бедной Лизы" Карамзина и глав из "Путешествия из Петербурга в Москву" Радищева с т.зр. распределения в этих текстах колонов (синтаги) по слоговому объему и по характеру междфразовых и внутрифразовых зачинов и окончаний.

При этом отмечается ряд особенностей, общих для этих произведений и отличающих эти тексты от произведений русской прозы XIX в. Особенно заметно превышение (по сравнению со среднеречевыми нормами) дактилических структур и, главным образом, окончаний, что связано, на наш взгляд, с ритмическими тенденциями ораторской прозы. Специальной и очень перспективной проблемой является выяснение связей речевых структур художественной прозы ХУШ в. с ритмикой светского и церковного кресто-речия.

В распределении колонов по слоговому объему у Карамзина и у Радищева несколько меньше "регулярных" колонов (5-10 сл.), чем в прозе XIX в., за счет увеличения "малых" (1-4 сл.) и "больших" (больше 10 сл.) колонов. Причем, в главах с отсутствием прямой речи у Радищева особенно возрастает количество "больших" колонов, которые преобладают над "малыми" и в средних данных по всей выборке. У Карамзина же "малые" колоны гораздо заметнее, что связано с большей ориентацией писателя на разговорную речь. Сопоставление авторской и прямой речи в "Бедной Лизе" показывает резкое (40%) возрастание "малых" колонов в последней, а также некоторое увеличение в прямой речи мужских зачинов и окончаний. Интересно отметить, что ритмические характеристики в "Бедной Лизе" очень близки к прямой речи "Острова Борнгольм". В докладе подробно анализируется наличие или отсутствие связей

ритмики с типом речи, с особенностями данного произведения и со своеобразием данного Героя.

К ПРОБЛЕМЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЦИТАЦИИ. III.

Г. Левинтон (ЛГУ).

1. "На столе у отца лежали номера "Московских ведомостей", которые получались дважды в неделю. Он читал объявления. Названия вин, продававшихся в винной лавке Клико, Моет, Ам - казались ему музыкой, и самые звуки смутно нравились".¹ Ср.: в "Автобиографическом введении" кн. П.А. Вяземского к собранию его сочинений: "Например, во время оно, Московские ведомости выходили две раза в неделю (...). В Московских ведомостях зачитывался я прайскурантов виноторговцев, особенно нравились мне поэтические названия некоторых вин, например, *Basquas christi* и другие, равно благозвучные. Тут, может быть, пробуждалась и звенела моя поэтическая струна, может быть, но все-таки поэтически, открывалось и предчувствие (...), что некогда буду и я с приятелями моими, Денисом Давыдовым и графом Михаилом Вельеговским, неравнодушным ценителем благородного сока виноградных кистей".² Эти же слова процитированы Л.П. Якубинским в программной статье "О звуках поэтического языка". Слова о "поэтической струне" даны разрядкой (и за ними следует: "особенно интересно в признании Вяземского последнее замечание"), а всей цитате предпослано: "В связи с сосредоточением внимания на звуках находится эмоциональное к ним отношение, некоторые

¹ Ю.Н. Тьяннов. Сочинения в 3-х тт., т. III ("Пушкин"), М.-Л., 1959, с. 112. (Дальнейшие ссылки на этот том).

² П.А. Вяземский. Полн. собр. соч. Т. I, СПб., 1878, с. IV-V.

поэты оставили даже показания о своем эмоциональном отношении к звукам."³

2. Таким образом, речь идет о "двойной" цитации: одному комплексу слов в плане выражения соответствует две источника, т.е. два набора ассоциаций (коннотаций, подтекстов) в плане содержания. Соединение: "Вяземский (источник) + Пушкин (персонаж)" дает инверзист: поэт начала века⁴ (ср. "Московские ведомости" два раза в неделю, мотив "вина", стоящий на грани "Филы" и "литературы", - ср. последние из процитированных слов Вяземского, особенно ссылку на Давыдова⁵). Ссылка на Якубинского (особенно замена "благозвучных названий" на: "и самые звуки смутно нравились", цитирующая: "эмоциональное отношение" "к звукам") является молчаливой перемещением факта из одной биографии в другую, так как, по Якубинскому, эта черта свойственна поэтическому восприятию вообще (т.е. фраза Тьяннова может читаться: "Герой ощущает звуки, как поэт"), но, с другой стороны, отсылка к ОПОЯЗ'у имеет и свой смысл (особенно, учитывая время написания романа), вводя "план автора". Это цитирование "в знак солидарности", автобиографические реминисценции и т.п.

³ Л.П. Якубинский. О звуках поэтического языка. - Сборники по теории поэтического языка. Пр., 1916, с. 19 (перепечатано: Поэтика, I, Пр., 1919, с. 39-40).

⁴ Тем самым цитата входит в ряд "реалий", рассчитанных на опознание; к ним относятся, например, все исторические персонажи с подчеркнуто разным отношением к ним у читателя и персонажей, ср. образ Каремзина в начале романа "Пушкин", связанный с этим противопоставлением (читатель в биографическом романе заранее известно будущее, т.е. появление Каремзина для него семиотично).

⁵ Этот мотив конкретизирует не только время, но и литературное направление, включающее, в частности, молодого Пушкина.

3. Замена "Лакрима Кристи" на "Клико, Моет, Аи" ре-
минисцирует набор из "Онегина": "Вдовы Клико или Моета
Благословенное вино (...) К Аи я больше не способен
(...) Но ты, Бордо, подобен другу" ("Евгений Онегин",
гл. IV, строфы XV-XVI).⁶ Этот ряд играет роль "ложной
мотивировки" псевдо-"биографической основы" цитируемых
строк (может быть, отчасти пародируя "биографический
метод")⁷, в то же время "закрашая" воспоминание Вя-
земского в биографии Пушкина⁸. Существенно также, что

⁶ Здесь - синтагматическое усложнение цитаты, как в первом случае - парадигматическое.

⁷ Так, начало 26 главки 3 части "Пушкина" (стр. 522-523) таким же образом соотносится с: "Зорю бьют, Из рук моих". Ср. также: "теперь каждое утро Пушкин просыпался с этой целью: он должен был быть уверен, что вечером (...) будет видеть ее" (с. 472 - подчеркнуто нами - Л.Д.) - при: "И утром должен быть уверен, что с Вами днем увижусь я". Ср. также эпизод, в котором Пушкин читает слова Стерна, прямо соотнесенный с цитированием этих слов в "Отрывках из писем, мыслей и замечаний" (Пушкин, т. XI, с. 52. Этот фрагмент был опубликован в 1924 г. - "Русский Современник", 1924, № 2); ср. у Тынянова: "Не он один испытал это, но как можно об этом говорить, это наблюдать, писать об этом" (с. 433) и у Пушкина: "несносный наблюдатель! знал бы про себя, многие того не заметили б" (с. 52); здесь одновременно вводится и ОПОЯЗ'овская тема: "Пушкин и Стерн" (ср. В. Шклов - с к и й. "Евгений Онегин". Пушкин и Стерн! В сб.: Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923).

⁸ Возможно, изъятие ("минус-употребление") "Лакрима Кристи" в связи с "до-ономестическим" значением этого названия соотносится с "вольтерьянством" раннего Пушкина.

в цитируемых строфах "Онегина" вина противопоставлены как связанные с "молодостью" (Клико, Моет, Аи) и "старостью" (Бордо). Цитирование именно первого набора связывается, видимо, с противопоставлением поэзии молодого Пушкина⁹ его поздней лирике (ср. ряд замечаний выше), а также с противопоставлением ранних и поздних концепций ОПОЯЗ'а: статья Якубинского была опубликована в первом сборнике ОПОЯЗ'а, и утверждение самоценности фонологического уровня впоследствии неоднократно оценивалось как черта самого раннего периода.¹⁰ Вообще проблема ОПОЯЗ'овских реминисценций у Тынянова чрезвычайно интересна, ср., например, обыгрывание этнографической недостоверности списка кавказских племен у Луковского во II разделе 4 главы "Смерти Вазир-Мухтара" ("камукинцы" и "чачерейцы"), пародирующее "бытовое" восприятие текста (ср. многократно описанную "формалистами" роль экзотизмов - в частности, этнонимов - в стиховой речи).

⁹ То, что в романе речь идет о детстве, а не о молодости, не существенно; ср. у Пушкина: "в младенчестве моем ..."

¹⁰ Фонологии почти целиком (за вычетом двух статей) посвящены первые два выпуска "Сборников по теории поэтического языка" (1916, 1917). Ср.: "Сопоставление поэтического языка с практическим в общей форме было сделано Л. Якубинским в его первой статье" (Б.М. Эйхенбаум и м. Литература. Л., 1927, с. 122), "формалисты начали свою работу с вопроса о звуках стиха (...) и за этим частным вопросом поэтики стояли, конечно, более общие тезисы, которые и должны были обнаружиться" (там же, с. 124). Ср. в той же статье ряд оценок первого периода ОПОЯЗ'а ("предварительной стадии теоретической работы" - с. 128), а также оценку указанной статьи самими Якубинским (о диалогической речи. - Русская речь. I. Пг., 1923, с. 114-116), к которой присоединяется и Б.М. Эйхенбаум (ук. соч., с. 138). Ср. также полемику с другой статьей Якубинского (1917 года) в кн.: Р.О. Якобсон о н. О чешском стихе. Берлин, 1923, с. 17.

ДВУСТУПЕНЧАТАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА.

И. Паперно (ТГУ).

"... Буквально как на розовом коне, мало чего понимая, проскакали мы по цветущим полям нашей вности. И когда стали кое-где понимать, то увидели, что все не так-то распрекрасно, как это нам казалось с седла нашей розовой сивки. И все эти розовые картины, которые рисовались нам, оказались совершенно иными. Кроме пожаров и обмороков, кругом были огромные неудачи. И эти огромные неудачи буквально переполнили нашу дореволюционную страну.

И даже наш прекрасный, но лирический поэт того времени, хотевший видеть главным образом цветы, луну и букеты, однажды так воскликнул:

И низких нищих деревень
Не счастье, не смертью оком! ...
О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

Однако закончим наши лирические отступления и перейдем к делу.¹

Можно показать, что единицы этого текста организованы двуступенчато: либо в стилистическом, либо в семантическом, либо в смысловом отношении. Так, "розовый конь", "цветущие поля вности" представляют собой верхнюю стилистическую ступень первого предложения; "буквально", "мало чего" находятся на его нижней стилистической ступени.

¹ М. Зощенко. Голубая книга. В кн.: Избранные произведения в 2-тт. Т.2, Л., 1968, с.341.

В пределах контекста, т.е. на верхней (поэтической) ступени, метафоры реализуются традиционно; наличие нижней стилистической ступени создает речевую ситуацию, в которой метафоры реализуются иронически. То, что использованные метафоры шаблонны, усиливает эффект, но не является обязательным условием их иронической реализации.

Во втором предложении эпитет "розовая" выступает только как знак верхней ступени. Здесь на нижней ступени "кое-что понимать", "не так-то распрекрасно", "сивка".

Продолжая анализ на уровне фраз, выделим оппозиции верхних и нижних ступеней с подчинительной связью между ними:

"розовые картины"
"рисовались нам"

"огромные неудачи"
"переполнили страну"

"поэт воскликнул"

"эти" "которые"
"оказались совершенно иными"

"дореволюционную"
"буквально"

"того времени"
"главным образом",

и с сочинительной связью: "пожары и обмороки", "цветы, луна и букеты", "прекрасный, но лирический", где двуступенчатость создается тем, что соединяемые слова принадлежат к разным тематическим группам, т.е. здесь двуступенчатость не стилистическая, а семантическая.

Смысловую двуступенчатость иллюстрирует оппозиция содержания стихотворения, включенного в текст, и фразы: "Однако закончим наши лирические отступления и перейдем к делу", - оппозиция, иронически реализующая содержание цитируемой строфы.

Любопытно, что само стихотворение тоже содержит пары:

"низких"
"не счесть"
"О, нищая ..."
"Что ты ...?"

"нищих"
"не смерть"
"О, бедная..."
"О чем ...?, но

эти пары оппозиций не составляют, эти ступени никуда не ведут. Двуступенчатость, предлагающая подход к явлению одновременно с двух противоположных точек зрения, провоцирует иронию. В этом отношении стихотворная цитата с ее односторонним подходом прямо противоположна авторскому тексту.

Подобной двуступенчатостью как литературным приемом пользовались Саша Черный, Александр Введенский, И. Северянин, Вертинский в своих песнях.

Вообще говоря, для выделения при чтении или любом другом восприятии одновременно двух противоположных подходов к материалу не обязательно наличие двух четко выраженных стилистических, семантических или смысловых ступеней. Для восприимчивого читателя или зрителя достаточно лишь обрамления или любого другого знака, дающего установку на двустороннее восприятие. Таким знаком, например, может оказаться публикация в современном иллюстрированном журнале почтовой карточки начала века.

Если так обрамляемый объект сам по себе эстетически организован достаточно высоко, он получает новую реализацию в условиях сопоставления двух различных эстетических систем. Двуступенчатость при этом создается оппозицией эстетических систем.

Этот прием, широко распространившийся в современной литературе, живописи, кино, элементах оформления, "поп-музыка", был назван по-английски слэнговым словом "кемп" и под этим именем в 1965 году впервые стал объектом научного описания (см. в кн.: Susan Sontag. Against Interpretation - Notes on camp. N.-Y., 1966.)

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛЬНОЙ И МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ДОРОГИ В СИСТЕМЕ ПОЭТИКИ ГОГОЛЯ.

Л. Иванова (Стерлитамакский ПИ).

О.О. Тема дороги в интересующем нас плане не была еще предметом специального исследования. (См., однако: Ю.М. Л о т м а н. Художественное пространство у Гоголя. - Уч. зап. Тартуского университета, вып. I. Тарту, 1967; Д. М а я н. Фантастическое и реальное у Гоголя. - ВЛ, 1969, № 9).

О.А. Тема дороги рассматривается в докладе на материале следующих произведений Гоголя: "Иван Федорович Шпонька и его тетюшка", "Старосветские помещики", "Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем", "Нос", "Портрет", "Записки сумасшедшего", "Ревизор", "Мертвые души". (Все цитаты даны по изданию: Н.В. Г о г о л ь. Собр. соч. в шести томах. М., 1952-1953 - с указанием в скобках тома и страницы).

А.О. Постоянное присутствие темы дороги в системе поэтики Гоголя сомнений не вызывает. Весьма существенно то, что представления о дороге реализуются в произведениях Гоголя всегда, по крайней мере, в двух вариантах - по контрасту и по симметрии. Контрастирует дорога: а) в реальном и фантастическом пространстве; б) действительные и воображаемые; в) включенные в фабулу авторского повествования и принадлежащие "рассказу в рассказе" (под фабулой понимаем набор и последовательность событий; термин "рассказ в рассказе" трактуем расширительно, - в "Портрете" реплика квартирохозяина об Анне Петровне Бухмистеровой, нанимающей конюшню на два стойла, - см. 3, 85 - рассматривается как "рассказ в рассказе"); г) вещественные и метафорические; д) состоявшиеся и не состоявшиеся; е) (что представляется, на наш взгляд, особенно важным) дороге и атрибуту дороги. Приведенная

типология характеризует, в первую очередь, внутренний мир произведения. (См.: Д. И и х а ч е в. Внутренний мир художественного произведения. - ВЛ, 1968, № 8). Такова постановка вопроса в синхронно-типологическом аспекте.

1.1. Не меньший исследовательский интерес представляет диахроническое рассмотрение нашего материала.

1.1.0. В повести "Иван Федорович Шпонька и его тетушка" с дорогой Ивана Федоровича контрастирует упоминание о путешествии некоего Коробейникова к святым местам (см. 1, 205). Явившись как часть "рассказа в рассказе", это упоминание порождает представление о дороге, принадлежащей действительности, отличной от мира мнимого существования Шпоньки.

1.1.1. В "Старосветских помещиках" контрастирует воображаемая дорога Афанасия Ивановича и действительная дорога рассказчика, и с ними обожми - происшествие с серой кошечкой, связанное в воображении Пульхерии Ивановны с дорогой из фантастического мира в реальный.

1.1.2. В "Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" интересующая нас система контрастов впервые заметно осложняется присутствием атрибутов дороги - несостоявшейся и невозможной в мире гоголевских персонажей ("старинное седло с оборванными стременами", "чепрак когда-то алого цвета" - 2, 199).

1.1.3. В "Носе" атрибуты дороги фигурируют в объявлениях, о которых мы узнаем, попав в газетную экспедицию (см. 3, 54; объявления - форме "рассказа в рассказе"), что весьма обогащает смысловую нагруженность контраста дорог (осуществившаяся дорога Ковалева, когда он приехал с Кавказа, и неосуществившаяся - носа - в Ригу, см. 3, 61 и др.).

1.1.4. В "Портрете" контрастируют дороге Чарткова по Невскому и дороге подлинного художника в Италию. По-

прежнему важная роль принадлежит атрибутам дороги, включенным в состав "рассказа в рассказе".

1.1.5. В "Записках сумасшедшего" особенно богато семантически насыщен контраст воображаемых и действительных дорог (тема, намеченная в "Невском проспекте" и в меньшей мере - в "Портрете").

1.1.6. В "Ревизоре" с системой контрастов связана тема доступности дороги для персонажей, явившаяся прежде в "Миргороде".

1.1.7. Показательно, что "Мертвые души" открываются разговором о колесе (атрибут дороги - элемент "рассказа в рассказе"). Контрасты дорог в "Мертвых душах", естественно, немного богаче, чем в других произведениях Гоголя. Главенствует контраст дорог автора и Чичикова.

2.0. Смысл контрастов дорог связан, прежде всего, с тем, что в системе гоголевской поэтики постоянное преодоление непрестанно возникающих пространственных преград интерпретируется как наиболее цельное представление о полноте человеческого бытия, что имеет глубокие корни в народной поэтике (см. названную выше статью Д.И. Л о т м а н е).

2.1. Многие комические и драматические (а также комические и драматические одновременно) коллизии в произведениях Гоголя возникают, когда персонаж пытается в мнимом существовании построить нечто действительное, но не в состоянии выйти за пределы мнимого бытия. Этим и определяется, в первую очередь, смысловое наполнение конкретных контрастных структур, связанных в произведениях Гоголя с темой дороги.

ЦИКЛ НОВЕЛЛ И РОМАН.
(К вопросу о типологии прозы).

М. Левин (ТГУ).

0.1. В специальной литературе еще нет единого мнения о теории прозы, хотя по различным аспектам этой проблемы накоплен значительный материал. Представляется, что известную помощь здесь может оказать типология эпических жанров. Созданию такой типологии должно предшествовать сопоставление наиболее крупных "блоков" системы - цикла новелл и романа (для выяснения направления исследования и ограничения его материала). Подобное сопоставление корректно, если помнить о генезисе жанра "роман" в европейской литературе нового времени.

0.2. Полагая новеллистический цикл (функциональное единство сюжетных вариантов темы) самостоятельным жанром, можно утверждать, что он обладает собственной поэтикой, почти не изменившейся со времен Боккаччо до наших дней, и глубоко своеобразной идеологией.

1.1. Цикл новелл, от "Декамерона" до "Рассказов ... господина Синябрихова" Зоценко или "Конармии" Бабеля, появляется, видимо, тогда, когда качественно меняется действительность, - на стыке двух эпох. Если эпос, как показал М.М. Бахтин, архаичен, а роман - историчен¹, то новеллистический цикл актуален (т.к. описывает нечто, совершающееся - с точки зрения повествователя и читателя - в момент завязки сюжета).

1.2. Циклизация отдельных новелл в единый целостный текст происходит в результате их актуализации. Сочетание двух различных по имманентному "смыслу", "сюжету" и т.д. новелл дает некий новый "сверхсмысл" их обеих (как,

¹ М.М. Бахтин. Эпос и роман. - "Вопросы литературы", 1970, № 1.

например, в выражении М. Зоценко "собака системы пудель")². Непривычное и неожиданное соединение конкретного с абстрактным, частного с общим и т.п. позволяет проверить, оценить и т.п. В этом, вероятно, и состоит функциональность приема циклизации. Обязательность же восприятия отдельных новелл в качестве элементов контекста целого текста декретирована ремарками автора (подзаголовки, различного рода предисловия Повествователя и пр.), создающими рамку текста как целого.

2.1. Повествователь (не путать с автором!) в романах-эпосе описываемой ситуации (она завершилась до начала описания), т.к. роман историчен. Поэтому сюжет романа завершен (или предсказуем, что то же). Повествователь в цикле новелл - один из участников описываемой ситуации (описание события мыслится как идущее синхронно самому событию), т.к. цикл актуален. В силу этого его сюжет принципиально не имеет конца (действие продолжается).³

2.2. Функциональность новеллистического цикла как целого текста - в постановке проблемы, но не в ее разрешении. Это оперативный жанр, он очень быстро замечает проблему и стремится осветить ее всесторонне. Но решать поставленную проблему циклу новелл "некогда": переходное время сменяется более устойчивым периодом.

² Вслед за В.Б. Шкловским можно было бы говорить здесь об остранинии, но остраниние означает сдвиг понятия, а мы имеем дело с возникновением нового содержания.

³ Наличие "не-конца" в некоторых романах (например, у Sterne) - свидетельство влияния цикла новелл на роман.

Принципиально не давая решений, цикл пародирует аксиоматичность выводов отдельной (не-циклической) новеллы и романа.

3.1. Роман в переходную эпоху появляется сравнительно редко. Но здесь он, как правило, хранит в себе многие черты новеллистического цикла ("Дон Кихот", "Жиль Блаз", "Герой нашего времени" - для всех этих произведений характерны рамка, дробность композиции, актуализация смежных элементов сюжетной структуры и др.). Примечательно, что и первый советский роман ("Два мира" В. Зазубрина, 1919) имеет поэтику, весьма сходную с поэтикой новеллистического цикла.

3.2. Цикл новелл не только влияет на роман, но и сам испытывает его воздействие, о чем свидетельствуют видовые формы цикла новелл как жанра - романический цикл ("Декамерон", "Рассказы Назара Ильича господина Синебрихова") и эпический цикл ("Конармия"). Последнее намечает связь цикла новелл с жанром эпоса.

4.1. Внедрение элементов структуры новеллистического цикла в "тело" романа представляет маловероятным создание такой типологии художественной прозы, в которой жанру "цикл новелл" не отводилось бы подобающее место.

ПРОБЛЕМА ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА И ПОЭЗИЯ А.А. ФЕТА.

Л. Ляпина (ЛГУ).

1. Лирический цикл очень популярен в русской поэзии начала XX века (Бальмонт, Блок, Маяковский и др.)

Но для исследования его жанровых особенностей необходимо обратиться к периоду его зарождения и становления в русской поэзии, т.е. к середине XIX века.

2. К середине XIX века разрушение жанрового мышления становится литературным фактом. Лирические стихотворения начинают объединяться в группы уже не по жанровой принадлежности. Причем значаще, как правило, такое объединение проводится в каждом случае лишь по одному-двум признакам (в отличие от более поздних "многосплавных" циклов, организованных по нескольким линиям одновременно). Можно выделить циклы "дневниковые", "сюжетные", "тематические", "философские" и т.д.

В интересующий нас период, когда традиции структурной организации циклов еще не сложились, эти типы циклов выступают как индивидуальные.

3. Почти все сборники Фета разбиты на разделы ("Элегии", "Мелодии", "Гадания", "Весна", "Снег", "К Офелии" и др.). История композиции сборников Фета демонстрирует переход поэта от жанрового объединения стихотворений к тематическому, разделы сборников все больше напоминают лирические циклы.

4. Циклическая организация лирики Фета обусловлена особенностями его поэзии: "импрессионизмом" образов, их неоднократной повторяемостью, ассоциативностью поэтического мышления.

Образы поэзии Фета обладают "эмоциональными ореолами" (термин Б.Я. Бухштаба); как показывает анализ, выявить их помогает контекст циклов.

5. В процессе эволюции все большую роль играет композиция этих циклов-разделов Фета. В некоторых ("Море", "К Офелии") можно выявить композиционные линии, характерные уже и для "настоящих" лирических циклов начала XX века.

ЗАМЕЧАНИЯ О ПОЭТИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ.

Н. Охотин (МГУ).

1.1. При чтении/анализе данного поэтического текста - исходного текста, ИТ - читатель порождает "встречный" текст - ВТ (ср. неоднозначность интерпретации одного и того же высказывания говорящим и слушающим); порождение ВТ (т.е. моделирование исходного текста) рассматривается как единый процесс с последовательной сменой этапов анализа и синтеза.

Рассматривается общий для ИТ и ВТ язык; элементом такого является, в первую очередь, язык естественный, задающий единую для всех его носителей картину мира (языковая, "наивная" картина мира); другим элементом, вероятно, будет язык "культурной общности". Разумеется, "культурная общность" читателя и автора может быть очень небольшой, а то и вовсе отсутствовать по некоторым параметрам.

Вводится интуитивное понятие подготовленности читателя, включающее в себя понятие достаточности и недостаточности "культурной общности" и понятие способности или неспособности к порождению ВТ (умение читать/анализировать стихи).

2. Читатель анализирует ИТ, извлекая из него, по мере своей подготовленности, тот или иной "поэтический" язык, в той или иной степени приближающийся к "поэтическому" языку ИТ. Приступая к синтезу ВТ, читатель стремится квалифицировать каждый факт ИТ в рамках системы обнаруженного "поэтического" языка.

3. Синтезированный ВТ, в зависимости от подготовленности читателя и от технического качества анализа, может быть либо омонимичным, либо условно-тождественным ИТ. Не вступая в область интуитивных домыслов, по мере не-

обоснованности далеко превосходящих даже те зыбкие границы "объективности исследования", в рамках которых ведется обсуждения основной тематики доклада и удаленности которых от границ точного исследования нет необходимости подчеркивать, невозможно обсуждать вопрос о тождественности ИТ и ВТ, как бы условно она ни понималась.

II

4. Допускается, что исходный текст ориентирован на читателя. Таким образом, читатель возводится в ранг адресата.

5. Выясняется роль языковых неправильностей (1-ый пласт текста) и "нарушений норм "здравого смысла" в их "реалистической", внешне-бытовой части -2-ой пласт текста)¹. Представляется возможным трактовать эти неправильности как показатели "глубины" текста, т.е. как показатели такого уровня сознательности ИТ и ВТ, при котором синтезированный текст будет осмысляться удовлетворяюще-омонимичным исходному (т.е. все факты языка ВТ будут омонимичны всем фактам языка ИТ, но допустимая степень этой омонимичности задается не произвольно, а исходным текстом).

Специально для текста Пастернака можно сказать, что нарушения 1-го и 2-го пласта нейтрализуются в ВТ лишь на более высоких уровнях организации "поэтического" языка: например, на уровне зрительных образов (см.: Ю.М. Лотман, указ. соч., с.238).

6. Инструмент нейтрализации неправильностей 1-го и 2-го пластов, очевидно, сродни инструменту расставления

¹ Ю.М. Лотман. Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста. Труды по знаковым системам. 4, Тарту, 1969.

казычек при анализе грамматической правильности предложения.²

Ш.

7. Анализ конкретного текста: Б.Л. Пастернак, дики "Метель" из книги "Поверх барьеров" (1. "В посаде, куда ни одна нога ...", 1914/15 г. и 2. "Все в крестиках двери, как в Варфоломееву ...", 1928 г.)³

8. Обсуждение некоторых стиховедческих понятий в конкретном текстовом приложении: 1. Rhythmbau; 2. соотношение с е м а н т и ч е с к а я д о м и н а н т а - т е м а; 3. понимание ц и к л а как парадигматической структуры, где элемент парадигмы столь же представитель, как и вся парадигма; 4. понимание ц и к л а как высказывания (ср. с в а р и а н т о м в понимании Ю.М. Л о т м а н а, указ. соч., стр. 207-208).

² См.: Б.А. У с п е н с к и й. Грамматическая правильность и понимание. Тезисы Мехвузовской конференции по порождающим грамматикам. Тарту, 1967. И.И. Р е в з и н. Грамматическая правильность, поэтическая речь и проблема управления. Труды по знаковым системам. 5, Тарту, 1971.

³ Б.Л. П а с т е р н а к. Стихотворения и поэмы. СП, М.-Л., 1965, стр. 84. Разночтения по изданиям: Б.Л. П а с т е р н а к. Поверх барьеров. М.-Л., 1929. Б.Л. П а с т е р н а к. Избранные стихи и поэмы. М., 1945.

ОПЫТ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ СТРОФИКИ.

М.Лотман, С. Рейфман (ТГУ).

0.0. Функциональным мы считаем (вслед за Б.М. Гаспаровым¹) такое описание единицы системы, при котором эта единица рассматривается с точки зрения ее взаимодействия с другими единицами того же уровня.

0.1. Целью настоящей работы является создание классификации строф и выявление количественных единиц строфичности.

1.0. Мы исходим из представления о том, что строфа есть единица:

- 1.0.1. формальной сегментации поэтического текста;
- 1.0.2. регулярной сегментации поэтического текста.

1.1. Каждое средство строфической сегментации (в дальнейшем - С С С) должно выделять строфу при условиях:

1.1.1. его регулярности (предлагаются критерии регулярности);

1.1.2. отсутствия в данном тексте других С С С.

1.2. На основании условий 1.1.1. и 1.1.2. мы выделяем четыре типа С С С.

Это суть:

1.2.1. Графические С С С (пробел, сдвиг и т.д.).

1.2.2. Метрические С С С (чередование разнометрических строк).

¹ Б.М. Г а с п а р о в. Проблемы функционального описания предложения (на материале современного русского языка) (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук). Минск, 1971, с.6.

1.2.3. Фонологические С С С (рифма).

1.2.4. Лексические С С С (рефрен, кольцо и т.д.).

2.0. Вводится понятие связи. Так, например, графической связью объединены строки, находящиеся между двумя пробелами; рифменная связь действует между рифмуемыми строками и т.д.

2.1. Группой назовем наименьшее количество строк, не имеющих связи с соседними строками. Таким образом, выделяются графические, метрические и т.д. группы.

2.2. Иногда в тексте можно выделить регулярные относительно какого-либо С С С массивы строк. Такие массивы строк мы назовем периодом относительно данного С С С (Ср. с группой симметрии у И.М. Яглома и В.Я. Бересневой)². В целях наглядности имеет смысл представить строфическую структуру в виде орнамента).

3.0. Одним из наиболее сложных моментов описания строфики является однозначная разовка текста на строфы. Строфой мы называем минимальный массив строк, состоящий из целого числа всех типов периодов, реализованных в тексте. (В ряде случаев выделяемые таким образом строфы не совпадают с нашим интуитивным представлением о строфе, напр., в терциях такой строфой будет массив из 6 строк, а в октавах с альтернансом - из 16 строк).

3.1. В случае, если в тексте или в части текста нет периодичности (т.е. текст гетерострофичен), строфой будем считать минимальный массив строк, состоящий из целого числа групп.

² И.М. Яглом, В.Я. Береснева. Симметрия как основа орнаментального мышления. В сб.: "Точные методы в исследованиях культуры и искусства". (Материалы к симпозиуму). М., 1974, с.126.

4.0. Основываясь на 1.0.1. и 1.0.2., определяем строфичность двумя способами:

4.1. Строфичность есть мера цельности и замкнутости строфы.

4.2. Строфичность есть мера периодичности текста.

5.0. Отсюда - возможность двух видов классификации текста с точки зрения строфичности:

5.1. Классификация по числу С С С, относительно которых строфа замкнута (см. табл. 1). В этом случае "+" означает наличие в строфе данного С С С и замкнутости строфы относительно него.

5.2. Классификация по числу С С С, относительно которых текст периодичен (см. табл. 1 - внешне классификация будет выглядеть так же, как в 5.1.).

В этом случае "+" означает наличие периодичности по какому-либо С С С, причем отсутствие данного С С С приравнивается периодичности относительно него же.

С С С \ Тип	Тип															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Графические	+	+	+	+	-	+	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-
Метрические	+	+	+	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	-	-	-
Фонологические	+	+	-	+	+	-	+	-	-	+	+	-	-	+	-	-
Лексические	+	-	+	+	+	-	-	+	+	-	+	-	-	-	+	-

Т а б л и ц а 1.

6.0. Количественные оценки строфичности мы выводим с тех же позиций (4.1 и 4.2), с которых мы в 5.1 и 5.2 классифицировали строфический материал.

6.1. Вводим три количественные характеристики:

6.1.1. Коэффициент цельности строфы.

6.1.1.1. Предварительно введем понятие группы второго порядка (в дальнейшем: ГВП). Пусть между двумя строчками количество связей меньше, чем между ними и соседними строками. Совокупность строк между двумя такими местами и является ГВП. Относительную высоту ГВП (h) определим как

$$h = 1 - \frac{n_1}{n_2},$$

где n_1 - среднее число связей между ГВП; n_2 - среднее число связей внутри ГВП. Коэффициент "цельности" ($K_{ц.}$) строфы зададим формулой

$$K_{ц.} = \frac{1}{\sum_1 h_1},$$

где 1 нумерует ГВП в строфе. $K_{ц.}$ учитывает число ГВП в строфе и их среднюю относительную высоту.

6.1.2. Коэффициент "замкнутости" строфы -

$$K_{з.} = 1 - \frac{n_1'}{n_2'}$$

где n_1' - среднее число связей между строфами, а n_2' - среднее число связей в строфе.

6.1.3. Коэффициент периодичности текста -

$$K_{п.} = \frac{P}{N}$$

где P - число нарушений периодичности по всем ССС, а N - максимально возможное число таких нарушений.³

³ Выражаем глубокую признательность Б.М. Гаспарову за многочисленные консультации.

СТРОФИКА.

(Принцип выделения строфического стиха).

С. Шахвердов (ТГУ).

Совершенно очевидно, что строки любого стихотворного текста тек или иначе организуются в более крупные единицы (КЕ)¹. В русском стихе границы КЕ можно отметить несколькими способами на различных уровнях. Поэтому пока удобнее будет говорить о КЕ фонетического, ритмического и пр. уровней. Уточним понятие КЕ, укажем, что с т р о к а принимается нами за наименьший и далее неделимый элемент КЕ (с точки зрения анализа КЕ), а КЕ, в свою очередь, определяется как совокупность строк. Мысленно перебирая известные нам уровни стиха, мы находим среди них четыре таких, которые используются при построении КЕ: фонетический, ритмический, синтаксический, графический. Элементы, выполняющие роль сигнала границы КЕ, на фонетическом уровне - рифмы, рефрен, на ритмическом - ритмические формы (фигуры), клаузулы, на синтаксическом - "сложное целое" (термин А.М. Пешковского) и на графическом - типографические пробелы, отступы и т.д.

Между собой КЕ вступают в отношения тождества и смежности. Первый вид этих отношений характеризует строфический стих (СС) (независимо от уровня КЕ), второй - астрофический стих (АС)². На основе этого нетрудно сформулировать правила СС и АС.

¹ Термина, общего для обозначения крупных стиховых единиц строфического и астрофического стиха, в стиховедении пока нет. Поэтому, в рабочем порядке, будем именовать интересующие нас единицы "КЕ" (композиционные единицы).

² Довольно часто КЕ совпадают с текстом.

1. В СС чередуются разнострочные КЕ.
2. В АС чередуются неравнострочные КЕ.

Однако практический выбор КЕ сравнительно невелик. Поэтому в АС нередко будут чередоваться равнострочные КЕ, что противоречит правилу 2. По этому же правилу в АС окажутся конструкции типа "Скульптор" Баратынского (со схемой КЕ 4545), хотя между КЕ этого стихотворения налицо отношения изоморфности (4=4, 5=5), осложненные, правда, их особым расположением. Во избежание противоречия, вводится понятие *регулярности*, и в окончательном варианте правила примут такой вид:

- I. в СС регулярно повторяются: а) равнострочные КЕ; б) неравнострочные.
- II. в АС нерегулярно повторяются равнострочные и/или неравнострочные КЕ.

С т р о ф а — единица более высокого порядка, чем КЕ (в СС). В АС параллельную единицу можно было бы назвать *г р у п п о й*, хотя для строфического стиха она не обязательна. Это объясняется своеобразной закономерностью: чем выше порядок единиц, тем сильнее проявляется в них специфика конструкции, и поэтому между ними реже появляются параллели.

К ПРОБЛЕМЕ ПОВТОРОВ В СТИХОТВОРНОМ ТЕКСТЕ.

Р. Папаян (ТГУ).

1. Проблема повторов в стихотворном тексте неоднократно привлекала внимание литературоведческой науки. Однако пока это имело форму лишь констатации явления и классификации форм повторов на разных уровнях.¹ Природа и функция повторов в структуре текста стала предметом исследования лишь в недавнее время.² Вовсе не затрагивалась проблема взаимосвязи и взаиморегуляции повторов на разных уровнях организации текста. Рассмотрение этой последней проблемы и является нашей непосредственной задачей. Мы ограничились рассмотрением лишь повторов на низших уровнях текста.

2. Интересующие нас явления целесообразно классифицировать следующим образом: I. внутрискорые тонические (акцентные) повторы — повторение определенного типа акцентирования (например, ударения) в определенных позициях в метрическом ряду; II. междискорые: а) метрические повторы, предполагающие повторение изометрических стихов; б) ритмические повторы, предполагающие повторение одинаковых ритмических вариантов метра; в) эвфонические повторы (мы ограничились лишь рифмой); III. строфические повторы.

3. Лексические повторы (анафоры, эпифоры и т.д.) создают определенные интонации, присущие песенным текстам. Это влечет ряд последствий на низших уровнях

¹ В. Ж и р м у н с к и й. Композиция лирических стихотворений. М., 1921; О. Б р и к. Звуковые повторы (анализ звуковой структуры стиха). В кн.: Поэтика. Лг., 1919, с. 58-98 и др.

² См., например: Ю. М. Л о т м а н. Структура художественного текста. М., 1970.

текста. В первую очередь, сказывается это в том, что здесь также возрастают все типы повторов. Тексты, близкие по своему характеру к песенным, в основном представляют собой: а) изометрические стихи; б) стихи с "неподвижным" или "малоподвижным" метром, не допускающим обилие ритмических вариантов. Таковыми являются хорейские и трехсложные метры. О песенности этих размеров писалось неоднократно.³ В текстах такого типа из ямбических размеров встречаются лишь малые метры (предел - сочетание трех- и четырехсложного), количество ритмических вариантов которых близко к количеству вариантов четырехсложного хорей. Ограниченное количество ритмических форм обеспечивает большую повторяемость на уровне ритма; в) в трехсложных метрах это распространяется и на повторы на тоническом (акцентном) уровне: реализуются ударения на всех иктах; г) максимально усиливаются строфические повторы. Совпадение повторов на высших (лексическом и т.д.) и низших уровнях оценивается как явление рефрена.

4. Снижение интенсивности лексических и прочих повторов на высших уровнях влечет параллельное снижение повторов и на уровнях низших. При этом последние находятся в обратно-коррелирующей связи друг с другом: рост повторяемости одного фактора непременно компенсируется снижением повторов иных структурных элементов. Яркий пример этому - эволюция стиховой структуры жанра поэмы в русской поэзии. Являясь эпическим, повествовательным жанром, поэма предполагает пониженный уровень лексических повторяемостей по сравнению с

³ Б. Эйхенбаум. Мелодика русского лирического стиха. Л., 1969, с.332; Б. Томашевский и И. Стих и язык. М.-Л., 1959, с.57; К.Д. Вишневский и И. Становление трехсложных размеров в русской поэзии. В кн.: Русская советская поэзия и стиховедение. М., 1969, с.210.

песенной лирикой. Соответственно этому и развивалась стиховая структура поэмы. Гекзаметр отличался реализацией всех метрических ударений (тонические повторы) и отсутствием повторения объема междуиктовых интервалов и системы эфонических повторов - рифмы (конечной же, соответственно законам античного гекзаметра). При урегулировании междуиктовых интервалов и появления рифм исчезает тоническая (акцентная) повторяемость и рождается альтернирующий шестистопный ямба поэмы. При этом появляется еще один повторяющийся фактор - обязательный словораздел. С появлением сокращения объема повтора романтической поэмы происходит сокращение объема повторяющихся единиц - стихов, что, в свою очередь, приводит к росту числа повторов на метрическом уровне, компенсируемого исчезновением повтора обязательного словораздела и строфических повторов. Появление строфической повторяемости ведет к увеличению объема стиха поэмы до пятистопного ямба ("Домик в Коломне" Пушкина, "Дракон" А.К. Толстого) и тем самым к разрядке интенсивности метрических повторов.⁴ Попутно отметим, что повтор обязательного словораздела в этом размере исчезает именно в жанре поэмы.⁵ Новая урегулированность акцентов на иктах разрушает повторяемость объема междуиктовых интервалов - в поэму вычлняется дольник и чисто-тонический стих.

⁴ В "Гавриилиаде" Пушкина компенсация происходит в области метрических повторов - здесь господствует ритмическая инерция неонов (около 20% стихов укладывается в их схему) и сохраняется обязательный словораздел. "Евгений Онегин" Пушкина будет оговорен отдельно.

⁵ Например, в единственной пятистопной ямбической балладе А.К. Толстого "Ругавит" цезура сохранена.

5. Драма, являясь жанром, наиболее близким к разговорным интонациям, разумеется, допускает минимальный повтор на уровне лексики, синтаксиса и т.д. Поэтому она допускает в своем метрическом репертуаре наиболее подвижные стиховые формы. Таковым является, во-первых, вольный ямб, где исчезают повторы и на метрическом уровне. При появлении последних исчезает другой повторяющийся фактор — рифма (белый пятистопный ямб). Эти два размера чуть ли не единственны в метрическом репертуаре русской стихотворной драмы, по крайней мере, в поэзии XIX в.⁶ Появление дольника в этом жанре (Блок) восстанавливает (как и в поэме) повторяемость ударений на иктах, но (как и в поэме) разрушает урегулированность объема междуиктовых интервалов. В отличие же от дольника поэмы в дольнике драмы отсутствует система эвфонических повторов — рифма.

6. Интенсивность повторов на метрическом уровне предопределяет жанровую прикрепленность метров. Так, трехсложники и хорей в русской поэзии тяготеют к жанрам, так или иначе связанным с музыкой (песенная лирика), сказом (баллада, сказка), в то время, как ямбические метры доминируют в повествовательных жанрах. Четырехстопный ямб в данном случае выступает как более или менее нейтральный в жанровом отношении метр, так как он занимает промежуточное, пограничное положение между метрами подвижными и неподвижными (с большим и малым количеством ритмических вариантов).

7. Жанровая природа повторов относительна. Интенсивность повторов на том или ином уровне определяет жанровую специфику данной стиховой структуры лишь на фоне иных метров, составляющих произведение (полиметрическое) или стихотворный цикл. Так, в поэмах Пушкина,

⁶ Классическую трагедию следует оговорить, так как здесь иная интонационная установка (патетика) диктовала иную стиховую структуру — шестистопный ямб.

написанных ямбом, песенные отрывки переводят метр в хорей, реже — в трехсложные размеры. И наоборот, в случае более разговорных интонаций исчезает какое-либо звено из повторяемых. Так, в "Евгении Онегине" единственный песенный отрывок ("Девушки-красавицы") переводит стих в хорей, а в случае большей разговорности (письмо Татьяны и письмо Онегина, где Пушкину требовалось сохранение документальности) исчезает повторяемость и на строфическом уровне.⁷

8. Таким образом, стиховая структура жанров отличается различной степенью повторяемости внутрислоговых элементов и различной связью между ними. В одних жанрах повторяющиеся факторы стиха находятся в прямой связи, в других — в обратной.

9. Между повторами на высших и низших уровнях существует прямая корреляция. Т. наз. "экспрессивный ореол" метра не есть явление, сугубо относящееся к области внетекстовых связей и объясняющееся лишь литературной традицией жанровой применяемости метров.⁸ Расширение метрического репертуара жанров происходит за счет метров, в которых повторяемость структурных элементов соотносима с повторяемостью на высших уровнях текста. И только после внедрения и утверждения нового метра в метрическом репертуаре жанра можно говорить о литературной традиции.

⁷ Ср. положение о межстиховых "скрепах" в лирическом цикле (ямбический фон "Снежной Маски" Блока становится нейтральным, и на этом фоне выделяются стихи иных размеров). — В.А. Сапогов. К проблеме стилистики лирического цикла. — В кн.: Русская советская поэзия и стиховедение. М., 1969.

⁸ Ср. К.Тарановский и И.О. взаимоотношения стихотворного размера и тематики. — "American Contributions to the fifth International Congress of Slavists", Sofia, 1963.

ИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ РУССКО-АРМЯНСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА.

(Слово в метрическом ряду).

Р. Папаян (ТГУ).

1. Материал охватывает переводы 1910- начала 1920-х годов Ов. Туманяна, В. Теряна, а также советских поэтов - Е. Черенца и П. Севака из Луковского, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока и Брюсова.¹

2. Интересующая нас проблема - слово в метрическом ряду и его перемещения в стихе при переводе с русского на армянский. Основное внимание уделено словам, занимающим метрически-доминантные (сильные) позиции. Таковыми, в первую очередь, являются слова, на которые в русском стихе падает константное ударение.

3. При анализе и сопоставлении текстов оригинала и перевода обнаружилось, что слово, на которое в оригинале приходится константное ударение, в переводе также оказывается под ударной константой.

4. Поскольку ударные константы в армянском стихе относительноны (подвержены незначительным перемещениям), то касаясь армянского стиха в данном случае целесообразно оперировать не термином константное ударение, а местом, занимаемым данным словом в стихе. Позициями, эквивалентными позиции под ударной константой в русском стихе, в армянском являются а) конец стиха, б) начальная позиция.

¹ Ованес Туманян. Собр. соч. в 4 тт. Т.1.2. Ереван, 1969 (на арм. яз.); Ваан Терян. Собр. соч. в 3 тт. Т.3. Ереван, 1962 (на арм. яз.); Егеше Чаренц. Полн. собр. соч. в 6 тт. Т.2,3. Ереван, 1963-1964 (на арм. яз.); В. Брюсов. Избр. соч. Ереван, 1957 (на арм. яз.).

5. Т.обр., при сопоставлении армянских переводов с русскими оригиналами обнаруживается, что в стихе переводов два сильных места (сильная позиция 1 - конечное слово, сильная позиция 2 - преддесурное слово), между тем как в русском стихе сильное место единственное: конечная ударная константа.

6. Если принять во внимание то обстоятельство, что в русском стихе есть сильные и слабые акты и они имеют тенденцию к альтернирующему расположению, то нам придется и здесь выделить сильную позицию 1 (конечное слово, на которое приходится константное ударение) и сильную позицию 2 (слово, на которое приходится второе по силе после константы метрическое ударение).

7. В русском стихе сильная позиция 1 со стопроцентной реализацией ударения резко различается от сильной позиции 2, чем это наблюдается в стихе армянском, где смещение ударений допускается и в той, и в другой позиции (хотя в конце стиха значительно реже, чем перед обязательным словоразделом).

8. Поэтому весьма часты случаи перемещения этики двух доминантных слов в стихе. На нашем материале примерно в 40% случаев слово, рифмующееся в оригинале, в переводе занимает преддесурное положение, а слово, находящееся в оригинале в сильной позиции 2, занимает в стихе перевода конечное положение.

МЕТРИКА В.А. ЖУКОВСКОГО.
(Синхронический обзор).

С. Матяш (ЛГУ).

О. Большинство исследователей творчества Жуковского (Н. Полевой, И. Эйгес, Ц. Вольпе, Н. Измайлов и др.) указывали на богатство и новаторский характер его метрического репертуара. Однако метрика Жуковского не была до сих пор предметом специального исследования. В предлагаемом докладе сообщаются предварительные итоги синхронического аспекта изучения метрики Жуковского. Исследованиям охвачено 614 произведений (69196 строк), написанных на русском языке. В основу были положены материалы "Полного собрания сочинений В.А. Жуковского" под ред. А.С. Архангельского, СПб 1902, пополненные пропущенными и позднейшими публикациями. Статистический анализ позволяет говорить о следующих особенностях и тенденциях метрики Жуковского.

1. В стиховой системе Жуковского три метрические категории: классический стих (Кл), неклассический (Нкл) и полиметрические композиции (ПК). ПК в метрике Жуковского занимают в количественном отношении незначительное место (1,8% пр. и 1,7% строк). Кл преобладает (89,45% и 65,7%), но не является абсолютно господствующим. Особенность метрического облика Жуковского — высокий показатель Нкл, особенно по статистике строк (32,65%), за счет широкого употребления Гк в крупных эпических произведениях (ср. у Пушкина — Нкл 5,3% и 3,8%).

2. Особенности метрики Жуковского связаны с жанрово-стилистическими исканиями поэта-романтика, в своем творческом развитии отталкивающегося от традиций классицистической поэзии XVIII в., некоторые из которых остались непреодоленными.

3. Распределение материала по основным жанровым группам (см. Табл. 1) подчеркивает многогранность таланта Жуковского: статистика произведений подтверждает традиционное представление о Жуковском как о лирике, в то время как статистика строк характеризует Жуковского как эпика.

4. Малые жанры отличаются наибольшим метрическим разнообразием. Здесь все системы стиха (Кл, Нкл, ПК), все употребляемые Жуковским размеры (всего 60 размеров, в том числе 55 Кл и 5 Нкл). Метрика драм, напротив, однообразна: три драматических произведения Жуковского написаны белым Я 5 (в использовании белого Я Жуковский выступает как новатор). В эпических произведениях преобладают Я5, Яв и Гк.

В дальнейшем изложении при характеристике метрики Жуковского учитывается связь основных метрических форм с жанровыми.

5. В Кл преобладают двухсложники (83,35% и 62,35%). Из них выделяется Я по частоте встречаемости (70,45% и 55,85%) и широте использования. На первом месте среди Я-Яв по статистике произведений (20,2% с учетом ПМФ) и Я5 по статистике строк — 17,85% (причины ясны из п.4).

6. Яв, употребляющиеся в малых жанрах и в эпосе, имеет в зависимости от жанра разную структуру. В Яв малых жанров преобладает Я6 — 51,2%, Я5 — незначителен (5,62%); в Яв эпических жанров увеличивается удельный вес Я4 и Я5, количество Я6 резко уменьшается. Сравнение Яв Жуковского с данными Л.И. Тимофеева по Яв XVIII в. и М.П. Штокмарера по Яв XIX в. показывает архаические тенденции Яв в малых жанрах и прогрессивные в эпосе.

7. Далее по степени употребительности идут Я4 (19,4% и 11,95%), Я6 (9,95% и 2,85%), Яр (8,8% и 7,75%), Яв (4,4% и 2,4%). Из хоревческих размеров распространен Х4 (11,35% и 5,75%). Я2, Х3

малоупотребительны. Статистика подтверждает известное положение о том, что Я4 у Жуковского становится жанрово-нейтральным размером, Я4 с мужскими окончаниями кладет начало большой традиции употребления в поэмах. Показательно, что Я6 употребляется только в лирике, в эпосе Жуковский противопоставляет Я6, Гк, тем самым преодолевая стилевую традицию ХУШ в.

8. Доля Зсл сравнительно велика (5,95% и 3,3%), если учесть, что, по данным К.Д. Вишневского, в ХУШ в. Зсл составляли 2,1% и 0,7%. Новаторские тенденции метрики Жуковского подчеркиваются также предпочтением Ам (в ХУШ в. наиболее популярным был Д). Выбор Ам объясняется поисками аналога немецким дольникам. Д у Жуковского менее употребителен, Ам совсем редок. Не имея строгой жанровой закрепленности Зсл, однако, обнаруживает две жанровых тяготения: ими пишутся произведения с ориентацией на музыкальное исполнение (10 случаев) и баллады (10 случаев). В первом случае Жуковский продолжает традиции поэтов ХУШ в., во втором — выступает как первооткрыватель.

9. Из размеров Нкл принципиальное значение для творчества Жуковского и перспектив развития русского стиха имеет создание Лог в переводах немецких дольников (своеобразный компромисс тонической стихии оригинала и размерности античного стиха, преломленного через практику русских поэтов). Гк и Лог включает Жуковского в процесс тонизации русского стиха, который шел на протяжении ХУШ-ХІХ вв.

Таблица 1

Распределение материала по системам, размерам и жанрам (в % к общему числу произведений и строк).

Размеры	жанры						Всего	
	малые жанры		эпическ. произв.		драматич. произв.		пр.	ст.
	пр.	ст.	пр.	ст.	пр.	ст.		
Я 2	0,35	0,15	-	-	-	-	0,35	0,15
Я 3	4,4	2,4	-	-	-	-	4,4	2,4
Я 4	18,9	9,5	0,5	2,45	-	-	19,4	11,95
Я 5	5,05	2,7	1,8	8,7	0,5	6,45	7,35	17,85
Я 6	9,95	2,85	-	-	-	-	9,95	2,85
Я в	19,7	5,6	0,5	7,3	-	-	20,2	12,9
Я р	8,8	7,75	-	-	-	-	8,8	7,75
Всего Я	67,15	30,95	2,8	18,45	0,5	6,45	70,45	55,85
Х 3	0,35	0,05	-	-	-	-	0,35	0,05
Х 4	10,75	4,35	0,5	1,4	-	-	11,35	5,75
Х р	1,3	0,7	-	-	-	-	1,3	0,7
Всего Х	12,4	5,1	0,5	1,4	-	-	12,9	6,5
Ам 2	0,8	0,4	-	-	-	-	0,8	0,4
Ам 3	0,65	0,15	-	-	-	-	0,65	0,15
Ам 4	1,6	0,4	-	-	-	-	1,6	0,4
Ам 5	0,15	0,1	-	-	-	-	0,15	0,1
Ам в	0,15	0,05	-	-	-	-	0,15	0,05
Ам р	1,2	1,4	-	-	-	-	1,2	1,4
Всего Ам	4,55	2,5	-	-	-	-	4,55	2,5
Ан 3	0,15	0,05	-	-	-	-	0,15	0,05
Ан р	0,15	0,25	-	-	-	-	0,15	0,25
Всего Ан	0,3	0,3	-	-	-	-	0,3	0,3
Д 2	0,8	0,25	-	-	-	-	0,8	0,25
Д 4	0,15	0,15	-	-	-	-	0,15	0,15
Д 5	0,15	0,1	-	-	-	-	0,15	0,1
Всего Д	1,1	0,5	-	-	-	-	1,1	0,5
Всего З сл	5,95	3,3	-	-	-	-	5,95	3,3
Ам 4 -18	0,15	0,05	-	-	-	-	0,15	0,05

Всего Кл	85,65	39,4	3,3	19,85	0,5	6,45	89,45	65,7
Па 3 сл	0,15	0,05	-	-	-	-	0,15	0,05
Гк	2,75	0,95	2,6	30,65	-	-	5,35	31,6
Эд	2,3	0,1	-	-	-	-	2,3	0,1
Своб.стих	-	-	0,15	0,8	-	-	0,15	0,8
Лог	0,8	0,1	-	-	-	-	0,8	0,1
Всего Н кл	6,0	1,2	2,75	31,45	-	-	8,75	32,65
НК	1,8	1,65	-	-	-	-	1,8	1,65
Итого	93,45	42,25	6,05	51,3	0,5	6,45	100,0	100,0

СПОСОБЫ МЕТРИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СТИХА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ХУШ-ХХ вв.

И. Лотман (ТГУ).

0.0. Противопоставление силлабо-тонической и тонической систем стихосложения не имеет под собой реального основания, когда речь идет о русской поэзии ХУШ-ХХ вв. Свидетельством этого является хотя бы тот факт, что существуют тексты, в которых трудно сказать, являются ли они силлабо-тоническими или чисто тоническими, т. наз. переходные метрические формы от силлабо-тоники к тонике - ПМФ к НКЛ. (Ср. невозможность такого явления на границе силлабической и метрической, метрической и тонической и т. д. систем стихосложения).

1.0. Типологические разновидности русского стиха ХУШ-ХХ вв. отличаются друг от друга:

- 1.0.1. Количеством сильных мест (иктов) в строке.
- 1.0.2. Анакрузой.
- 1.0.3. Междуктовым интервалом.
- 1.0.4. Клаузулой.

1.1. Относительно 1.0.4. необходимо сделать оговорку. Существует мнение, что клаузула является в стихе не метро-, а ритмообразующим фактором. Однако, как с чисто логической точки зрения, так и с точки зрения электрических данных, полученных М. Л. Гаспаровым и В. Е. Холшевниковым при исследовании словоразделов в русских классических метрах, клаузула играет в стихе не меньшую роль, чем анакруза.

2.0. При исследовании метрического репертуара имеет смысл обратить внимание не только на количественную сторону вопроса (число иктов, слогов в анакрузе

и т.д.), но и на качественную — способ урегулированности метробразующих факторов 1.0.1. — 1.0.4.

2.1. Выделяются три способа урегулированности метробразующих факторов:

2.1.1. Структурная урегулированность. Фактор, урегулированный таким образом, остается тождественным самому себе на протяжении всего текста (Ср., напр., урегулированность числа иктов в "Евгении Онегина").

2.1.2. Позиционная урегулированность. Фактор, урегулированный таким образом, остается тождественным самому себе в одинаковых позициях — напр., в одном и том же месте строки, строфы (Ср., напр., урегулированность клаузул в "Евгении Онегина").

2.1.3. Неурегулированность. (Напр., урегулированность клаузул в романтических поэмах Пушкина).

2.1. Примечание 1. Структурную урегулированность можно рассматривать как частный случай позиционной, считая, что это — позиционная урегулированность, в которой все позиции тождественны. Одновременно и структурную, и позиционную урегулированность можно рассматривать как частное проявление урегулированности — ср. появление гомогенных групп (термин Б.Ярхо) в текстах, написанных вольными метрами.

2.1. Примечание 2. Теоретически способ урегулированности любого метробразующего фактора не зависит от способа упорядоченности какого-либо другого метробразующего фактора. Однако следует отметить, что если в тексте какой-либо фактор урегулирован позиционно, то вероятность того, что другой фактор неурегулирован, очень мала.

2.2. Сказанное можно суммировать в виде таблицы, где в вертикальном ряду — способ упорядоченности, а в горизонтальном — метробразующие факторы. Для басен Крылова, например, таблица примет следующий вид:

	к-во иктов	анакруста	междунктов. интервал	клаузула
структурн. упорядоч.	-	+	+	-
Позиционн. упорядоч.	-	-	-	-
Неупорядоч.	+	-	-	+

Всего эта таблица может принимать $3^4 = 81$ значений.

3.0. Три значения предложенной выше таблицы наиболее четко противопоставлены друг другу. Они являются ее крайними значениями. Типы стиха, представленные ими, суть:

3.1. Тип стиха, у которого все метробразующие факторы урегулированы структурно ("чистая" силлабе-то-ника. Примером может служить "Мцыри" Лермонтова).

3.2. Тип стиха, у которого все метробразующие факторы урегулированы позиционно (дегзады).

3.3. Тип стиха, у которого все метробразующие факторы неурегулированы (верлибр).

4.0. Удобством предлагаемой классификации является, по-видимому, ее конечность — всего возможна 81 типологическая разновидность стиха. Разнообразие метрического репертуара какого-либо поэта подлежит здесь более строгому учету.

4.1. В качестве недостатка можно отметить чисто качественный характер предлагаемой системы. Так, различие между ямбом и хореем, как и между дольником, тактовым и акцентным стихом, в ней указано быть не может. Впрочем, это и не входит в ее задачи.

К ОПИСАНИЮ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЛИРИКИ.

Л. Маллер (Смоленск).

Для понимания поэтического мира Пастернака представляется чрезвычайно важной мысль о подчинении его двум главным темам: теме контакта и теме "высшей фазы" "максимальной напряженности и яркости существования".¹ С главными темами связаны основные оппозиции в тексте лирики, в частности оппозиция: весна, лето - осень, зима. Этой оппозиции параллельны следующие:

1. Счастье, любовь, "ты", молодость, чудо - тоска, горечь, одиночество, позор, ужас, жуть.

В ряде стихотворений дается прямое противопоставление членов оппозиции: "Весна была просто тобой, И лето - с грехом пополам. Но осень, но этот позор голубой Обоев, и войлок, и хлам!" Из 11 стихотворений основного корпуса², в которых встречается слово "счастье" и в которых есть конкретные приметы ситуации, в 10 оно является характеристикой весны или лета и лишь в одном - сентября.

2. Жизнь - смерть.

3. Поэзия, творчество - гибель творчества.

Образами, знаками лета служат сад, дождь, гроза, соловьи, сирень. Заменяя слово "лето", они принимают на себя все его характеристики ("Я б разбивал стихи, как сад" и т.д.).

Кроме оппозиции "весна, лето - осень, зима", в тексте лирики Пастернака выделяется еще одна, параллель-

¹ А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. К описанию смысла связанного текста. М., 1971.

² Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. "Библиотека поэта", Большая серия, М.-Л., 1965.

ная первой, центральная оппозиция: "ночь, вечер - день, утро". Она в известной степени (главным образом, в ранних стихотворениях) также существует как антитеза двух членов, однако гораздо чаще она является привативной либо бинарной, осуществляясь за счет резкой положительной выделенности первого члена оппозиции: "И как в неслыханную веру, Я в эту ночь перехожу", именно ночь - условие творчества и "определение поэзии": "Эта ночь - ледяная лист, Это двух соловьев поединок", см. также "Весна", "Импровизация", "Белые стихи", "Спать. Шопен не ищет выгод ...", "Ночь", "После выгги" и др. Поэтому изоморфизм данной оппозиции и рассмотренных выше наблюдается главным образом в левых их частях. Все или многие элементы левых частей оппозиций очень часто встречаются в одном стихотворении (исчерпан весь ливень вечерний Садами", "Определение творчества", "Елена", "Лето", "Гроза моментальная навеки", "Белые стихи", "Ландыши" и т.д.). Связь левых членов оппозиций вследствие ее повторяемости становится настолько устойчивой, что наличие в стихотворении нескольких компонентов позволяет достроить отсутствующие. Таким образом, мы получаем модель оптимальной фазы бытия: лето, весна (сад, ливень, гроза, сирень, соловей ...) /ночь, вечер / жизнь / счастье (любовь, молодость, ...) / поэзия, творчество.

Естественно, мы найдем примеры, противоречащие данной модели, связанные с неоднозначностью каждого слова в поэтическом тексте и с тем, что между оппозициями существуют не только параллельные отношения, но и перекрестные, вследствие чего возникают противопоставления типа "зимняя ночь-летняя ночь", "зимняя ночь-зимний день" и т.п., однако, это не может разрушить ее устойчивость.

Все рассмотренные оппозиции обуславливаются следующими, связанными с главными темами поэзии Пастернака:

наличие множественных контактов - "размыкание" контактов;

высшая фаза бытия - "погашение" высшей фазы.

Летом, когда жизнь полна красок, звуков, многообразия, контакты необыкновенно многочисленны и проявляются острейшей силой, обнаруживая высшую фазу бытия, а это и есть условие жизни, счастья и творчества; сад (цветение), дождь, ливень, гроза - проявления высшей фазы, "разряды материалов", прорыв внутренних сил. Особенно сильно контакты в мире природы и с миром природы, с мирозданием ощущаются ночью, когда поэт и природа встречаются наедине, лицом к лицу. Осенью, напротив, контакты в мире рушатся, исчезают - возникает тема гибели, смерти, горечи, ужаса. Контакты остаются "разомкнутыми" и зимой.

Вследствие множественности отдельных контактов контакт (близость, родственность) поэта, духа с ночью, летом, весной (напр., частая параллель "я - сад") точнее, чем с другими фазами (см. по указ. изд. стр. 95, 105, 113-115, 121, 136, 140, 150, 157, 189, 232-235, 396).

На более же высоком уровне контакт с природой сохраняется постоянно, т.к. жизнь для поэта - это жизнь природы, жизнь в природе.

Этот вид контакта проявляется в явлении "кольца", когда все или почти все стихотворения каждой книги (кроме первой и последней) в совокупности прослеживают последовательную смену времен года (главный герой - природа, ритм жизни поэта подчиняется ее ритму, не вычлняется из нее).

Нами составлен частотный словарь семантического поля "Природа" в лирике Пастернака. Словарь подтверждает чрезвычайную важность для поэтического мира Пастернака слова "ночь" (как это показал для "Сестры моей - жизни"

Ю.И. Левин): это слово занимает в словаре первое место; оно отличается также показателем неоднократности употребления в стихотворении. Другие связанные с центральными оппозициями слова: день, снег, сад, дождь - также входят в число первых 10-ти слов с наиболее высокими показателями частоты употребления.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ "МОДЕЛИ ИНТЕРЕСА" В СТАРШИХ КЛАССАХ ЭСТОНСКОЙ ШКОЛЫ.

И. Шескина (ТГУ).

I. Материал.

В основу исследования легли классные сочинения эстонских школьников. Сочинения были проведены в старших классах школ Тарту, Таллина и Тапа. Общее число сочинений - 496. В конечном итоге для рассмотрения были отобраны 350 работ, как наиболее показательные.

II. Постановка задачи.

Нашей задачей является построение "модели интереса" учащихся старших классов эстонской школы. "Моделью интереса" мы называем устойчивую психологическую структуру, установку, которая существует в сознании учащихся и определяет их отношение к изучаемому литературному материалу.

III. Предпосылки исследования.

Мы предполагаем, что "модель интереса", как правило, не известна самим учащимся и не может быть выявлена методом прямого опроса, поскольку вопросы анкеты могут оказать отрицательное воздействие на результаты эксперимента. Поэтому перед исследователями стояла задача получить от учащихся тексты, косвенно содержащие данные по интересующему нас вопросу и, следовательно, нуждающиеся в дополнительной обработке типа дешифровки.

Примечание: вследствие этих предположений, сочинения проводились на родном языке учащихся, хотя результатом эксперимента и является выявление отношения "модели интереса" к изучению русской литературы.

IV. Практическая цель исследования.

Конечной целью исследования является научное обоснование подбора текстов для изучения русской литературы в эстонской школе.

V. Практический ход эксперимента.

Учащимся предлагалось написать сочинение на тему: "Какую книгу Вы бы хотели прочитать с удовольствием или написать сами". Учащиеся должны были описать не реально прочитанную книгу, а создать характеристику идеального, с их точки зрения, текста.

VI. Методика исследования.

Полученные нами тексты делятся на сюжетные и бессюжетные.

Примечания: поскольку эксперимент еще не завершен, ниже располагаются данные только о сюжетных сочинениях.

Полученные от учеников тексты были проработаны по следующему принципу: каждое сочинение рассматривалось как предложение, имеющее один или несколько субъектов, предикатов и объектов, т.е. текст рассматривался как простое предложение или сумма простых предложений.¹

VII. Предварительные выводы.

В работе приводятся данные по описанию текстов сочинений и построению на их основе "модели интереса".

Посвященная работа позволяет судить как о "модели интереса", так и о некоторых устойчивых чертах отношения учащихся к определенной среде - к родителям и учителям, что безусловно следует учитывать в ходе воспитательного процесса и обучения.

¹ Были составлены данные для машинного анализа сочинений, результаты которого в настоящее время не обобщены и в тезисах не сообщаются.

Ш

ЛИНГВИСТИКА

К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЯ ПОЗИЦИОННОГО ЧЕРЕДОВАНИЯ

(С.В. Сосновицкая, Ленинград, ЛГУ)

При рассмотрении вопросов морфонологии мы исходили из такой модели фонологических отношений, в силу которой один аллофон не может принадлежать двум фонемам (школа Щербы). В этом случае, например, <лбЪннј> – <лбП> представлены разные корневые алломорфы, а их отношение (т.е. фонемное различие) сводится к позиционному чередованию б//п. Принимая понимание задач морфонологии, сформулированное Трубецким, мы не видим основания исключать позиционные чередования из круга морфонологических проблем.

Морфемы в языке представлены алломорфами, различающимися своим фонемным составом. Однако не все алломорфы равноценны в фонологическом отношении. Для частного случая, когда звуковая оболочка алломорфа состоит из одной фонемы, основным алломорфом морфемы мы считаем тот, который выступает в абсолютно сильной позиции, например, <Сјехат>, т.е. сильной по твердости – мягкости (ср: <калос'ј а>), по звонкости – глухости (ср: <Здѣт'>), по месту образования (ср: <Шшт'>). Для более распространенного случая, когда алломорф состоит более чем из одной фонемы, установление основного алломорфа требует иной процедуры. Так, в словах с корневым молод- отсутствует алломорф, в котором бы все три потенциальные альтернанты (оба гласных и д) были в сильной позиции. В конкретных алломорфах в сильной позиции могут оказаться либо один из возможных альтернантов <маложе>, либо в лучшем случае два <мблады>. В этих случаях представителем основной морфемы по соответствующему альтернанту. Основной алломорф в данном случае представляет собой теоретически создаваемый конструкт и имеет вид <мблбд>. Таким образом не все морфемы имеют реальный основной алломорф, представленный в конкретных словоформах, но гипотетический основной

алломорф может быть сконструирован для любой морфемы. В понимании позиционных чередований, как представляется, имеются некоторые противоречия. Чередование (любое, т.е. и позиционное, и историческое), согласно Бодуэну и Щербе, представляет собой, говоря современными терминами, фонемное различие алломорфов одной и той же морфемы. В то же время в интерпретации позиционных чередований более или менее ясно присутствует идея направленности. Предложенное Л.Л. Буланиным в "Фонетике современного русского языка" уточнение направленности позиционного чередования (например, б//п) как соотношения альтернанта в сильной позиции (б// в <лбЪннј>), т.е. левого альтернанта, и альтернанта в слабой позиции (/п в <лоП>), т.е. правого альтернанта, приводит в противоречие с исходным пониманием чередования. Так, в <Здѣт'> и <Жѣр'ит'> мы, бесспорно, имеем чередование в приставке, но неясна его направленность, поскольку оба альтернанта находятся в слабой позиции по звонкости – глухости. Мы считаем целесообразным ввести понятие первичного и производного позиционного чередования. Первичным мы будем называть такое чередование, левым альтернантом которого выступает альтернант, входящий в состав основного алломорфа, реального или конструируемого. Например, чередование в приставке ОТ-, имеющей основной алломорф <ОТ>: о//а в <От'ел'> – <Атхот'>, т//д в <ат'ѣст'> – <адб'йт'>, т//д в <ат'ѣст'> – <ад'д'ѣлка> и т.д. Первичные альтернаны подразделяются на однопризнаковые т//д (глухость – звонкость), двухпризнаковые т//д (глухость – звонкость, твердость – мягкость) и т.д., в зависимости от того, каким числом дифференциальных признаков различаются соответствующие альтернанты.

Производными чередованиями называются такие, в которых участвуют альтернанты, не входящие в состав основного алломорфа, например, т'/ч' в <ат'т'исн'йт'> – <ач'ч'ист'ит'>. Направленность производных чередований задается условно. Левым признается альтернант, фонологически более близкий альтернанту в сильной позиции. В нашем примере левым альтернантом считается т' (т.к. т' от т отличается лишь одним

признаком твердости – мягкости, тогда как ч' от т отличается тремя признаками: твердость – мягкость, место образования, способ образования). В том случае, если альтернанты производного чередования (например, т'//ц в <аТ'т'энак> – <аЦцэпц'ен>) отличаются от альтернанта в сильной позиции (<т>) одинаковым числом признаков (<т'> – твердость – мягкость; <ц> – способ образования), такое производное чередование мы будем называть равносильным. Но в некоторых равносильных чередованиях выбор левого альтернанта можно мотивировать с учетом распространенности данного альтернанта. Так, в чередовании д//ц (<аДб'йт'> – <аЦцэ'пл'ен>) мы считаем левым альтернантом д, поскольку д чередуется с т перед всеми звонкими согласными во множестве слов, а ц с т лишь в словах с начальным корневым ц и с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АКУСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ БЕЗУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

(Л.Д. Рудницкая, Вильнюс, ВГУ)

Воспринимаемая устную речь, мы выделяем в ней фразы, синтагмы, слоги, звуки. Все эти явления речи могут и должны быть изучены экспериментально-фонетически.

Изучению звуковой структуры слова и посвящено данное сообщение.

На предшествующих этапах работы мы занимались исследованием безударного вокализма, в частности, особенностями редукции гласных /а/, /э/, /и/ в I предударном слоге. Мы воспользовались методами анкет и восприятия, что дало нам возможность сделать выводы о господствующем положении иканья в произношении наших студентов.

Цель сообщения состоит в следующем:

- 1) дать результаты проверки предшествующих анализов редукции гласных I предударного слога;
- 2) выявить акустическую характеристику заударного вока-

лизма (открытый конец слова).

Работа сводится к спектрографическому анализу безударного вокализма – как основному и анализу по данным восприятия – как дополнительному.

Для выполнения намеченных задач на магнитную ленту был записан подобранный материал, состоящий из 70 двусловных предложений, в состав которых входило двусложное слово с интересующим нас гласным.

Весь материал разбивался на такие части:

I. Двусложные слова с I предударными /а/, /э/, /и/ и слова с аналогичными ударными гласными, типа: тягач, тяга; тесан, тесто, писал, писарь.

II. Слова-омофоны, типа: леса – лиса, седел – сидел, певал – пивал;

III. Двусложные слова с безударными /а/, /э/, /и/ в конце слова типа: Поля (женск. имя); Был в поле; Нет Поля.

Такой материал в произвольном порядке был начитан 4-мя дикторами (русистами ВГУ; 2 голоса мужских и два – женских).

В лаборатории экспериментальной фонетики ВГУ были сделаны соответствующие спектрограммы, результаты анализа которых и приводятся в данном сообщении.

АКУСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СМЫСЛОВОГО ЧЛЕНЕНИЯ ВОПРОСА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(Т. Березовская, Т. Викторова, А. Рывкина, Н. Старостина, Е. Эристова, Москва, МПТИИЯ им. М. Тореза)

I. Теоретические предпосылки, из которых мы исходили в нашем исследовании:

1. Работы чешского лингвиста В. Матезиуса, который противопоставляет смысловое членение формальному и выделяет два основных элемента смыслового членения: исходную точку и ядро высказывания /"заклад" и "ядро"/.

2. Работы советского лингвиста К.Г. Крушельницкой. Принци-

пиально новым в ее теории является то, что она вводит понятия "данного", как ранее известного слушателю, и "нового", как неизвестного, сообщаемого об этом известном. В сочетании известного с неизвестным и заключается основа коммуникации. Члены предложения представляют собой единство двух значений: синтаксического значения и коммуникативной нагрузки.

3. Элементы членения по степени важности можно условно назвать "смысловыми вершинами".

4. Оформление элементов смыслового членения происходит различными средствами языка, причем основную функцию несет интонация.

П. Нами исследовалось смысловое членение в русском языке. Материалом анализа послужили вопросительные фразы - общий и специальный вопросы.

Группой студентов под руководством И.Г. Торсуевой был проведен эксперимент, включавший электроакустический и слуховой анализ.

Проведение опытов включало в себя следующие этапы:

1. Запись на портативный магнитофон в естественной обстановке диалогов живой обиходной речи.

2. Отбор фраз из этих диалогов, представляющих собственно вопрос /общий и специальный/.

3. Составление диалогов, включающих отобранные фразы.

4. Произнесение диалогов в студии ЛЕФИПР дикторами - носителями русского языка, произношение которых соответствует литературной норме.

5. Проведение трех этапов аудиторского анализа, в котором принимали участие преподаватели и студенты нашего факультета.

6. Запись фраз, содержащих вопрос, на интонограф И-67.

Ш. Данные проведенного эксперимента:

1. Аудиторский анализ позволил описать распределение степеней важности частей фразы.

2. Результаты интонографического анализа позволили выявить акустические характеристики смыслового членения.

3. В общем вопросе наиболее важный по смыслу элемент характеризуется максимальной амплитудой интенсивности, частотным пиком и максимальным диапазоном частоты основного тона.

4. В специальном вопросе наиболее важный по смыслу элемент характеризуется максимальной амплитудой интенсивности, частотным пиком.

5. Второе по степени важности слово не имеет в общем вопросе постоянно выраженных акустических параметров, тогда как в специальном вопросе оно создает контрастирующий с первым по степени важности элементом центр, выраженный сочетанием максимального диапазона частоты основного тона, максимального интервала падения частоты основного тона и максимальной среднеслоговой длительности.

6. Анализ полученных данных дает основание предположить, что акустические характеристики смыслового членения варьируют в зависимости от коммуникативного типа предложения.

К РАСПРЕДЕЛЕНИЮ АКЦЕНТНЫХ ПАРАДИГМ В ДРЕВНЕСЕВЕРНЫХ ГОВОРАХ

(И.Я. Лapidус, Ленинград, ЛГУ)

Рукописные источники дают богатый и пока еще мало исследованный материал по акцентуации слов в различных говорах древнерусского языка.

В двух рукописных сборниках 17 в., вывезенных из Карелии и входящих сейчас в Карельское собрание Рукописного отдела ИРЛИ (Кар., № 1, 2), замечено любопытное явление в ударении имен существительных.

Имена, имевшие постоянное ударение на корне, приобретают окончательную акцентовку, главным образом, в тех падежах, которые являются сильными для слов со старым подвижным ударением (сильными считаются формы с ударением на корне, слабыми - падежи с окончательной акцентовкой).

Слова же, принадлежавшие к подвижной акцентной пара-

дигме, получают ударение на корне не только в сильных падежных формах, но и в других случаях, и, напротив, в падежах, бывших ранее сильными, мы видим иногда оттяжку ударения на I-й от конца слог. Все это дает возможность предположить, что ко времени написания рукописей в говорах, носителями которых были писцы, стираются границы между баритонированной подвижной акцентными парадигмами. Эти акцентные типы встречаются друг с другом в отношении дополнительной дистрибуции и становятся вариантами одной и той же акцентной парадигмы.

В именах старой окситонированной акцентной парадигмы колонное ударение на тематическом гласном также не соблюдается последовательно. Однако следует отметить, что подвижность, представленная в словах бывшей окситонезы, по-видимому, отличается от той, которую мы видим в именах 2-х остальных акцентных парадигм. Оттяжка ударения на корневой слог наблюдается в словах мужского рода (О-основы) и почти совершенно отсутствует в словах с А-основами.

Известно же, что на имена с О-основами большее влияние, чем на имена с А-основами, оказывали акцентологические законы, вызванные различными фонетическими условиями, как-то: оттяжка ударения с редуцированного на предшествующий слог, образованием новоаккутовой интонации (закон Розвадовского), перемещение ударения со срединного нисходящего слога на предшествующий краткий (закон Станга), перенос ударения со срединного краткого на предшествующий краткий по закону Шахматова и др.

Все эти факторы и повлияли, очевидно, на разрушение старых акцентных отношений и возникновение новой подвижной

ОТРАЖЕНИЕ НОВОАКУТОВОЙ ИНТОНАЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОМ УДАРЕНИИ

(И.А. Лapidус, Ленинград, ЛГУ)

Новоаккутовая, или нововосходящая, интонация возникла в славянских языках в результате оттяжки динамического

ударения (иктуса) со слабым редуцированным на предшествующий слог. Эта интонация отличалась не только музыкальным повышением тона (как при старой восходящей), но и динамическим выделением ударного слога.

В русских рукописях 16 в. мы постоянно находим свидетельств существования новоаккутовой интонации. Непроизводные существительные с исконно подвижным ударением обнаруживают оттяжку акцента на корневой слог во всей парадигме склонения.

Примеры взяты из Псалтири 1587 г. (рукопись ГПБ, Кир. - Бел. 78, 335, написанной в Кирилло-Белозерском монастыре. Постоянное обозначение акцента на корневом гласном находим в следующих словах мужского рода: гладь, глась, гнтьв, градь, громь; другь, духь; злакь, ликь, мракь, родь, олухь, отрахь, крамь и др. Менее последовательно оттяжка ударения проявляется в производных именах женского рода. Однако и в этих формах следы новоаккутовой интонации очевидны.

Еще в одном рукописном памятнике из Кирилло-Белозерского собрания ГПБ - Кормчей 1590 г. (Кир.-Бел. 1078) - наблюдаются аналогичные акцентные отношения.

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ АКАНЬЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧУДЬЯ

(П. Пунга, Тарту, ТГУ)

1. Вопрос развития аканья в русских говорах северного Причудья мало изучен, и поэтому представляет собой большой интерес для исследователя. Рассматриваются и сопоставляются материалы из островного говора Ийзаку, с одной стороны, и говора деревень Катазе и Уускюла, с другой. На всей этой территории русские находились в тесном лингво - этническом и экономическом контакте с эстонцами. На развитие языковой системы этих говоров наложили отпечаток известная изолированность от основной массы русских говоров, многовековое контактирование с неродственным эстонским языком, а

также взаимодействие с родственными русскими диалектами.

2. По поводу происхождения аканья в русском языке существует две основные точки зрения: 1) традиционная или так называемая "редукционная гипотеза" (А.А. Шахматов, Н.С. Турбецкой, Р.О. Якобсон, Н. Ван-Вейк, Р.А. Аванесов, П.С. Кривцов, В.В. Иванов, Х. Бирнбаум, Н.Т. Войтович и др.); 2) гипотеза древнего прохождения аканья (А.А. Шахматов, Н.Е. Дурново, Л.П. Якубиский, Ф.П. Филин, В.Т. Руделев, А. Вайан, В.И. Георгиев, С.И. Стойков и др.).

При разрешении вопроса развития аканья в русских говорах северного Причудья мы исходим из традиционной точки зрения редукционистов о более позднем происхождении аканья. Н.Т. Войтович на основе материалов современных белорусских говоров убедительно доказывает, что "доводы в пользу гипотезы древнейшего происхождения аканья вступают в противоречие с данными современных говоров".

3. Материалы по безударному вокализму говоров северного Причудья свидетельствуют о наличии и сосуществовании в них различных типов вокализма переходного характера, представляющих различные ступени развития аканья-яканья на этой территории. Изучение систем безударного вокализма русских говоров северного Причудья показывает, что недиссимильтивное аканье северного Причудья является поздними типами вокализма, развившимися на основе более ранних типов - оканья и различения гласных неверхнего подъема.

ОТРАЖЕНИЕ ВТОРОГО ПОЛНОГЛАСИЯ В ГОВОРЕ ОСТРОВА ПИЙРИСААРА

(М. Феклистов, Тарту, ТГУ)

Явление второго полногласия восходит к общеславянским сочетаниям *tyt, tьt, tyt, tьt*. В этих сочетаниях на месте *yt, yь, yt, yь* в положении перед слогом со слабым редуцированным развиваются сочетания *oro, olo, ere*. Это так называемое второе полногласие.

Второе полногласие - исконно русская диалектная особенность. Концентрация явлений второго полногласия характерна лишь для северо-западных говоров северновеликорусского наречия.

К этой части говоров по своей основе принадлежит и говор острова Пийрисаара. До настоящего времени здесь сохранилось достаточно много слов, отразивших явление второго полногласия.

Развитие II полногласия. Слова с полнозначными формами на о. Пийрисааре (даны в транскрипции).

I этап	II этап	Имен. пад.	Косвен. пад.
вьр ^ь хь	вер ^ю х	в'ар'о ^х	нь в'ар'ху
гър ^ь обь	гороб	горъп	нь гарбу
сьр ^ь пть	сер ^ю еп	с'ер'о ^п	с'ерпа
кър ^ь мь	кором	кóръм	кóрма
стм ^ь обь	столоб	сталóп	сталба
чър ^ь вь	черев	чэр'иф	чэр'ва
чъл ^ь нь	челен	чалóн	чална
къл ^ь чь	жолоч	jóльч	jóльчы

Явление второго полногласия отразилось и в древнем названии острова, которое встречается в псковских летописях в различных фонетических вариантах: жолчь, жолецк, жолоцко, жолачек.

Тот факт, что явление второго полногласия территориально ограничено, не вызывает сомнений. Но по вопросу развития явления второго полногласия, его хронологии до последнего

времени не было единой точки зрения.

Потебня и Соболевский связывают второе полногласие с законом открытого слога и рассматривают его параллельно первому полногласию. Шахматов считал эти новообразования поздними, вторичными, которые развились после падения редуцированных.

Эти две точки зрения попытался объединить В.М. Марков в работе "Замечания о втором полногласии в русском языке". Он пришел к выводу, что второе полногласие развивалось параллельно с первым полногласием в связи с законом открытого слога. Как и в сочетаниях *tort, toll, tert, tell*, в приведенных выше сочетаниях *t'ert, t'oll, t'ert, t'oll* после плавного возникал гласный призвук. Этот призвук не сразу превращался в тот гласный, который предшествовал плавному; он был слабым и лишь постепенно достигал более или менее полного уподобления предшествующему гласному звуку. Поэтому в период падения слабых редуцированных (XI - XII вв.) в образованиях типа *t'ert, t'oll, t'oll, t'ert*, гласный призвук после плавного был еще слишком слаб и исчез, оставив лишь след мягкости (в'ърхъ - вер'х).

Такое явление характерно для большей части русских говоров, за исключением северных, в которых падение редуцированных происходило позднее (XIII в.). Поэтому когда в северных говорах началось падение слабых Ъ и Ы, то призвук после плавного к этому времени настолько усилился в своем звучании и приблизился к предшествующему гласному звуку, что после отпадения конечных слабых редуцированных в порядке компенсации проявился в гласный полного образования.

Эта теория объясняет, почему второе полногласие - явление диалектное.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПРОСТЫМИ КОЛИЧЕСТВЕННЫМИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ В РУССКОМ ГОВОРЕ ИЙЗАКУ ЭСТОНСКОЙ ССР

(С. Тийдеберг, Тарту, ТГУ)

1. Количественные числительные в говоре Ийзаку, как и в русском литературном языке, характеризуются рядом морфологических и синтаксических особенностей.

2. Из морфологических особенностей, общих с русским литературным языком, можно отметить отсутствие форм числа и рода. Категорию рода имеют, как и в литературном языке, числительные один и два: адн ден, аднá дарога, аднó дэрева; два ведра́, два рубл'а́, две неде́ли, два карбо́ви. В рассматриваемом говоре возможны и отклонения в оформлении форм рода и числа. Например, в сочетаниях с существительными грамматический род их может не учитываться: два дэвкi, два вту́ки, два неде́ли.

Числительные два, три, четыре, как и в литературном языке, в именительном падеже управляют формой родительного падежа единственного числа: три ме́с'аца, четы́ре па́лка, две карбо́ви. Числительные пять, десять в именительном - винительном падеже, как правило, управляют существительными в форме родительного падежа множественного числа, в остальных падежах сочетаются с существительными по способу согласования: п'ат дит'о́нкъв, п'ат ко́пен. В приведенной системе синтаксической связи в говоре Ийзаку встречаются некоторые отклонения. Добытными представляются случаи согласования по числу в сочетаниях с числительными два - четыре: два дни, два рубл'и, а также частое употребление в именительном падеже единственного числа старых форм родительного падежа множественного числа нескольких существительных в сочетании с числительными (даже с числительными 2, 3, 4): три раз, четы́ре раз, два год, четы́ре гекта́р, п'ат год, сем год, сто киломе́тр. Сочетания типа два год, четы́ре раз можно объяснить влиянием форм пять, шесть раз.

3. В словоизменении простых количественных числительных можно вывести одну модель для числительных 2 - 4, 5 - 20 и 40. Парадигма склонения этих числительных имеет следующий вид:

И. два		п'ат
Р. двух (дв'ох двох)		п'ати́х
Д. двум (дв'ом двом)		п'ати́м
В. два или двух (дв'ох ~ двох)		п'ат
Т. двум (дв'ом ~ двом)		п'ати́м
М. двух (дв'ох ~ двох)		п'ати́х

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

(Название лодок и их частей)

(Л.Н. Алекина, Ленинград, ЛГУ)

Типы лодок и небольших судов в Карелии представляют богатый материал как в плане лингвистической географии, так и с точки зрения этнографии.

Источниками доклада послужили материалы Словаря русских говоров Карелии, хранящиеся в Ленинградском университете, собственные записи и наблюдения автора над географией отдельных слов. Рассмотрим, как лексика, связанная с названием лодки и её частей, делит говоры на несколько групп.

Отметим, во-первых, названия лодок и их частей, известные только в беломорских говорах: брама (большая лодка, используемая для перевозки тяжелых грузов); шнёка, шнека (рыболовецкая лодка без палубы для перевозки грузов, с парусом, с помещением для рыбаков); ёла (морская лодка меньших размеров, чем шнека, с парусом, предназначается для перевозки грузов); дора (морская лодка для перевозки грузов с будкой для команды); подьедок (маленькая лодка, на которой руководят при вытягивании невода); ледянка (лодка, которую тянут по льду); матица (киль лодки); колода (киль лодки); скула (носовая часть лодки); носовой коог (носовая часть лодки,

деревянный выступ, за который привязывают веревку); обносье (борт лодки); рипа (длинные доски, служащие для предохранения от бортовой волны); дрек (якорь); поёл (решетчатый настил в лодке).

Отметим названия лодок и их частей, известные: 1) на Онежском озере, преимущественно в Медвежьегорском районе: чалдонка (плоскодонная лодка); баточня (маленькая лодка); ушкаек (маленькая лодка); крень (киль лодки); крылья (два бревна, которые прибиваются к выдолбленной лодке для равновесия); ушкой (два бревна, которые прибиваются к выдолбленной лодке для равновесия); гребки (весла); 2) на Онежском озере, преимущественно в Пудожском районе: водлозерка (лодка средних размеров, встречается только на реке Водле); бубас (лодка средних размеров); плоскодонка (лодка, сделанная только из досок); тугун (поперечные дуги в лодке, шпангаут); площина (решетчатый настил в лодке); беседка (среднее сидение в лодке); курма (кормовая часть лодки); 3) на Онежском озере, как в Медвежьегорском, так и в Пудожском районах: килевуха (легкая лодка, небольших размеров с высоким носом); кижанка (лодка средних размеров); 4) как на Онежском озере, так и на Белом море: карбас (большая лодка на несколько весел, имеет парус, используется для промысла); сойма (лодка меньше карбаса, с парусом, используется для промысла); нашеств (сидение в лодке); подтоварка (решетчатый настил в лодке).

Отметим названия лодок и их частей, известные в бассейне реки Свири и в Подпорожском районе Ленинградской области: ругач (выдолбленная лодка); дубица (выдолбленная лодка); потесь (весло).

Лингвистические различия, как правило, тесно связаны с различиями этнографическими. Можно привести для сравнения чисто беломорские типы лодок и мелких судов как брама, дора, ёла, шнека и, напротив, сойма, которой нет на Белом море.

Насколько своеобразный материал представляют собой типы лодок и мелких судов, ярко видно, в частности, на примере этнографического членения территории Финляндии, проведенном

Итконеном. Итконен делит все лодки, встречающиеся на территории Финляндии, по внешнему виду на 12 типов, каждый из которых имеет свою определенную территорию распространения.

Таким образом, проанализированная лексика позволяет выделить такие взаимнопротивоположные группы говоров:

1) беломорские; 2) онежские; 3) онежские (медвежьегорские); 4) онежские (пудожские); 5) свирские.

ГЕНЕРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИНОНИМОВ

(на материале деривационного гнезда глагола "делать")

(А. Керниенко, Ленинград, ЛГУ)

1. Задача создания базисного словаря привела к работе по составлению деривационного словаря русского языка, которая ведется на кафедре математической лингвистики ЛГУ.

Деривационный словарь русского языка - это первый этап в создании базисного словаря, который представляет собой устройство для сжатия словника частотного словаря. Он дает сведения о деривационном гнезде, содержащем данную лексему, и о механизме ее порождения.

2. Основной единицей деривационного словаря служит пара дериватов, связанных отношением непосредственной выводимости. Для их обозначения пользуются двумя терминами: дериват - предок и дериват - потомок. Для представления отношений выводимости используются ориентированные графы, что позволяет наглядно изобразить весь процесс порождения данной лексики из корня деривационного гнезда.

3. Одной из важнейших задач деривационного словаря является задача описания значения лексики через ее деривационные связи. Такое описание даст более тонкую оценку явлению синонимии. Граф-схемы порождения слов, определяемых академической грамматикой как синонимы, позволяют разводить эти слова в разные группы. Например, семнадцатомный академический словарь русского языка определяет существительные "сдельность" и "сдельщина" как полностью синонимичные, означающие "систему сдельной работы".

Академическая грамматика также выделяет словообразовательные синонимы с суффиксами - щин (а) и (н) ость: сделщина - сделность, безылейщина - безыдейность. Однако порождаются эти слова от разных предков. "Сделность" с семантическим оттенком качества образуется от наречия "сдельно".

Слово "сделщина" образовано от существительного "сдельщик" и имеет оттенок собирательности: система работы, выполняемой сдельщиками.

4. Деривационное гнездо глагола "делать" содержит 2 вида прилагательных: прилагательные на-льный (придельный, поддельный, передельный) и прилагательные на-очный (приделочный, подделочный, переделочный). Эти синонимические пары образуются от двух видов существительных. Прилагательные на-льный образуются от существительных с нулевой флексией: передел-передельный. Образование же прилагательных на-очный идет от соответствующих существительных с суффиксом -к- переделка-переделочный. Такие прилагательные определяются не только как, например, "относящийся к переделу," но имеют значение "занимающийся переделкой чего-либо".

5. Описание значения лексемы через ее деривационные связи ставит под вопрос существование синонимов вообще. Признание двух слов синонимами зависит от способа описания значений этих слов. Деривационные граф-схемы накладывают более строгие ограничения на явление синонимии.

ТИПЫ КОНТЕКСТОВ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТАФОР (на материале стихотворений А.Блока)

(Н.Н. Лапынина, Воронеж, ВГУ)

1. Метафора - это наиболее индивидуализированный элемент в языковом стиле писателя. Мы стремились разобраться

в том, как индивидуально-авторская метафора реализуется в контексте, при каких условиях occasionalное значение слова становится нам понятным в определенном словесном окружении. В нашей работе исходим в основном из положений статьи Н.В. Черемсиной "Условия контекстной реализации индивидуально-авторского значения" (РЯШ, 1969, 3).

2. К условиям реализации авторского значения слова в контексте относятся лексико-семантические, морфологические, синтаксические и линейно-интонационные условия. В нашей работе главными считаем морфологические.

Виды контекстов различаются по объему, т.е. по количеству слов, составляющих необходимый и достаточный контекст (НДК). НДК может быть минимальным (МК) и развернутым (РК).

2.1. МК существительных может быть представлен двумя видами словосочетаний: именное атрибутивное словосочетание и субстантивное генитивное. Именное атрибутивное словосочетание состоит из пересмысляемого существительного (синтаксически стержневого, семантически ключевого). Ключевое слово - показатель пересмысления метафоры: "Я завьюсь снеговой паутиной ...".

Субстантивное генитивное сочетание состоит из пересмысляемого существительного в любом падеже, которое является стержневым и контрольным, и управляемого существительного - зависимого и ключевого. Оно стоит в родительном падеже и выполняет роль несогласованного определения: "Она дарит мне перстень выги ...".

2.2. Когда метафоричным является прилагательное, то МК состоит из именного атрибутивного словосочетания, в которое входит существительное (стержневое и ключевое) и согласуемое прилагательное (зависимое и контрольное): "И встречаю тебя у порога - С буйным ветром в змеиных кудрях ...".

2.3. МК глагола состоит из пересмысляемого глагола-сказуемого (если он переходный и слабоуправляющий) и

подлежащего: "Лизнь отшумела и ушла ...". Но МК для реализации глагола может быть недостаточным, и тогда необходим РК: "И у тех, кто не знал, что прошедшее есть, что грядущего ночь не пуста - затуманила сердце усталость и муть, отверженьем скривило уста".

Определенный состав НДК имеют неросмысленные деепричастия, причастия и наречия.

3. Особое внимание привлекает тот факт, что у Блока имеются такие виды контекстов, которые не даны в работе Н.В. Черемисиной. Так, у Блока индивидуально-авторское значение получает существительное в предложном падеже с предложном В. Контекст его реализации состоит только из существительных: "И нет конца! Мелькнут версты, кручи ... Останови! Идут, идут испуганные тучи, Закат в крови". В другом случае стержневым словом в МК прилагательного и глагола является не существительное, а местоимение. В контексте оно семантически эквивалентно существительному: "Я помню нежность ваших плеч, Они застенчивы и чутки".

Более точному и максимально доступному восприятию нового окказионального значения способствует и линейно-интонационный фактор - порядок слов и расстановка ударений.

АНТРОПО- И ЗООМОРФИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(на примере народной строительной и географической терминологии)

(А. Журавлев, Москва, МГУ)

1. Метафоры антропо- и зооморфического типа как семантическая универсалия (работы Ульменна и др.).

2. Специализированные строительная и географическая (апеллятивная) номенклатуры как наиболее важные объекты метафорной экспансии лексем с исходным значением "(данная) часть тела".

3. Сходство и различия в функционировании антропо- и зооморфических метафор в двух разных терминологических сферах.

4. Сходство - в основном в наборе лексем с исходным значением "часть тела" и в дальнейшем переходящих в географическую и строительную терминологические сферы. Высокая активность одних и тех же лексем в семантической деривации (чело, лоб и др.).

5. Различия лексемного порядка (геогр. терминология: степь "спина, холка" "безлесное пространство"; стрит. номенклатура: чешуя "дощечки, плитки для кровли", жазудок "сруб в яме ледника" и др.).

6. Деривационные различия. Большая словообразовательная активность строительных терминов в связи с многообразием и разнотипностью реалий, подлежащих номинации (причелина, зачелешник, разрогувилка ...). Относительно большее число деминутивов и аугментативов в географической терминологии в связи с необходимостью различать и фиксировать величину объекта (гривка, шейка, лобще, головище ...).

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИДИОМАТИЧНОСТИ И РУССКО-ЭСТОНСКИЕ ДВУЯЗЫЧНЫЕ СЛОВАРИ

(С.А. Линдре, Тарту, ТГУ)

1. Исследование вопросов межъязыковой идиоматичности имеет большое значение с точки зрения перевода, методики преподавания языков, составления двуязычных словарей.

Определенный интерес представляет проявление

межъязыковой идиоматичности в несвободных сочетаниях (НС), при переводе которых часто возникает специфический или единичный перевод (термины Е.П. Муршель): наносить визит - *visiiti tegema*; наводить мост - *silda ehitama*; наводить краску - *värviga katma*; объявить благодарность - *tänu avaldama*.

Нами подвергнуты анализу глагольно-именные НС с глголами на букву Н, О (по I7-тому словарю) и перевод их в имеющихся русско-эстонских словарях (Вески-Арумеа, В. Мухеля).

2. НС словосочетания со специфическим (перевод, появляющийся в случаях сочетания данного глагола с определенным ограниченным кругом существительных) и единичным переводом рекомендуется в двуязычных словарях давать отдельно, с тем, чтобы четко отграничить их от основных словарных соответствий. В существующих русско-эстонских словарях перевод глагола, появляющийся только в НС, в ряде случаев дается в качестве основного словарного соответствия (обнимать мысль, умом; глазом, взором; сочетания с глаголом "обнажать").

3. В двуязычных словарях желательно также указывать семантический круг существительных, при наличии которых появляется специфический перевод НС (нагонять страху, смеху, скуку; обрабатывать стиль, язык).

4. В имеющихся русско-эстонских словарях отсутствует ряд общеупотребительных, частотных НС (объявить благодарность, выговор; опускать глаза и др.).

5. В докладе рассматриваются также некоторые вопросы более частного характера, связанные с подачей в двуязычных словарях НС, представляющих интерес с точки зрения межъязыковой идиоматичности.

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА И ИХ РОЛЬ В ПУБЛИЦИСТИКЕ

(А. Хаткин, Москва, МГПИИЯ им. М.Тореза)

1. Крылатые слова - как следует понимать этот термин, этимологию которого мы можем проследить до античных времен (Гомер "Одиссея"). Для практики речи важно не только понимание термина-названия, но- и это главное- понимание формы, значения, стилистической окраски каждого крылатого слова.

2. Крылатые слова связаны с источником - произведением и эпохой, в которую создано данное произведение, т.е. с культурно-историческим аспектом. Вот почему правильное употребление крылатых слов требует больших филологических знаний, языкового "чутья". (Ср. попали на круги своя).

3. Крылатые слова создают определенный образ, вызывающий определенные ассоциации. И хотя крылатые слова относятся к так называемым невторимым языковым явлениям (в современном, синхронном плане), их нельзя отнести к штампам или стандартам. Образность крылатых слов сохраняется (функция выразительности).

4. Крылатые слова, как правило, ограничены высоким стилем (политический контекст в публицистике). В текстах "сниженных" они приобретают ироничную или шутиливую окраску.

5. Крылатые слова связаны с проблемой культуры речи. Культурно-исторический фон, этимология крылатых слов препятствует вольным переосмыслениям, ограничивает их употребление определенной сферой. Незнание точного значения крылатого слова, его стилистических возможностей приводит к ошибкам.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ, СВЯЗАННЫЕ
ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ С ИСТОРИЕЙ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

(Н. Алексеев, Москва, МГПИИЯ им. М. Тореза)

1. Во второй половине XVIII в. знание французского языка стало для русского дворянства необходимым условием осуществления контакта с европейской цивилизацией. В процессе перевода иноязычных источников в русский язык вошло множество лексических заимствований, особенно из административной и военной французской лексики (атака, абордаж), а также слова, относящиеся к сфере светского быта (приз, резон, пассаж).

2. Постепенно важная потребность превратилась в моду на иностранные слова, что привело во второй половине XVIII в. к заимствованию даже тех европейских слов, для которых в русском языке уже имелись соответствия. Заимствование подобных слов осуществлялось чаще всего путем калькирования.

3. К концу XVIII в. под влиянием французской литературы стал складываться новый дворянский слог. Кальки, составленные из церковно-книжных элементов, уступили место более "светским" образованиям. Наряду с лексическими кальками стали возникать фразеологические калькированные обороты (принять меры - *prendre les mesures*; от всего сердца - *de tout son coeur*). Фразеологизмы с французскими словами, не выражавшими новых понятий, впоследствии либо вышли из употребления или получили стилистическое ограничение (влепить бэзе), либо сохранились до настоящего времени и играют роль дублетов русских выражений (в новом жанре - ср. в новом духе; интимный друг - ср. закадычный друг).

4. Проникшие в просторечие в искаженной форме французские слова образовали яркие по своей стилистической окраске фразеологические обороты (все в ажуре - *a'jour*; запросить прощенья - *demander pardon*).

5. Особый интерес представляют выражения, которые не являются кальками с французского языка, хотя и несут в себе бывшие французские слова (тихой сапой, фиговый листок, тянуть канитель). Так, например, во французском языке существует выражение *tortiller la cannette*, однако одного структурного и семантического совпадения французского словосочетания с русским недостаточно для того, чтобы считать русское выражение калькой с французского. При сопоставлении сходных фразеологических оборотов важно выяснить, в каком из двух языков данное сочетание слов приобрело переносное значение. Анализ употребления подобных выражений (*lourde artillerie* - тяжелая артиллерия; *être à son poste* - стоять на своем посту) показывает, что пересмысление словосочетания, его превращение во фразеологический оборот произошло в русском языке.

6. Однажды заимствованный фразеологизм (*les fonds sont en baisse*) или слово (*hasard*) могут послужить основой для образования новых фразеологических оборотов не почве русского языка, по законам русской грамматики (фонды свои поднять, золотой фонд; входить в азарт, работать с азартом - ср. работать с огоньком).

7. Пополнение фразеологического фонда за счет иноязычных выражений - существенная сторона процесса обогащения русской фразеологии. История слов убедительно показывает активную роль заимствующего языка в процессе ассимиляции иноязычных слов и выражений.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
С ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ, ОБРАЗОВАННЫМИ ОТ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЛЮДЕЙ

(Т.Н. Голицына, Воронеж, ВГУ)

1. Целью работы является выяснение отношений между компонентами словосочетаний имен существительных с именами прилагательными, образованными от существительных, обозначающих людей. Первым типом словосочетаний будет тип Д1Д1, т.е. сочетание первичных денотативных семем. Например, артистическая карьера, батрацкие депутаты.

2. Второй тип словосочетаний Д1Д2. Как видно, данное словосочетание состоит тоже из двух денотативных семем. Но различие между Д1 и Д2 в том, что семема Д1 более частотная, возникает и определяется вне контекста, тогда как семема Д2 опосредована другой семемой, но не имеет иного лексемного выражения, т.е. компонент Д2, входящий в словосочетание, понятен только при наличии ситуации. Например, врачебная тайна, боярская дума.

3. Следующий тип Д2Д1. В данных словосочетаниях прилагательные входят в такие семантические группы:

- 1) лицо по социальному положению,
- 2) родственные отношения.

Например, административный талант, богословские споры, героическая поэма.

4. Следующие примеры принадлежат типу Д2Д2. Это сочетания денотативных вторичных семем, для которых в языке нет других лексем. Например, авторское право.

5. Словосочетания типа К1Д1 представляют собой сочетания коннотативного мотивированного прилагательного и первичного денотативного существительного. Например, гимназические стишки, вдовья участь, варварские отношения. Это самый частотный тип словосочетаний.

6. Анализ устойчивости словосочетаний, начиная с первого типа, показывает, что сочетания с денотативной вторичной се-

мемой обладает большей устойчивостью по сравнению с типом Д1Д1, а с появлением коннотативности сочетания наследуемых имен прилагательных с существительными становятся фразеологизмами.

7. Словосочетания типа К1К1 тоже фразеологизмы, но в этих сочетаниях сохраняется логическая связь обеих коннотативных семем, их сочетания в целом с предметами. Например, вегетарианские убеждения, вассальная зависимость.

8. Тип К2Д2 - сочетания коннотативной семемы немотивированной со вторичной денотативной. За счет семемы К2 "фразеологическая связанность" усиливается, по сравнению с предшествующими типами. Например, вражья сила (нечистая сила, дьявол), адмиральский час (2 - ой завтрак).

В ходе работы были получены все типы фразеосочетаний. Совсем отсутствует тип К3, так как мы брали имена прилагательные, обязательно имеющие денотативную первичную семему.

9. В заключение можно сказать, что такого рода исследования имеют значение для понимания отношений во фразеосочетаниях прилагательного и существительного.

Как видно, фразеосочетания оказываются очень разными и зависят от типа сочетающих лексем. На основе таких исследований улучшается практика составления словарей, разделение значений многозначного слова, различение фразеологических и нефразеологических значений.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ ДОМ И ЕГО ЧАСТИ В РУССКОМ, БОЛГАРСКОМ
И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

(Г. Хухуни, Тбилиси, ТГУ)

1. В рассматриваемой группе слов с одним основным номинативным значением можно выделить следующие подгруппы: а) лексемы, общие всем трем языкам; б) совпадающие по форме в двух языках; в) однокоренные, но с разными словообразовательными элементами; г) разнокоренные. Среди последних отмечаются как исконно славянские слова, так и заимствования.

2. Большинство производных значений рассматриваемой группы слов во всех трех языках находятся на первой ступени производности — черта, присущая семантике языка как системе.

3. Подавляющее большинство производных значений является общим во всех этих языках, но имеются и такие значения, которые присущи только двум из них или свойственны одному языку.

4. Отмечаются случаи, когда значения, присущие в каком-либо языке одной лексеме, дифференцированы в других по нескольким словам.

5. Во фразеологизмах семантические расхождения более часты, чем в отдельных лексемах. Но и здесь в ряде случаев наблюдается тождество или большое сходство.

О ЗНАЧЕНИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ
ОБЯДОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

(на материале погребального обряда)

(О.А. Седакова, Москва, МГУ)

Из всех славянских обрядовых терминологий ни одна

не связана в столь значительной мере с археологическими проблемами, как терминология народного погребального ритуала. Ее истоки относятся еще к эпохе праславянских (дохристианских) древностей, более того — к древностям индоевропейским.

Значительные достижения советской археологической науки последних лет позволили ученым выделить ряд культур, тесно связанных со славянами или непосредственно им принадлежащих (черняховская, зарубинецкая, пшеворская и др.). Во всех этих культурах одним из ведущих показателей (признаков) являются показатели древнего погребального обряда (трупосождение, труположение, курганные, бескурганые погребения и т.п.).

Относительная немота археологических показаний заставила многих археологов обратиться к современным этнографическим и даже лингвистическим данным. Весьма характерна в этом отношении одна из последних работ Б.А. Рыбова "Нестор о славянских обычаях", где речь идет о тризне и о кзде "огненном кольце в кургане" и "жертвеннике", а также об особом виде надгробных — столпах, домовиных (ср. ряз. домовину — столп и-в. -р., карельск. домовину — столп и домовину-навес).

Более широкое распространение срубных надгробных построек с крышей, близких к рязанскому или карельскому типу, подтверждается данными лингвистической географии, ареалами слов: домовище "гроб", "курган", "омут" (арх.), домовище, в нар. песнях домовищечко (арханг. Барсов-Прочитания), домовище "гроб" (череповецк.), домовище "гроб" (ярославск., тверск.), домовине, домовка, домик "гроб" "могила" (смоленск.) и т.д.

Обращение к отдельным моментам и структуре славянского погребального обряда позволило О.Н. Трубачеву

установить родственность ст.-сл. *пѣти - пож, пити - пьж* (ср. русск. *петь-пов, пить-пью*). Такими моментами были действия славянской языческой тризны, сопровождающиеся пением и питьем поминальных напитков.

Акад. В.В. Виноградов на основании изучения обряда вторичного погребения, требующего в частности омовения вином костных останков покойника, установил происхождение известного русск. фразеологизма перемывать косточки.

Совр. русское халтура "плохая работа", "плохо выполненная вещь" этимологически восходит к белорусск. диалект. халтуры "поминки" (затем семантически "даровое угощение", "награда за легкий труд", ср. русск. "схалтурить").

Фразеологизм забить осиновый кол непосредственно связан с обрядом захоронения "заложных покойников" (по терминологии Д.К. Зеленина). Другой фразеологизм дать дуба отражает древнерусский обычай погребения в дубовых долбленых гробах ... Возможно, что такие гробы в древности напоминали ладьи, о чем говорят миниатюры из Кенигсбергского русского летописного свода и свидетельства о том, что древнерусских князей хоронили в ладьях. Ср. названия для небольшой деревянной лодки в Полесье дуб и вытесанных из дуба в форме ладьи древних полесских надгробий, до сих пор сохранившихся в отдельных деревнях - прихором (Прихором з дуба), паруб, дыжак. Ср. также смоленск. поддубана "гроб".

Задача лингвиста определить ареалы отдельных терминов погребального обряда и соотнести их с данными этнографическими и археологическими.

Попытка опереться на языковые факты была сделана еще в 70-х гг. XIX в. А.А. Котляревским, но она не дала должного эффекта из-за недостаточного числа самих лингвистических данных, равно как и данных этнографических и прежде всего археологических.

ЛЕКСИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ И СИНТАКСИС РУССКИХ МАГИЧЕСКИХ ЗАКЛЯТИЙ НА УРОЖАЙ

(О. Терновская, Москва, МГУ)

В последнее время в славяноведении обнаруживается отчетливая тенденция к взаимодействию таких дисциплин, как этнография и лингвистика. Использование лингвистических методов в работах В.Я. Проппа, В.Н. Топорова, В.И. Иванова и других для решения проблем славянской этнографии принесло определенные положительные результаты. Интересно преломляется названная тенденция в докладах ленинградской конференции 1970 г. по ареальным исследованиям. Опыт применения структурно-лингвистических методов в решении некоторых (частных) вопросов славянской обрядности и является данная работа.

В докладе анализируются речевые формулы, сопровождающие определенные обрядовые действия, связанные с обрядом завивания пожинальной бороды, который занимает центральное место среди русских урожайных обрядов.

Указанные формулы рассматриваются с точки зрения своей полноты-неполноты, а также с точки зрения связи слова и жеста, слова и действия. Кроме того, проводится анализ их ритмической и синтаксической структур, лексики, возможных структурно-семантических типов.

Географическое распространение некоторых формул, их семантика и отношение к обрядовым действиям позволяют выявить представления, лежащие в основе обряда завивания бороды и, частично, их источник.

КНИЖНАЯ ЛЕКСИКА В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ СТИЛЕ
ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА "КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА"

(А.В. Лорткенидзе, Тбилиси, ТГУ)

1. Пушкин продолжил дело Карамзина в борьбе за "новый слог" в русской литературе, за очистку русского языка от архаизирующих витиеватых оборотов, тяжелых славянизмов и ненужных заимствований, за органическую связь в литературном языке традиционных и разговорных элементов. Он убедительно доказал преимущество "нового слога" и в повести "Капитанская дочка" добился гармоничного сочетания перечисленных элементов.

2. С экспрессивно-стилистической точки зрения словарный состав книжной системы в "Капитанской дочке" сочетает пласты "высокого", книжного и официально-делового стилей.

3. Употребление в повести моделей и конструкций, сообщающих тексту некоторый книжно-письменный оттенок, может быть вызвано в равной степени как тенденцией к неопределенности в прозе первой половины XIX века, так и силой церковнославянской книжной традиции.

4. Славянизмы в повести несут стилистическую нагрузку нескольких типов, а именно: функцию приподнято-торжественного повествования и функцию пародирования.

5. Несмотря на то, что повесть принадлежит к историческому жанру, в ней наблюдается использование славянизмов как средства исторической стилизации. Повесть написана в основном на современном для Пушкина литературном языке, при этом используются и лексические анахронизмы.

6. Одутимый оттенок книжности вносят в текст часто употребляемые Пушкиным инверсионные конструкции предложений.

НЕПОЛНОГЛАСНЫЕ И ПОЛНОГЛАСНЫЕ ФОРМЫ НА
МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ "КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА"

(Д.З. Гоциридзе, Тбилиси, ТГУ)

1. "Современный русский язык и теперь содержит наполовину формы и обороты старославянской книжной речи" (А.А. Шахматов).

2. Слова с неполногласной огласовкой существуют в русском языке наряду с теми же словами с полногласной огласовкой.

3. В современном русском языке некоторые полногласные формы значительно расходятся по значению с теми же словами с неполногласной огласовкой.

4. Расхождение в значении таких слов, возможно, до некоторой степени, связано со значением переводных слов греческого оригинала.

5. Степень семантического расхождения различна. Некоторые неполногласные формы, с точки зрения современного русского языка, потеряли общность в значении с соответствующими полногласными формами и только путем этимологического анализа устанавливается это соответствие.

6. Изменение значений таких слов обогатило русский язык, помогло уточнению многих понятий.

ПРИВАТИВНЫЕ ОППОЗИЦИИ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ

(Ю.П. Князев, Ленинград, ЛГУ)

В докладе делается попытка показать наличие глубокой связи между грамматичностью и привативностью.

1. Исходные определения. Дифференциальный признак (ДП) имеет строго фиксированное строение: единство взаимопредполагающих полярных значений (Х.Пос, Р.Якобсон). Допускается, кроме того, выделение одного или нескольких промежуточных значений, не выходящих за пределы общего значения признака. Опозицией будем называть особый тип релевантного различия, обнаруживаемый между инвариантами, входящими в одну парадигму, в плане содержания которых можно выделить компоненты, совпадающие со значениями признака. Наличие опозиции и тип ее устанавливается по каждому признаку в отдельности. Опозиция называется эквивалентной, если каждое значение признака может быть выражено только одним членом опозиции. Напротив, члены привативной опозиции обладают частично пересекающимися множествами значений данного ДП, т.е. имеются такие значения признака, которые допускают двойное выражение. Можно различать два типа привативных опозиций: (1) помимо совпадающей части значений данного ДП, каждый из членов опозиции имеет и такие значения признака, которые могут быть выражены только им; (2) собственные, присущие только ему значения имеет лишь один член опозиции, все значения другого допускают двойное выражение.

2. Рассмотрим грамматическую категорию (ГК), различие между членами которой может быть описано с помощью признаков определенной выше структуры. Пусть для простоты эта категория двучленна, и мы можем ограничиться одним признаком. Грамматический характер категории означает, что для функционирования в предложении основы класса слов, для

которых эта категория определена, обязательно должны быть дополнены морфологическими показателями одной и только одной категориальной формы. В плане содержания это означает, что основа обязательно должна получить дополнительную квалификацию еще по одному признаку.

3. Могут ли при этом члены ГК иметь непересекающиеся наборы значений по одному признаку? Очевидно, нет. Обязательность и жесткость выбора форманта приходят в противоречие с реальными условиями речевого общения. Неизбежно должны возникнуть ситуации, когда признак несовместим со значением основы, или говорящий не знает, какое значение представлено у денотата, или, наоборот, он заведомо знает, что денотат обладает свойствами, соответствующими обоим значениям признака и т.п. При этом в принципе допустимы две возможности: (1) в сомнительных, неясных случаях употребляются обе формы безразлично; (2) одна из форм употребляется тогда, когда прямо и однозначно представлено соответствующее значение признака, другая — во всех остальных случаях.

Эти две возможности соответствуют двум типам привативных опозиций.

4. Ясно, что сказанное верно и для более общего случая — для ГК с любым числом членов и признаков. Члены любой ГК (исключение составляют только чисто формальные, полностью десемантизованные категории типа согласующихся категорий прилагательного и — отчасти — падежа) должны образовывать привативную опозицию по всем признакам, т.е. для каждого признака существует немаркированный член. Грамматика как *ars obligatoria* обязательно должна быть дополнена привативностью, механизмом, исключающим превращение обязательности в препятствие для общения. Привативность опозиции в морфологии является неизбежным следствием противоречия между тем, что говорящий должен однозначно квалифицировать денотат по данному признаку, и тем, что он,

разумеется, не всегда может это сделать.

5. Из сказанного вовсе не следует, что во всех этих случаях в качестве немаркированной обязательно должна выступать одна и та же форма. Полная унификация направления маркированности может отсутствовать для классификационных грамматических категорий, где часто можно выделить группы слов, для которых немаркированными будут разные формы (так, например, для одних слов, противопоставленных по роду, немаркированным является мужской, для других — женский род).

Таким образом, с простотой принципиального решения — всякая оппозиция в морфологии должна быть привативна — контрастирует простота его реального проявления.

6. Выделив признаки, по которым противопоставлены члены данной категории, можно заранее определить условия, в которых говорящий будет испытывать затруднения с выбором соответствующей формы и где, следовательно, будет употреблен немаркированный член.

Так, для противопоставления мужской — женский род, отражающего у одушевленных различие по полу "слабой позицией", будет обозначение группы смешанного полового состава. При этом, как правило, выбирается множественное число от коррелята мужского рода (медведи любят мед, овцу задрали волки), но для некоторых пар немаркированным является женский род (стара овец, стадо коз). Аналогично находятся "слабые позиции" остальных именных и глагольных категорий.

ОПЫТ ГЕНЕРАТИВНО-ДИСТРИБУТИВНОГО АНАЛИЗА ПРИСТАВОК РУССКОГО ЯЗЫКА

(Л. Кравцова, Ленинград, ЛГУ)

1. На кафедре математической лингвистики Ленинградского государственного университета проводится исследовательская работа по автоматическому обнаружению и исправ-

лению ошибок в машинописном тексте.

Обнаружение ошибок в приставках выделяется как самостоятельная задача. Предполагается построить строгий анализ, позволяющий путем выявления закономерностей в сочетаемостях согласных в приставках сократить до минимума рабочий словарь приставок. Это деле толчок к построению генеративно-дистрибутивного анализа приставок русского языка.

2. Анализ строится на основе дистрибутивных методов. Он позволяет порождать (генерировать) правильные префиксы русского языка. В результате анализа должны быть получены позиционные классы сегментов.

Под префиксом понимается начальная некорневая морфема. Список префиксов составили на основе рабочего словаря текстов. Словарь ограничен 2138 словами специального подязыка. Параллельно был составлен список наиболее продуктивных префиксов русского языка на основе "Грамматики современного русского литературного языка". Как оказалось, первый список находится в отношении включения со вторым списком. За основу анализе был взят список наиболее продуктивных префиксов русского языка в объеме 27 единиц.

3. Все префиксы русского языка можно разделить на 2 группы по числу включаемых согласных: 1) односоставные префиксы, включающие 1 консонант и 2) п-составные префиксы, включающие 2 и более консонантов. Особо нужно выделить нулевую группу — префиксы, не содержащие консонантов. Эта группа не входит в число рассматриваемых.

За единицу сегментирования префикса был принят консонант.

Основной характеристикой любого консонанта в префиксе являются его дистрибутивные свойства. Каждая приставка может быть задана суммой дистрибуций ее элементов; под дистрибуцией понимается сумма всех различных позиций элемента.

4. В процессе анализа была построена таблица позиций консонантов в префиксах. Под 0-позицией понимается предшествование гласного, I позиция - согласный, стоящий на первом месте в приставке и т.д.

0-позиция	I позиция	2 позиция
	б	з/с
	в	з/с
	д	
	з	
	н	д
	п	р/д
	р	з/с
	с	
	т	

Получены позиционные классы консонантов по дистрибуции I позиции:

I кл. = (д/т, з/с); 2 кл. = (б, в, р);
3 кл. = (н, п).

I класс - одноконсонантный, 2 класс - двухконсонантный.

Это дает основание свести 27 исходных приставок к 9 членам, объединенным в классы, что ведет к существенному сокращению рабочего словаря.

На основе полученных позиционных классов консонантов был также построен алгоритм порождения правильных приставок русского языка.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НАЗВАНИЙ ЖИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(О.Ю. Богуславская, Москва, МГУ)

Названия жителей (nomina regionalia, NR) образуются от названий населенных пунктов (ННП), используя несколько различных способов образования. Изучая материалы, собранные в "Словаре названий жителей РСФСР" под редакцией А.Н. Бабкина, мы выделили 22 вида суффиксального оформления NR. Среди них 6 продуктивных видов: -ец (Ардатов - ардатовец), -анин/-янин (Пучех - пучеханин, Кадый - кадьянин), Чанин (Курск-курчанин), -инец (Ольга-ольгинец), -овец (Любим-любимовец).

Из приведенных примеров видно, что некоторые оформители лучше считать бинамами: -ан-ин, -чан-ин, -ин-ец, -ов-ец. Тогда выделяются два суффикса (т.е. обычные двухсторонние единицы) и четыре вставки (единицы, не имеющие самостоятельного значения и служащие для оформления основ). Суффикс -ин всегда употребляется со вставками.

Выделяется небольшая группа ННП, за которыми традицией закреплены NR, образованные непродуктивным в настоящее время способом. Так житель Москвы - москвич, это NR - единственное, употребляемое в настоящее время, образовано непродуктивным способом, а образованное продуктивным способом москóвец признается сейчас неправильным.

Остальные ННП делятся на два класса. ННП первого класса содержат некоторые суффиксы и вставки из числа особо выделенных в работе (их список получен эмпирически). ННП второго класса не содержат этих суффиксов и вставок и не только с синхронной морфологической точки зрения членятся только на корень и флексию, но и не позволяют единицы (именные сегменты), по внешнему виду совпадающие с какими-либо суффиксами или вставками.

ННП первого класса используют три продуктивных способа образования NR: они присоединяют суффикс -ец без

вставок и суффикс -и со вставками -ен/-ян и -чан. ННП второго класса характеризуются как топонимы нерусского происхождения, не получившие русского морфологического оформления. В этом можно видеть причину того, что именно в этом классе ННП наблюдается разноречивость в образовании NR, существенно превосходящий колебания производства NR в первом классе.

Эту подсистему интересно сравнить с другими подсистемами заимствований, демонстрирующими, в отличие от нашей, высокую степень систематичности в словообразовании (ср., например, глаголы на -ировать).

К ВОПРОСУ О ЕДИНИЦАХ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

(О.Ю. Богуславская, Москва, МГУ)

В докладе рассматриваются принципы описания морфологии русского языка: обсуждаются, с одной стороны, задачи такого описания и замысел основных единиц, с другой стороны, возможности обнаружения таких единиц.

Во многих лингвистических описаниях присутствует, пусть в неявном виде, тезис о том, что состав морфемы постоянен. Если не вводить односторонних единиц, более крупных, чем фонема, то тезис сводится к утверждению о постоянстве фонологического состава морфемы. Последнее, как известно, неверно.

Одна из задач морфологии — предложить запись морфем, обеспечивающую единство состава данной морфемы в разных контекстах.

Принято считать, что отождествление аффиксальных морфем производится, в основном, по семантическому критерию. Последовательное проведение семантического принципа требует признания единства морфемной структуры *nomina regionalia* пластовец/Пласт/и ленинградец/Ленинград/. Однако, в плане выражения приходится признать

варьирование суффикса (-ец ~ -овец) или считать, что в пластовец 2 суффикса -ец и -ов, либо, наконец, признать варьирование основы. Сравнивая ленинградец и елебужец (Елабуга), мы должны признать во втором случае варьирование основы.

Варьирование морфем этого типа может быть устранено введением единицы плана выражения, более высокого уровня, чем фонема-морфема. Морфонема — совокупность фонем; минимальная единица, служащая для различения и отождествления морфем. Варьирование типа -ец ~ -овец в пластовец ~ ленинградец нельзя устранить таким способом. Поэтому вместо утверждения о постоянстве морфемного состава морфем предлагается тезис о постоянстве морфемного состава сегментов. Сегмент — единица плана выражения; никакой внутренней стороны у сегмента нет. Для многих морфем характерно следующее свойство: варианты морфем, представленные в морфемной записи, различаются сегментным составом, при этом часто существует сегмент, присутствующий во всех вариантах морфемы.

От глубинной записи слова производится переход к поверхностной записи при помощи специальных правил. В данном случае в качестве конечного уровня рассматривается уровень, приблизительно соответствующий уровню фонем в понимании московской фонологической школы.

Рассматривается возможность обнаружения основных морфологических единиц путем последовательного преобразования словоформ, заданных в орфографическом виде с отмеченным ударением.

НОВОЕ УДАРЕНИЕ НЕПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СЛУЖЕБНИКЕ 1570 ГОДА

(Е.А. Морозова, Ленинград, ЛГУ)

Акцентованные существительные исследуемой рукописи (из собрания Научной библиотеки им. Горького ЛГУ) описаны

ваются по трем акцентным парадигмам, которые выделяются в праславянском (Хр. Станг):
 парадигма а - колунальная барионева с акутовой интонацией корневого слога, например: баба, бабы, бабе, ... бабы, ...;

парадигма в - колунальная окситонева (неподвижное ударение на теме), например: жена, жены, женё, ... жены, ...;

парадигма г - (подвижное маргинальное ударение) чередование иктуса между корнем и окончанием с пропуском темы и нисходящей интонацией корневого слога в случае накоренного ударения (например: рука, руки, рѹце, рѹку, рѹкоу, на руку).

Рассмотрим отклонения от исконного ударения, которые представлены в рукописи.

Акцентовка непроизводных имен существительных имеет следующие особенности:

- 1) а.п. а - закономерное накоренное ударение;
- 2) а.п. в - тенденция к обобщению накоренного ударения в формах ед.ч. (независимо от долготы - краткости корневого слога) при возможности оттяжек иктуса на предлоги и достаточно регулярное ударение на корне в им.пад. мн.ч.

	ед.ч.	мн.ч.
ж.род И.		звѣзды, кости, ноши
Р.	крови, от ноши, плоти, сеѣти	с плотий, сеѣтей
Д.	плѣти, по плоти	жѣнам (при женѣмъ)
В.	звѣзду	
Тв.	крѣвию, на лѣстию, с ношью, плѣтью	крѣвѣми
М.	в ноши, в плоти, въ плѣти	

м.род И.	врагъ, грѣбъ, крѣсть рабъ, сонъ, трудъ	врѣзи, грѣбы, рабы, труды (при трудѣ)
Р.	врага, из грѣба, из грѣба, раба	от врагъ, рабъ
Д.	грѣбоу	
В.	на грѣбъ, в крѣвь	грѣхи
Тв.	грѣбомъ, рабомъ, с рабомъ	
М.	во грѣбе, на грѣбе, на крѣсте, в крѣве, о раба	
ср.род И.		лица
Д.	лицу	
М.	в лице	

В словах типа грѣбъ, трудъ с нефонетическим знаком ъ представлено закономерное накоренное ударение, перенесенное с ъ по закону Розвадовского (грѣбъ-грѣбъ).

3) а.п. с - тенденция к обобщению накоренного ударения в формах ед.ч. (независимо от долготы-краткости корневого слога).

	ед.ч.	мн.ч.
ж.род Р.	зѣмли	рукъ, слѣзь
Тв.	солю	
М.	в зѣмли (при на зѣмлі)	

м. род	Р. века (при до века, от века), гнева, дома, друга, мира, мука, рода, плода, света, снегу, от огня	бессовъ, чиновъ
--------	---	-----------------

Д.		домомъ
----	--	--------

Тв. гласомъ, гневомъ, времемъ, миромъ, плодомъ, светомъ, слухомъ, огнемъ, страхомъ (при со страхомъ)	с дары, чиньми, деньми
---	---------------------------

М. в мире, стрессе	в мирехъ
--------------------	----------

В существительных среднего рода а.п. с представлено
исключное ударение.

Таким образом, акцентировка рассмотренных слов указы-
вает на непродуктивность а.п. в (которая стала вариантом
подвижной или баритонированной а.п.) и на некоторые изме-
нения акцентной парадигмы с (в формах ед.ч. которой
наблюдается влияние баритонезы). Несмотря на архаичность
ударения, представленного в памятнике, Служебник 1570 г.
показывает достаточно последовательное русское словесное
ударение.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ И СИНТАК- СИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ГЛАГОЛЬНЫХ КОНС- ТРУКЦИЯХ

(Е.С. Зиневич, Минск, БГУ)

В каждый период в языке параллельно сосуществует ряд
функционально и семантически близких вариантных конструк-
ций, ядром которых является глагольное слово. С проблемой
нормативности синтаксических употреблений в русском языке
тесно связан вопрос о взаимодействии семантических и син-
таксических элементов в составе глагольных конструкций.

Взаимодействие семантики и синтаксиса — процесс дву-
сторонний. С одной стороны, глаголы, близкие по семантике,
стремятся к конструктивной близости, функционируя в синтак-
сически тождественных конструкциях. С другой стороны,
функциональная близость, употребление слов в одинаковом
окружении способствует их семантическому сближению.

Взаимодействие между семантическими и синтаксическими
элементами в составе глагольной конструкции наблюдается не
только в плане парадигматическом, в соотношении подобных
грамматических форм, но и в плане синтагматическом, т.е.
во взаимодействии единиц языка в речевой цепи.

В языке нет достаточно строгих критериев для опреде-
ления "правильности" или "неправильности" того или иного
речевого построения. Поэтому функционирующие одновременно
конструкции, подобные рассматриваемым в работе, имеют оди-
наковое право на существование и закрепление одной из них
в языковой системе — дело дальнейшего развития языка.

Работа построена на основании материала словаря-спра-
вочника "Правильность русской речи" /изд-во "Наука", М.,
1965/ и частично — примеров, выбранных из романа К. Симоно-
ва "Последнее лето".

КОНСТРУКЦИЯ С ГЛАГОЛОМ БЫТЬ В НАСТОЯЩЕМ
ВРЕМЕНИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С БЕЗГЛАГОЛЬНЫМИ
КОНСТРУКЦИЯМИ

/на материале "Повести временных лет"/

(Г.Н. Юшина, Воронеж, ВГУ)

1. В "Повести временных лет" употребляются конструкции со знаменательным глаголом БЫТЬ настоящего времени и безглагольные конструкции также в значении настоящего времени:
"и есть село её Ольжичи и доселе",
"Кде больнии и ниць, не могы ходити?"

Глагол БЫТИ употребляется в различных значениях.

2. Глагол БЫТЬ в настоящем времени может иметь значение "находиться". Например, "а бог есть на небеси,...", "и есть в безднѣ яко же"... то вы глаголетя,...", "Кде есть брат?", "и си сквернии язны, иже суть в горах полунощных, ...". Всего 47 случаев, со значением "находиться" возможны и безглагольные конструкции. Например, "и по Днѣпру перетсища и по Деснѣ,...", "на холмъ, кде нынѣ ветхый манастирь Печерьский", "кде нынѣ Переяславль".

Всего 11 случаев.

Значение безглагольных конструкций выявляется из структуры предложения, в которую входят наречия и предложно-падежные формы в функции обстоятельства места.

Употребление глагола БЫТЬ в значении "находиться" преобладает в частях летописи с церковно-книжным содержанием. Следует обратить внимание на то, что глагол БЫТЬ типичен для вопросительной конструкции.

Безглагольные конструкции характерны для разговорной речи, отраженной в летописи.

3. Только глагольные конструкции отмечены с глаголом БЫТЬ в значении "существовать". Например, "есть же могила его и до сего дни", "и суть и еще мужи старии" и др. Всего 14 случаев.

4. Глагол БЫТЬ может использоваться в глагольных кон-

струкциях со значением "иметься". Например, "Суть у него сынове разумиви языку словеньску", "у него же града суть златая врата", "и едина харатья есть у царства нашего" и др. Всего 20 случаев.

Безглагольных конструкций гораздо меньше, но встречаются и они. Например, "до кого ти нас жалоба?", "Кому до мене обида?" и др. Всего 6 случаев.

Значение глагола выявляется из структуры предложения; в данном случае это предложно-падежные формы с предлогами У, ДО, В, НА плюс родительный падеж со значением лица /или предмета/, которому принадлежит что-либо.

Значение, близкое к "иметься", выступает в безглагольной конструкции, указывающее на протекание времени от определенной точки отсчета. Например, "а от потопа до раздѣленья язык-лѣт 529", "От Адама же и до потопа - лѣт 2242".

5. Глагол БЫТЬ используется в "Повести временных лет" и в значении "появляться". Например, "От них же есть, иже пророка Данила, посредѣ же левъ прѣпита и".

Безглагольные конструкции, соответствующие настоящему времени, с этим значением не зафиксированы и имеются с аористом.

6. Глагол БЫТЬ может иметь значение "происходить". Например, "От них же первые сирии", "от сего суть еврѣи", "от племени бо Сифова суть еврѣи", "Тѣм же хвалиси и болгаре суть от дочерю Лотову".

7. На материале "Повести временных лет" мы проследили за употреблением глагольных и безглагольных конструкций. Глагол БЫТЬ в глагольных конструкциях используется в значениях: "находиться", "иметься", "появляться", "существовать", "происходить". Глагольные конструкции используются преимущественно в тех частях летописи, где контекст имеет церковно-книжное содержание, а также в вопросительных предложениях. Безглагольные конструкции наблюдаются в частях летописи, отражающих разговорную речь, соответствуя глаголу БЫТЬ только в значении "находиться", "иметься", "происходить". Соотношение безглагольных и глагольных конструкций ко-

О НОМИНАТИВНОМ АСПЕКТЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

(В.Б. Евтыхин, Ленинград, ЛГУ)

Характерная для современного состояния синтаксической теории все развивающаяся семантизация синтаксиса (см. Н.Д. Арутюнова. О номинативном аспекте предложения. ВЯ, 1971, № 6) ставит на повестку дня соизмеримость слова, словосочетания и предложения в их номинативном аспекте. Бесспорно, номинативный аспект предложения представляет собою относительно новую и потому не лишённую терминологической запутанности проблему. Суждения же о номинативной природе слова и словосочетания достаточно традиционны.

В советском языкознании получила широкое распространение синтаксическая концепция В.В. Виноградова, согласно которой слово и словосочетание как номинативные единицы противопоставляются предложению как коммуникативной единице. Применительно к слову можно сказать, что номинативная природа знаменательных слов неоспорима; однако и здесь можно отметить некоторые периферийные явления, составляющие исключения. Так, видимо, не обладают номинативной функцией многие разряды местоимений (я, этот, себя, некого, кто? и др.); неясна номинативная природа модальных слов (несомненно, конечно, наверное); в словах категории состояния (совестно, душно, холодно) их номинативная функция, если только она есть, подавляется их постоянным, обязательным предикативным использованием. Применительно к словосочетанию — непредикативному соединению знаменательных слов на основе подчинительной связи — номинативность представляется более проблематичной.

Прежде всего вызывает оспаривание номинативная природа словосочетаний, содержащих (необязательно в качестве господствующих) слова указанных выше разрядов, т.е. словосочетания типа моя книга, кто из вас, очень холодно, стыдно подумать. Однако главные возражения против номинативности словосочетаний должны быть связаны, как представляется, с пониманием

синтаксической сущности словосочетаний.

Словосочетание естественно понимать как модель соединения знаменательных слов на основе различных типов синтаксических связей, модель, допускающую практически бесконечное разнообразие лексического наполнения (см. правила образования словосочетаний в "Грамматике русского языка" АН СССР, т. 2, 1954, §§ 24 - 25). Из этого следует принципиальная невозможность лексикографического описания словосочетаний, что резко противопоставляет их словам.

Для предложения, в отличие от словосочетания, ирrelevantным является именно то, что составляет сущность словосочетания: предложение не обязательно должно быть сочетанием слов, оно может быть и однословным (типа Весна или Смерть). В то же время предложению свойственны свои отличительные признаки — коммуникативная направленность, предикативность, которых принципиально не может быть у словосочетания. Любое предложение и любое словосочетание (например, словосочетания типа Красное яблоко или типа Посещать на протяжении целого года три раза в неделю занятия по художественной гимнастике в спортивном зале института физкультуры), при всем бесконечном многообразии их структурных различий, четко противопоставляются друг другу на основании указанных выше признаков. Поэтому противопоставлять предложение словосочетанию как коммуникативную единицу номинативной нет необходимости. Из того, что словосочетание не является коммуникативной единицей и не характеризуется предикативностью, совсем не следует, что оно, подобно слову, является единицей номинативной. К тому же, словосочетание может быть сколь угодно сложным по структуре и многословным (как, впрочем, и предложение). Этим оно также противопоставляется слову как номинативной, хотя и с некоторыми ограничениями, единице языка. Таким образом, словосочетание в системе языка противопоставлено как номинативной единице — слову, так и коммуникативной единице — предложению. В функциональном плане словосочетание характеризуется лишь негативно — отсутствием номинативной и коммуникативной функций. В структурно — син-

таксическом плане словосочетание характеризуется тем, что представляет собой непредикативное соединение слов. Представляется, что на основании непредикативности словосочетания и вследствие недостаточно строгой аналогии со словом словосочетанию была приписана номинативная функция, совершенно избыточная для уяснения его истинной лингвистической природы.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ЗАВИСИМЫМ СЛОВОМ
- СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

(Д.К. Рапопорт, Ленинград, ЛГУ)

1. Данная работа имеет своей целью представить субстантивные словосочетания в виде базисных предложений. Базисное предложение представляет собой структуру, состоящую из репрезентанта предиката /как правило, глагольной формы/ и зависимых от него репрезентантов объектов /как правило, существительных/.

2. План исследования состоит в следующем. Исходным материалом являются простые предложения русского языка с приписанными каждому фразовыми указателями. Затем последовательным применением сингулярных трансформаций мы получаем трансформационный указатель, терминальными элементами которого будут базисные предложения. Так как составными частями фразового указателя являются совокупности узлов, связанных подчинительными отношениями /что соответствует словосочетаниям на грамматическом уровне/, то трансформационный анализ словосочетаний будет составной частью трансформационного анализа предложения. Трансформационный анализ субстантивных словосочетаний можно разделить на две основных части: анализ словосочетаний, где в явной форме задан репрезентант какого-либо предиката, и анализ словосочетаний, где такой репрезентант не задан в явной форме. В связи с тем, что конечным итогом работы должен быть набор базисных предложений,

связанных между собой в трансформационном указателе, то анализ может проходить двойным способом: или один из компонентов словосочетания трансформируется в репрезентант некоторого предиката, или двум компонентам словосочетания добавляется репрезентант какого-либо предиката. В первом случае словосочетание трансформируется в одноместное базисное предложение, во втором - в двухместное. Таким образом, задачей исследования становится формулировка трансформаций, необходимых для получения базисных предложений, /например, $S_1 t_x + S_2 t_x \rightarrow S_2 t_1 + V_{reas} + S_1 t_x$, где t_x - один из падежей/, установление порядка их применения и различных ограничений.

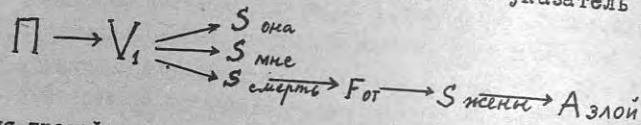
3. Одним из условий трансформируемости словосочетания в базисное предложение является наличие или отсутствие у компонентов словосочетания определенных семантических признаков, например, "мера", "ёмкость" и т.п. Подобная информация может в принципе быть задана словарно, а при наличии обширного тезауруса получена из него. Также необходима словарная информация о возможности морфологических трансформаций, например, существительного в прилагательное или глагол и т.п.

4. Рассмотрев возможности трансформационного анализа субстантивных словосочетаний с зависимым словом - существительным, мы пришли к выводу, что для представления их в виде базисных предложений достаточно тридцати трансформаций. Это свидетельствует о том, что в таких словосочетаниях присутствует не более 30 типов логических отношений между компонентами; эти отношения представляются 24 репрезентантами предикатов: /принадлежит/, /является/, /состоит из/, /относиться к/, /есть мера/, /имеет локативную связь с/, /имеет связь по направлению/, /имеет временную связь с/, /предохраняет/, /предшествует/, /быть/, /есть/, /иметь в прошлом/, /предназначается/, /отсутствует в/, /заменяет/, /отчуждает/, /является причиной/, /имеет адресатом/, /имеет отношение к/, /сравнивается с/, /содержится в/, /вместе с/, /наравне с/. Можно предполагать, что при трансформационном анализе субстантивных словосочетаний с зависимыми прилагательными,

числительными, местоимениями число подобных репрезентантов предикатов увеличивается незначительно.

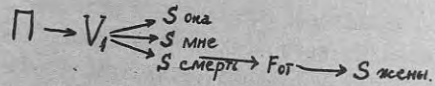
5. Рассмотрим пример получения базисного предложения из субстантивного словосочетания с зависимым существительным в составе предложения.

"Она предсказала мне смерть от злой жены". /Лермонтов, "Княжна Мэри"/ Это предложение имеет фразовый указатель

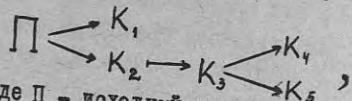
Применяя трансформацию дефиниции к узлу $S_{жены}$, получаем первое базисное предложение $\Pi \rightarrow V_{Def} \rightarrow S_{женн}$

и оставшуюся часть

Применяя теперь к оставшемуся фразовому указателю трансформацию причины, получаем второе базисное предложение $\Pi \rightarrow V_{Grb}$

и т.д. В итоге мы можем получить трансформационный указатель

где Π - исходный символ, K_1 - соответствует словосочетанию "она предсказала мне", K_2 - "она предсказала смерть от злой жены", K_3 - "смерть от злой жены", K_4 - "жена /является причиной/ смерти", K_5 - "жена /является/ злой".

6. Выделив подобным образом базисные предложения с явно заданным репрезентантом предиката, можно попытаться на логический уровень анализа языка. На этом уровне нас будет интересовать предикатно-объектный комплекс, вернее, его простейшая разновидность - предикатный квант. Представляется возможным соотнести одноместный предикатный квант с одноместными базисными предложениями, а двухместный предикатный квант - с двухместными. В этом случае наблюдается соотнесенность

разных уровней - синтактико-семантического и логического, и возможность переходов с одного уровня на другой должна стать предметом отдельного исследования.

К ВОПРОСУ О СИНТЕЗЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ

(И.М. Богуславский, Москва, МГУ)

1. За исходный уровень при синтезе принимается смысловая запись /СЗ/, существенными свойствами которой являются, в частности, использование минимальных исходных смысловых единиц, полная эксплицитность в выражении смысла и отсутствие границ между частями СЗ, соответствующими словам и предложениям.

2. Выдвигается гипотеза о существовании в модели синтеза русского текста особого механизма, обеспечивающего появление на поверхностном уровне однородных членов.

3. Этот механизм работает в два этапа:

а/ Устанавливается тот факт, что некоторые смыслы имеют определенные общие компоненты. Ср. примеры А и Б.

А. громкое и отчетливое чтение

Б. длинная медная проволока

В случае А оба прилагательных суть значения лексической функции *фон* от слова чтение /вслух/. В случае Б значения прилагательных разнородны.

б/ Обеспечиваются необходимые преобразования для выражения этой смысловой общности на поверхностном уровне /как пример А/.

4. Приводятся примеры работы указанного механизма на различных этапах синтеза:

а/ при вычленении из СЗ частей, соответствующих будущим сложносочиненным предложениям,

б/ при построении глубинно-синтаксического дерева,

в/ на этапе перефразирования глубинно-синтаксических деревьев,

г/ при переходе к поверхностно-синтаксическому дереву.

5. Отмечается факультативность этих операций: при выводе одной и той же СЗ у разных говорящих этот механизм может действовать по-разному.

6. Указывается связь этого механизма с понятием пре-суппозиции, развиваемым в рамках теории трансформационных порождающих грамматик.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НА ОСНОВЕ СТРОЕНИЯ ИХ АКТУАЛЬНЫХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(Г. Бех, Тарту, ТГУ)

Каждое предложение характеризуется определенным набором вариантов своего актуального членения, которое может быть названо актуальной парадигмой этого предложения. Согласно этому, у разных предложений актуальная парадигма может различаться. Возникает возможность классифицировать предложения по структуре их актуальной парадигмы таким же образом, как это делалось ранее на структуре формальной парадигмы.

Другой задачей, которая возникает в этой связи, является соотнесение полученной классификации с типами структурной парадигматики данных предложений. Описание такого типа предполагает вместе с тем уточнение понятия "актуальная парадигма" и исчисление альтернантов актуальной парадигмы.

Цель нашей работы можно сформулировать так:

1. Установление того, какие части речи и все варианты их сочетаний могут стать актуальным предикатом. При каких условиях и какими средствами это достигается.
2. Выделение классов предложений по структуре их актуальных парадигм.
3. Сравнение в общих чертах полученной нами классификации с формальной.

В нашей работе исследование с синтаксического уровня, как в основном принято изучать актуальное членение, мы пе-

реводим на грамматический уровень, тем самым снимая с себя обязанность учитывать контекстуальные связи. Исследование проводилось на ядерных структурах предложений, для которых, исходя из количества компонентов в ядерной формуле, были составлены принципиально возможные схемы состава актуального предиката и актуального субъекта. Каждая ядерная структура реализовалась в соответствующей схеме, что достигалось средствами актуального членения.

При этом оказалось, что любая часть речи в современном русском языке при известных условиях может нести на себе роль логического предиката. В итоге мы получили классификацию, в основу которой было положено два признака:

1. возможность или невозможность формального субъекта быть логическим предикатом;
2. возможность или невозможность субъектно-предикативного членения внутри сказуемых.

Выделено три класса, которые можно представить схематично так.

На основании I-го признака:

- а) ++ (формальный субъект может стать актуальным предикатом),
- б) +- (формальный субъект не может стать логическим предикатом).

На основании II-го признака :

- в) -- (субъектно-предикативное членение внутри сказуемого невозможно),
- г) +- (это то, что в принципе возможно, но нами не выделено: субъектно-предикативное членение внутри формального субъекта).

I класс. Полные определенно-личные структуры с глагольным и связочным сказуемым и структуры квази-местоимениями.

II класс. Варианты полных определенно-личных структур, т.е. с одним главным членом - сказуемым, и все неопределенно-субъектные структуры.

III класс. Структуры со сказуемым, выраженным квази-императивом, инфинитивом, глагольным междометием и глагольным на -

речием.

Сравнив полученную классификацию с формальной, мы находим много общих черт и приходим к выводу, что обе построены в сущности на одних и тех же принципах, но разными способами.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА - ГРАММАТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО КОММУНИКАТИВНОГО СИНТАКСИСА

(Е.Н. Пименов, Ленинград, ЛГУ)

1. В свете идей современного синтаксиса предложение является, с одной стороны, номинативной единицей языка, а с другой стороны, коммуникативной единицей речи. Предложение, рассматриваемое как комплексный знак какого-то фрагмента действительности, именуется пропозицией /Ч. Филлмор/ или пропозитивной номинацией /Арутюнова/. Предложение, рассматриваемое с точки зрения его собственно коммуникативных категорий /актуальное членение, типы предложений по цели высказывания, категории времени и модальности /вслед за Вардулем, будем называть сообщением. Конструктивными элементами пропозитивной номинации являются единицы лексической номинации /слова и словосочетания/. Синтаксические связи между словами составляют структуру предложения. Конструктивными элементами сообщения являются тема, рема и ситуационная кулиса /термин Я. Фирбаса/. Они образуют структуру сообщения.

2. К числу грамматических средств, составляющих специфику коммуникативного аспекта высказывания, относятся вводные слова модальной семантики-модальные слова. Модальные слова обозначают реальность связи признака, обозначаемого ремой, с предметом высказывания, названной темой. Оценивая реальность сообщаемого, модальные слова составляют четвертый возможный член структуры сообщения, который семантически и позиционно "подчинен" реме /Кажется, Павел пришел вчера; Кажется, Павел пришел вчера/. Этот конструктивный элемент структуры сообщения можно на-

звать модальным квалификатором.

3. В синтаксисе, ориентированном на номинативный аспект высказывания, модальные слова могут быть охарактеризованы только отрицательно. В традиционном синтаксисе они квалифицируются как слова, не имеющие грамматической связи с предложением или его членами, но связанные с предложением только семантически. Попытка определить грамматическую специфику модальных слов методами трансформационной грамматики приводит, в целом, к подобным же результатам /коль скоро при трансформациях не учитывается актуальное членение/. Вместе с тем трансформационные свойства модальных слов можно, с позиций актуального членения, интерпретировать как признаки коммуникативной значимости функции этих слов в высказывании.

4. Трансформационным методом установлены следующие свойства: /1/ Предложения с модальными словами не допускают номинализацию/ Ср. Он верно решил задачу \Rightarrow Его верное решение задачи; Он, верно, решил задачу \Rightarrow Его, верно, решение задачи/. /2/ К предложениям Он верно решил задачу и Он, верно, решил задачу по-разному применяется операция негации/ Он неверно решил задачу; Он, верно, не решил задачу/. /3/ Модальные слова не допускают трансформации распространения. Ср. Он верно решил задачу \Rightarrow Он верно решил задачу; Он безусловно верно решил задачу; Он, верно, решил задачу \Rightarrow Он, верно и быстро, решил задачу; Он, безусловно верно, решил задачу/.

Согласно /3/ модальное слово не может быть господствующим компонентом словосочетания. Модальное слово не может быть и зависимым членом словосочетания, поскольку синтаксическая подчиненность модального слова тому или иному слову в высказывании формирует не словосочетание/ элемент синтаксической структуры предложения/, а связь двух членов структуры сообщения- реме и модального квалификатора. Следовательно, модальное слово не является непосредственно составляющим ни одного члена синтаксической структуры предложения и не участвует в формировании номинативного аспекта предложения.

Недопустимость трансформации: Павел, конечно, при-

шел → Павел, не конечно, пришел, по-видимому, также объясняется коммуникативной спецификой модальных слов. Отрицательная частица не стоит, как правило, непосредственно перед ремой сообщения /Ср. Не Павел поедет в Москву; Павел не поедет в Москву; Павел поедет не в Москву/. Рему сообщения обычно составляет слово или группа слов, полноценные в номинативном отношении. Коль скоро модальные слова лишены номинативной функции, они не могут составлять рему и, следовательно, нормально перед модальным словом нельзя поместить отрицательную частицу,

Наиболее показательным является то, что предложения с модальными словами не допускают номинализации. При номинализации предложение лишается своих коммуникативных категорий: времени, модальности, актуального членения. Поскольку в полученной трансформе нет противопоставления темы и ремы, присутствие модального слова в нем становится функционально бессмысленным, и предложение становится не отмеченным /Он, верно, решил задачу → Его, верно, решение задачи/.

АНАЛИЗ СВЯЗАННЫХ ФРАЗОВЫХ СЕГМЕНТОВ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

(В. Щаднева, Тарту, ТГУ)

Исследование связанных фразовых сегментов (ф/с), сопоставление их со свободными и выявление условий их реализации подтверждают тезис о том, что традиционное предложение, изучаемое обычно в отрыве от контекста, необходимо рассматривать в двух аспектах:

- а) с точки зрения внутренних связей компонентов ф/с;
- б) с точки зрения внешних связей ф/с как самостоятельной единицы.

Внутренняя конструкция ф/с может быть охарактеризована понятиями полноты - неполноты, анализ же внешних межсегментных связей - понятиями самостоятельности (свободы) и несамостоятельности (связанности) фразового сегмента.

самостоятельности (связанности) фразового сегмента. Полнота в данной работе понимается не как наличие всех синтаксических членов предложения, а как реализация в конкретном языковом материале всех видов обязательной синтаксической связи включаемыми в предложение словосочетаниями (координация, детерминация).

В отличие от понятия полноты самостоятельность может быть определена как неизменяемость общей семантики ф/с при постановке его в изолированную позицию.

Таким образом, понятие предложения включает в себя два момента: полноту-неполноту и свободу-связанность. А это значит, что предложение может быть:

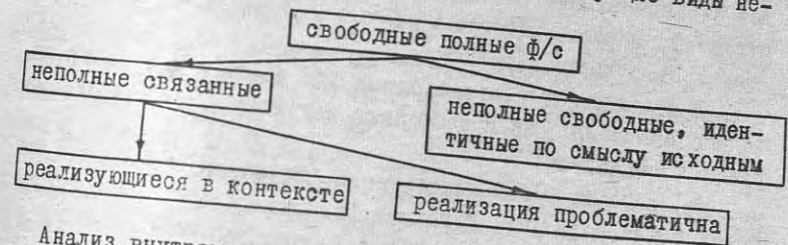
- 1. а) свободным полным;
- б) свободным неполным;
- 2. а) связанным полным;
- б) связанным неполным.

Исходным материалом работы послужили полные ф/с. Анализ их проходит как бы два этапа:

- 1. представление полных ф/с в изолированной позиции;
- 2. элидирование (опущение) одного из компонентов в определенных типах словосочетаний, входящих в состав ф/с.

Интуитивно определяемая возможность-невозможность опущения служит сигналом к отграничению свободных ф/с от связанных.

Деформация свободных полных ф/с дает следующие виды неполных:

Анализ внутреннего механизма связанности компонентов ф/с позволяет выделить три типа связанных ф/с:

типы ф/с	характерные черты ф/с
1. синтаксические	оборванность деформированной связи, а отсюда часто – бессмысленность конструкции
2. лексические	появление нового вещественного значения
3. морфологические	изменение семантики в пределах морфологической категории

Особенности каждого вида связанного ф/с имеют общий источник: опущение одного компонента ведет к нарушению синтаксической связи внутри словосочетания.

Каждый из выделенных видов связанных ф/с имеет свои подтипы в зависимости от характера словосочетания, в котором проводится элиминирование (устранение):

- а) определение + определяемое;
- б) глагол (связка) + приглагольная (присвязочная) часть;
- в) глагольное сказуемое + дополнение;
- г) глагольное сказуемое + обстоятельство.

Лексически связанные ф/с, как и синтаксические, являются результатом элиминирования основной части всех данных типов словосочетаний (за исключением опущения связочного конституента), морфологические же ф/с – результатом опущения только связочного конституента.

Деформация полных свободных ф/с ведет к появлению не только связанных, но и свободных неполных ф/с. К числу последних относятся:

- а) эллиптические конструкции (элиминирование ряда глаголов типа: схватить, говорить, ударить и т.д., элиминирование относительно некоторых обстоятельств направления движения).
- б) неэллиптические конструкции (опущение относительно

глагольной части сложного сказуемого). Элидирование конституента в последней группе производится с целью стилистической правильности.

ТИПЫ АКТУАЛЬНОЙ МЕЖФРАЗОВОЙ СВЯЗИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(И. Стельмах, Тарту, ТГУ)

1. Существует формальный межфразовый синтаксис. Соответственно возникает проблема построения актуального межфразового синтаксиса, т.е. типов связи между актуальными структурами предложений в тексте.

2. Решение данной задачи невозможно без формального метода исследования и соответственно формального критерия разграничения ядра и основы актуального членения.

Априорно можно представить три способа исследования материала в соответствии с числом существующих в языке способов оформления актуального членения: интонация, порядок слов и логическое ударение. Первые два могут варьироваться в пределах одного предложения, не оказывая существенного влияния на характер связи этого предложения с другими предложениями текста.

Универсальным, т.е. способным однозначно определить основные элементы актуального членения, является способ постановки логического ударения.

3. Предложение в изолированной позиции допускает постановку логического ударения на любом полнозначном слове. Слова, входящие в конструкции, имеющие некоторую степень стандартности, при анализе не учитываются. Это фразы типа "извольте узнать", "наилучшие пожелания".

4. Наличие ограничений в выборе актуальной структуры со стороны контекста есть показатель синтаксической связи предложения. В результате обнаруженных связей формируются межфразовые синтагмы.

5. Мы классифицируем синтагмы по характеру структурных

связей и в качестве вспомогательного признака по характеру их линейного развертывания.

6. Были проанализированы тексты различного характера. Анализ газетного текста обнаруживает примитивность актуальной организации, анализ художественного текста – богатую структуру актуальных связей.

7. Приводим примеры: 1. Монтевидео. 2. Уругвайское правительство отменило чрезвычайное положение, объявленное в стране 11 января 1971 года, вследствие похищения английского посла Джеффри Джексона членами нелегальной организации. 3. Сразу же после отмены чрезвычайного положения печать сообщила об освобождении генерального консула Бразилии Алоизиу Диаса Голиди, похищенного 31 июля прошлого года. 4. Консул был освобожден за выкуп в размере 250 тысяч долларов.

ВОЗМОЖНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
КВАНТОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕКСТЕ ПРИ АНАЛИЗЕ
ПЕРЕВОДА С ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА НА ЯЗЫК
ИСЧИСЛЕНИЯ ПРЕДИКАТОВ /лингвистический
эксперимент/

(М.Г. Арсеньева, Ленинград, ЛГУ)

1. При любом семантическом описании лингвист всегда основывается на сопоставлении естественного языка с некоторым идеализированным языком. Мы считаем, что логические языки с их точной описанной семантикой являются первыми претендентами на роль таких идеализированных моделей естественного языка.

2 В работе предполагалось провести семантический анализ расстановки кванторов при переводе с естественного языка на язык исчисления предикатов, а также проверить гипотезу о расстановке кванторов при переводе с естественного языка на логический при нулевом их выражении в теме и в реме высказывания. Перевод согласно этой гипотезе считается эталонным.

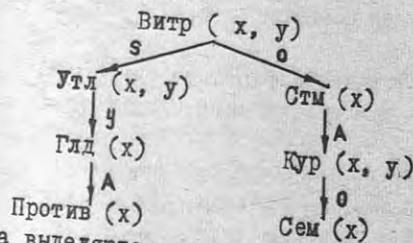
3. В качестве исходного материала было взято предложение

"псевдорусского" языка, т.е. предложение, имеющее верную для русского языка грамматическую структуру и бессмысленные лексические единицы. Сделано это было для того, чтобы при переводе и расстановке кванторов учитывалось только структурное значение переменных. Считалось, что переменные были определены заранее в некотором контексте и имеют фиксированные значения. Была составлена фраза:

Утилит противомерной глайды витрирует стемму, курантную семмону /А/.

4. Анализировались 4 способа кванторных отношений в естественном языке: нулевое выражение (1), при помощи слов некоторый (2), любой (3), каждый (4). Из предложения (А) были составлены фразы, в которых различными способами были расставлены данные 4 единицы. При расстановке накладывались некоторые ограничения. В результате было получено 53 фразы.

5. Для различения темы и ремы высказывания был использован формальный критерий – порядок слов. Отношение между членами фразы можно представить в виде дерева (согласно структуре зависимостей).

Тема и рема выделяются по отношению к предикативным и полупредикативным узлам. Все узлы поддеревьев, которые в линейном порядке предложения расположены левее данного предикативного (полупредикативного) узла, составляют тему высказывания; узлы правых поддеревьев – реме. Предикативный узел включается в реме. Изменив порядок слов в предложении, мы таким образом, меняем тему и реме высказывания. Получаем предложение (Б).

Стемму, курантную семмону, витрирует утилит противомерной глайды.

6. Гипотеза о реме — реме заключается в следующем: при нулевом выражении первичных кванторов для переменных с первичным вхождением в тему высказывания вырабатывается квантор всеобщности, а для переменных из ремы — квантор существования. Кванторное слово некоторый обрабатывается как нулевое выражение.

7. Всего было получено 121 предложение. Они были предложены для перевода на язык исчисления предикатов членам семинара Н.А. Шанина по математической логике в Институте математики им. Стеклова. При анализе считалось, что каждое предложение логик-математик переводит верно.

8. В результате анализа данных эксперимента были сделаны следующие выводы:

1. Гипотеза о реме — реме в ряде случаев подвергается сомнению, но она не получила, по нашему мнению, явного опровержения.

2. Неправильные (по сравнению с эталонным переводом) переводы объясняются следующими причинами:

а) информанты считают, что некоторые переменные были определены в предыдущем контексте, т.е. в данной фразе их вхождения непервичные.

б) в некоторых случаях информанты считают элементы высказывания функторами или предикатами, для которых справедлива теорема о единственности.

в) слово некоторый, вероятно, не является эквивалентным нулевому выражению квантора. Следует обратить внимание на употребление слова некоторый при прямом дополнении в начале фразы.

КОНСТРУКЦИИ С ОБРАЩЕНИЕМ В ЯЗЫКЕ РОМАНТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГОРЬКОГО

(А.Н. Ларионова, Ленинград, ЛГУ)

1. Линия революционного романтизма в русской литературе удачно представлена Горьким. Его романтизм был вызван энту-

зиазмом российского пролетариата, поднявшегося на решительную и победоносную борьбу с вековыми угнетателями. "Право же настало время нужды в героическом: все хотят возбуждающего, яркого, такого, знаете, что бы не было похоже на жизнь, а было выше ее, лучше, "красивее", — писал Горький. В его романтических произведениях звучит и гневное обличение, и страстный призыв. Романтические образы исполнены силы и мужества, страстного негодования и большой самоотверженной любви, жажды борьбы и гордого призыва к свободе. Герои погибают, но их гибель озарена предчувствием победы того дела, во имя которого они сложили свои головы.

2. Для романтических произведений Горького характерны устремленность к возвышенному и прекрасному, лиризм и патетика, смелый полет фантазии, яркость языка. Особенности горьковской художественной речи в высокой насыщенности олицетворениями, тропами, яркими эпитетами. Тесна в романтических произведениях связь с фольклором. Для языка данных произведений характерно и обилие отвлеченных понятий. Особое место, например, в них занимает символика солнца. Стремление писать ярко подчинено художественному замыслу, вытекает из общей идейной направленности романтических произведений.

3. Горький стремится показать внутренний мир своих героев создать их яркие, запоминающиеся образы. Речь является одним из способов характеристики героев. Это особенно показательное в диалогах. Диалогическая речь и является основной областью употребления обращений. В речи романтических горьковских героев звучат обращения, относящиеся к конкретному лицу: "Славно, дочка! Ты славную долю выбрал себе, сокол! Эх ты, миленький!" Часто, что характерно именно для романтических произведений, используются обращения к неодушевленным предметам: "Мой старый, добрый, чудный лес! Степь родная!" и т.д. Используются обращения и в качестве призывов.

4. Среди обращений романтических произведений необходимо выделить предложения-обращения, или, как их называют "вокативные предложения". Они, кроме названия адресата речи, своей интонационной структурой способны передавать собесед-

нику мысли, чувства, волеизъявления и, следовательно, выполнять коммуникативную функцию.

При помощи обращений автор выражает различные отношения к героям. Для этого используются обращения качественно-характеризующего значения. Они сочетаются с местоимением 2 лица "ты". Обращения эти имеют разнообразные оценочные значения: пренебрежительное, уменьшительно-ласкательное, фамильярное.

Особую группу в романтических произведениях составляют обращения, при которых есть междометия. Они тоже придают обращениям различные оттенки: сожаление, горечь, умиление, восторг.

Близки к обращениям и конструкции с побудительной частью "бу". В них нет прямого обращения, но интонация обращения звучит отчетливо. Для смягчения приказа часто вводится частица "-ка".

Цели, в связи с которыми в романтические произведения вводятся обращения, разнообразны. Одни обращения выступают как предостережения, заставляют героев прислушаться, иные побуждают к действию. Богата и своеобразна интонация таких конструкций.

Разнообразны и способы выражения обращений, употребленных Горьким.

5. Разнообразные структурно-функциональные типы обращений, используемые в лирических беседах, диалогах, способствуют раскрытию романтического горьковского героя.

ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СЕМИОТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И.С. ФАТЕРА

(П.А. Клубков, Ленинград, ЛГУ)

Открытие сравнительно-исторического метода в начале XIX века означало переход языкознания на новые пути. Тем самым старые пути оказались заброшенными, и многие задачи, ставившиеся предшествующим языкознанием, законсервированными. Одной из этих задач была задача описания языка с точки зрения общей теории знаков (семиотики). И термин и проблематика ожили только в XX веке, когда интересы исследователей вновь обернулись к описательной лингвистике. Это создало иллюзию абсолютной новизны семиотических идей. Между тем, как уже отмечалось в ряде работ, "за спиной семиотики стоит пока еще мало изученная, но солидная философская традиция", восходящая едва ли не к античности.

Однако разработка семиотических идей велась не только философами, но и лингвистами. Одной из интереснейших фигур среди этих последних является Иоганн Северин Фатер (1771 - 1826), профессор теологии и восточных языков в Иене, Галле и Кенигсберге, известный в истории языкознания главным образом как редактор И.Х. Аделунга по "митридату" и как автор грамматики русского языка (*Praktische Grammatik der russischen Sprache*, 1808), заслужившей высокую оценку современников. Знаток множества языков (автор работ по немецкому, древнееврейскому, русскому, польскому, самоедскому и другим языкам), Фатер всегда был на уровне новейших достижений лингвистической науки своего времени и вполне может рассматриваться как один из крупнейших представителей языкознания конца XVIII - начала XIX века.

Вопросы общего языкознания занимали Фатера главным образом в начале его лингвистической карьеры. Так, в вышедшем в 1801 году "Опыте всеобщей грамматики" (*Versuch einer allgemeinen Sprachlehre, Halle*) мы находим достаточно стройное и последовательное изложение основ лингвистической теории. Наиболее интересным с историко-семиотической точки зрения является

третий раздел книги "О понятии и обосновании всеобщей грамматики". В нем рассматриваются вопросы, связанные со знаковой природой языка, и указывается на применимость результатов семиотики к языку, "поскольку звуки являются знаками" (Ver-such...s.140).

В докладе анализируются общелингвистические и семиотические воззрения Фатера в сопоставлении с взглядами его предшественников и современников (таких как Дж. Локк, Г.В. Лейбниц, Э.Б. Кондильяк, А.Ф. Бернгарди, И.Г. Гердер).

ОПЫТ ДВУЯЗЫЧИЯ В ДЕТСТВЕ

(И. Паперно, Тарту, ТТУ)

С мальчиком с первых месяцев отец разговаривал только по-английски, а мать только по-русски, и третий человек на обоих языках. Начав говорить года в два, к трем годам ребёнок овладел обоими языками не хуже своих одноязычных сверстников. Оба языка получены прямым путем и одновременно — у ребёнка два родных языка, равноправных. Они находятся в постоянном взаимодействии и испытывают влияние друг друга, проявляющееся в интерференции.

Интересно, что мальчик не только равноценно вырезает себя в обоих языках, но легко (и литературно) переводит: "and no more" — "и все, "и больше ничего", "хватит", "Так-с" — "Come on", "Don't bother me" — "оставь меня", "оставь", "отстань", "не мешай мне" ... То есть между языками существует система соответствий, но не однозначных.

Дело в том, что ребёнок 2-3 лет, овладевающий языком, мыслит образами до языка и вне языка. Двужычная речь это показывает.

Слушая в 2,5 года впервые английский перевод сказки Курочка Ряба, хорошо известной ему в русском варианте, мальчик объяснил, что "to lay an egg" означает "to give", хотя слышал выражение впервые. То есть он сопоставлял текст с уже слышанным, а слышал по-русски, — значит речь хранит в образах.

В присутствии ребёнка кто-то ошибся и назвал кость из компота "bone". Мальчик исправил: "That's no bone, that's — косточка". Образ косточки доминирует над словом, потребность выразить его заставила обратиться к другому языку; то, что он не разделил языков, говорит о первичности образа. (И "bone" и "stone" по-русски "косточке").

Ребёнок объединяет языки, когда известных ему средств выражения в одном языке не хватает (местоимение "ты" в английской речи).

Несомненно, что к 2,5 годам ребёнок ясно сознает свое двуязычие и грамотно разделяет языки. Выбор языка определяется речевой ситуацией (собеседник, тема, язык обращения).

Двуязычное образное мышление проявляется и при однопозычном (английском) чтении. Мальчик читает с 2,5 лет - опознает слова, не зная букв. Слово подписывается под картинкой или несколько раз называется. К трем годам опознает около сотни слов, и иногда путает: I - Me, Tea - Water, Pie - Cake (смежные образы), т.е. тоже запоминает слово (зрительно) по отношению к первичному образу.

Ребёнок, как поэт, мыслит образами и создает для их выражения язык; совершая всякий раз заново работу, уже проделанную человечеством, он проходит в ней те же этапы, что и язык в историческом развитии. Постепенно образное мышление порабощается языком.

Принципиальное отличие мышления взрослого билингва состоит в образовании в сознании третьей системы, включающей полный набор признаков обоих языков; она может быть использована для характеристики отношений между ними.

На начальном этапе двуязычия две системы оппозиций частично смешиваются, что проявляется в интерференции - вхождении языков друг в друга со взаимной деформацией.

Вопреки ожиданию наиболее проницаемой оказалась не слабо систематизированная лексика, а структурный грамматический строй языка; вероятно, потому, что он более связан с мышлением.

Грамматическая интерференция направлена от английского к русскому ("Я хочу ты посадить меня сюда", "Я горячий" вместо "Мне жарко" - "I am hot"; "Дай я чай" и т.д.), точнее от синтетизма к аналитизму (ибо и в

английской речи "I apple" означает "Му..."). Это можно объяснить не только общей тенденцией интерференции к упрощению, но и стремлением ослабить противопоставленность синтаксического и логико-грамматического уровня предложения, которая в аналитических языках меньше из-за слабой морфологизации членов предложения.

Велика семантическая интерференция: "где?" вместо "куда?" - "where"; "зачем" вместо "почему" - "why"; "попробовать", а не "примерить" - "try"; "види" вместо "смотри" - "see"; "пуговица" как кнопка звонка - перенос омонимии -button. Противоположное влияние: "car" - пишущая машинка и "give me sit down" вместо "let ..." - от "дай".

Интерференция вызвана стремлением установить несуществующие взаимоднозначные соответствия между языками и со временем ослабевает, уступая свободному переключению от системы к системе.

Под влиянием речи ребёнка в семье установилось подвижное двуязычие.

О влиянии двуязычия на характер и внеязыковое поведение говорить пока трудно. Но у двуязычного ребёнка, а потом взрослого, мышление имеет большую самостоятельность от языка, независимость в какой-то мере. И язык воспринимается как вспомогательный механизм - уже в детстве можно говорить о лингвистическом знании языка.

При таком понимании двуязычие не противоречит гипотезе Сепира-Уорфа (как часто кажется исследователям), даже не сводясь ни к "чистому билингвизму" Шербы (две системы ассоциаций, не имеющие контакта), ни к одному языку с двумя терминами.

Двуязычие разрывает "круг Гумбольдта", в который мы заключены; различие языков ведет не только к связывающему явлению интерференции, но и к пониманию простора и ограниченности понятия, легких очертаний языка, тонких оттенков значения.

ЗАНИМАТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЭСТОНСКОЙ ШКОЛЕ

(Л. Еланская, Тарту, ТГУ)

1. В современной дидактике исключительно важным является вопрос о стимулировании усвоения иноязычной речи учащимися. Психология доказывает, что наиболее прочный навык вырабатывается при осознанном интересе к предмету.

Как показывает эксперимент, проведенный на III этапе педагогической практики, интерес зависит не только от содержательной стороны, но и от внешнего оформления учебного материала, от методики подачи этого материала, от его проблемности.

Об оптимальном учебном продвижении учащегося можно говорить, если высокий, средний или низкий уровень развития способностей сочетается с максимальным уровнем работоспособности: с трудолюбием, прилежанием, желанием учиться.

Высокий уровень работоспособности, как правило, свидетельствует о наличии внутренних стимулов к усвоению, о наличии интереса к предмету.

Интерес подросткового возраста характеризуется потребностью в разнообразии деятельности. (Принцип интереса, однако, нельзя рассматривать односторонне: не все темы могут быть одинаково интересны). Как показывает эксперимент, интересы учащегося меняются с возрастом и это необходимо учитывать. Однако следует отметить, что познавательный интерес не имеет четких возрастных границ, и здесь немаловажную роль играют такие факторы, как направленность коллектива, формирование в нем внутриколлективных связей, а также отношение к учителю, к труду, к жизни.

Что же характеризует занимательность? Занимательный урок — это, как правило, интересный урок (если цель

достигнута), но интересный урок в широком смысле этого слова не обязательно должен быть занимательным. Таким образом, занимательные уроки ставят своей целью заинтересовать, активизировать, привлечь внимание учащихся внешними средствами к подаче серьезного материала.

2. Нами был составлен сборник занимательных упражнений для учащихся средних классов (У-УШ классы). При составлении упражнений мы исходили из программных требований указанных классов, из основных требований советской дидактики, а также из возрастных особенностей учащихся.

Упражнения в сборнике сгруппированы отдельно для каждого класса.

Так как задания нацелены на активизацию грамматического материала, мы ограничились программной лексикой. Экспериментальная проверка составленных нами занимательных упражнений показала, что сборник упражнений себя оправдал и может быть использован в качестве дополнительного материала к учебнику.

ГРУППОВАЯ РАБОТА КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

(Л. Креэгиметс, Тарту, ТГУ)

1. Интерес к теории и практике групповой работы объясняется дидактическими и воспитательными достоинствами разных ее форм, изложенными в исследованиях ряда ученых как у нас, так и в странах социализма (Оконь, Флеминг, Лийметс и др.).

2. Сущность групповой работы рассматривается различными авторами по-разному. Групповая работа характеризуется рядом внешних и внутренних признаков во взаимосвязи, из которых, на наш взгляд, определяющими являются:

в русском языке	219
<u>М.Арсеньева</u> (ЛГУ). Возможность семантической интерпретации кванторных отношений в тексте при анализе перевода с естественного языка на язык исчисления предикатов	220
<u>А.Дарионова</u> (ЛГУ). Конструкция с обращением в языке романтических произведений Горького	222
<u>П.Клубков</u> (ЛГУ). Общелингвистические и семиотические взгляды И.С.Фатера	225
<u>И.Паперно</u> (ТГУ). Опыт двуязычия в детстве	227
<u>Д.Еланская</u> (ТГУ). Занимательность как средство активизации учащихся на уроках русского языка в эстонской школе	230
<u>Л.Крезгимец</u> (ТГУ). Групповая работа как один из путей повышения эффективности обучения русскому языку	231
<u>В.Шерипов</u> (ТГУ). Алгоритмизация как средство повышения познавательной активности при обучении русскому языку	233

МАТЕРИАЛЫ

XXXII научной студенческой конференции
Литературоведение. Лингвистика.
На русском языке
Тартуский государственный университет
ЗССР, г. Тарту, ул. Вликооли, 18
Ответственные редакторы: Е.И. Гурьева,
Х.Я.Пак, И.С.Рейфман.

Ротапринт ТГУ 1972. Подписано к печати 27/III-1972 г.
Печ. листы 15,13 (условных 13,07). Учетн.-издат.
листов 10,1. Тираж 300 экз. Бумага 30x42. 1/4.
МВ 00397. Зак. № 407.
Цена 70 коп.

а) организация работы в небольших группах, наличие четкого плана работы;

б) взаимная зависимость учащихся при выполнении заданий;

в) наличие внутреннего стимула для работы.

3. Связь групповой работы с проблемным обучением и индивидуализацией создает наиболее благоприятные условия для использования ее на уроках русского языка.

4. Группы могут быть скомплектованы с учетом учебных возможностей, темпов работы или же на основе взаимной расположенности учащихся.

5. Задания для групповой работы могут быть разными или общими.

6. Структура урока при групповой работе сводится к следующему:

а) постановка проблемы и цели работы;

б) постановка частных проблем и задач;

в) групповая работа;

г) обсуждение результатов групповой работы;

д) подведение итогов работы.

7. Групповая работа в целях изучения русского языка может быть организована как на основе текстов для чтения, так и грамматического материала.

8. Групповая работа предполагает определенный уровень организационных навыков, а также владения практическим языком.

Поэтому применение групповой работы оправдывает себя, как представляется, начиная с седьмого, восьмого классов.

9. В ходе педагогической практики нами был использован прием групповой работы на материале чтения и грамматики в седьмом классе X средней школы города Тарту. Результаты работы будут изложены в докладе.

АЛГОРИТМИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

(В. Шерипов, Тарту, ТГУ)

Одной из важнейших задач педагогики является проблема управления мыслительными процессами учащихся. Оптимальное управление процессом можно получить лишь тогда, когда процесс расчленен на элементы, шаги, выявлена их взаимосвязь, точно и однозначно определены исходные, промежуточные и конечные стадии процесса и те воздействия, от которых зависит то или иное его протекание и регулирование. Кто из нас не умеет разделить, например, 333 на 3. Между тем как часто не умеем правильно расставить знаки препинания в более или менее трудном предложении (особенно с союзами и, как и в ряде других случаев).

Не зная предписания о выполнении в определенной последовательности (в каждом конкретном случае) элементарных операций, мы часто действуем по интуиции, что приводит к большому числу ошибок... Иными словами, мы не знаем алгоритма решения данных грамматических задач. Понятие алгоритма возникло в математике. Под алгоритмом обычно понимают точное общепонятное предписание о выполнении в определенной последовательности элементарных операций (из некоторой системы таких операций) для решения любой из задач, принадлежащих к некоторому классу.

Пока обучение вел только человек-учитель, еще можно было ограничиваться приблизительными описаниями, рекомендациями. Учитель на основе интуиции и опыта определял эффективность средств обучения и изменял их структурные соотношения. Теперь же встает задача - перейти от интуиции, искусства к науке, формальному описанию процесса обучения.

Если бы учащиеся владели грамматическими алгоритмами подобно тому, как владеют арифметическими алгоритмами,

то процессы решения грамматических задач в принципе не отличались бы от процесса решения задач, например, на деление двух чисел (ясно, что и количество и состав этих операций неодинаковы). Важно, однако, что применение алгоритма к решению грамматической задачи приводило бы к правильному ответу с такой же необходимостью, с какой применение алгоритма деления двух чисел приводит к получению правильного частного. Следует ли, однако, специально обучать учащихся умственным операциям, не достаточно ли того, что они изучают грамматические правила? Анализ структуры грамматических знаний показывает, что мыслительные процессы, кажущиеся на первый взгляд простыми, на самом деле являются сложными, расчленяющимися на значительное количество операций.

Если бы это было не так, то для грамотного письма достаточно было бы простого знания грамматических правил и в школе не было бы неуспевающих. Чем сложнее та или иная система операций, тем важнее ей специально учить, тем труднее овладеть этой системой операций при отсутствии такого обучения. До настоящего времени в практике педагогов господствует мнение, что учащиеся должны неосознанно усваивать логические методы, алгоритмы решения различных задач. Уровень развития психологии и логики еще недавно был таким, что создать научно обоснованную общую теорию обучения системам умственных операций, в частности, алгоритмам мыслительной деятельности, вряд ли было возможно. Теперь же, благодаря новым идеям, возникшим в психологии, логике и кибернетике, ставится вопрос о создании такой теории является необходимостью. Подобно тому, как знание грамматических правил нужно не ради самих правил, а ради грамотного письма, так и знание учащимися алгоритмов нужно не ради самих алгоритмов, а ради овладения правильными способами действий. Структурно-операционный подход к изучению русского языка должен привести к построению рациональных алгоритмов обучения, к повышению познавательной активности при обучении

русскому языку, к разработке способов определения оптимальных систем обучающих операций.

В докладе будут приведены некоторые возможности использования алгоритмов в практике преподавания русского языка.

О Г Л А В Л Е Н И Е

I. Фольклор, история русской, советской литературы и литературы народов СССР.

А. Байбурин, Э. Либман (ТГУ). Монолог и диалог в народной драме 5

А. Гура (МГУ). Поэтическая терминология действующих лиц севернорусского свадебного обряда 6

А. Байбурин. (ТГУ). К описанию структуры русского свадебного обряда 10

Е. Тарасова (Смоленский ПИ). О смоленских причитаниях 12

Е. Тарасова (Смоленский ПИ). Смоленские причитания в сопоставлении с другими типами восточнославянской причеты 15

Ю. Мельников (МГИАИ). "Русский временник" и летописные традиции XVI века 18

Е. Дущечкина (ТГУ). К вопросу о специфике построения жития протопопа Аввакума 24

В. Козлов (МГИАИ). К. Ф. Калайдович и древнерусская литература 23

А. Майорова (МГИАИ). В. Ф. Ржиги и его работы по истории русской литературы XVI века 27

О. Петрова (МГИАИ). Генеалогия и поиск материалов по русской литературе 29

И. Дущечкина (ТГУ). Отражение культуры и истории древней Руси в сознании и творчестве А. Н. Радищева 32

Л. Петина (ТГУ). К проблеме неоклассицизма в русской литературе начала XIX века 34

Л. Киселева (ТГУ). М. М. Сперанский в зеркале русской публицистики и художественной литературы.. 37

К. Кумпан (ТГУ). Проблема "запад - восток" в русской литературе 40-х гг. в плане историко-литературных традиций 41

И. Смирнова (МГИАИ). "Записки А. О. Смирновой" как источник по истории русской литературы 20-х - 30-х гг. XIX века 45

Т. Горелик (ЛПИ им. Герцена). "Дворянское гнездо" И. С. Тургенева как роман 60-х годов 48

И. Гамбург (СГУ). А. П. Скафтымов о жанровых особенностях романа Н. Г. Чернышевского "Что делать?" 51

Н. Попов (СГУ). Федор Карамазов - Порфирий Головлев. Концепция развития 58

И. Газер (ТГУ). Ф. М. Достоевский о фантастическом реализме 55

Ю. Шумакова (ЛГУ). Неизданные материалы к трагедии В. Брюсова "Протесилай умерший" 58

С. Гречишкин, А. Лавров (ЛГУ). А. Блок и "Черевал" 61

Е. Петухова (ЛГУ). Неопубликованные научно-фантастические рассказы В. л. Брюсова 66

С. Кульяс (ТГУ). Творчество Леонида Андреева в оценке символистов 69

Л. Флейшман (латв. ГУ). Первый год "Центрифуги" 71

Л. Флейшман (латв. ГУ). "Центрифуга" и В. Маяковский ... 73

Ю. Гельперин (НИИС). О поэтическом наследии В. К. Шилейко 76

Р. Тименчик (латв. ГУ). "Анаграммы" у Ахматовой 78

<u>К.Исупов</u> (Донецкий ГУ). "Время", "миф" и "игра" в прищивинской теории "творческого поведения" ..	80
<u>Л.Демьяненко</u> (Стерлитамакский ПИ). О семантической перестройке слова в поэзии С.Есенина	83
<u>В.Вульф</u> , <u>Г.Панченко</u> (Таллинский ПИ). К вопросу о литературных источниках поэмы В.В.Маяковского "В.И.Ленин"	85
<u>Н.Яценко</u> (КГУ). Записные книжки Александра Довженко и киноповесть "Украина в огне"	87
<u>Л.Киселева</u> (ТГУ). Традиции В.Г.Белинского в литературной критике и современность	90
<u>А.Тоотс</u> (ТГУ). О переводе повести А.Валтона "Лебединое болото"	92
<u>А.Мальтс</u> (ТГУ). Русско-эстонские литературные связи 1920-1930-х гг. и журнал "Дооминг"	94
<u>Э.Сагоян</u> (ТГУ). К проблеме ранней лирики Е.Чаренца....	95
<u>М.Ребане</u> (ТГУ). В.Г.Короленко и Эстония	96

II. Теория литературы. Стихотворение.

<u>Е.Душечкина</u> (ТГУ). Художественная функция чужой речи в русском летописании	102
<u>И.Чернов</u> (ТГУ). Проблема барокко	104
<u>Г.Левинтон</u> (ЛГУ). "Литературные влияния"	106
<u>Е.Орлов</u> (Донецкий ГУ). О сущности вторичной ритмизации в прозе	110
<u>В.Авцен</u> (Донецкий ГУ). Опыт сравнительной характеристики двух прозаических произведений XVIII века	113
<u>Г.Левинтон</u> (ЛГУ). К проблеме литературной цитации	114

<u>И.Паперно</u> (ТГУ). Двуступенчатая организация текста ...	118
<u>Л.Иванова</u> (Стерлитамакский ПИ). К проблеме реальной и метафорической дороги в системе поэтики Го-голя	121
<u>М.Левин</u> (ТГУ). Цикл новелл и роман	124
<u>Л.Ляпина</u> (ЛГУ). Проблема лирического цикла и поэзия А.А.Фета	126
<u>Н.Охотин</u> (МГУ). Замечания о поэтической грамотности...	128
<u>М.Лотман</u> , <u>С.Рейфман</u> (ТГУ). Опыт функционального описания строфики	131
<u>С.Шахвердов</u> (ТГУ). Строфика	135
<u>Р.Папаян</u> (ТГУ). К проблеме повторов в стихотворном тексте	137
<u>Р.Папаян</u> (ТГУ). Из проблематики русско-армянского поэтического перевода	142
<u>С.Матяш</u> (ЛГУ). Метрика В.А.Жуковского	144
<u>М.Лотман</u> (ТГУ). Способы метрической организации стиха в русской поэзии XVIII-XX вв.	149
<u>Л.Маллер</u> (Смоленск. ПИ). К описанию семантической структуры лирики	152
<u>И.Шескина</u> (ТГУ). Опыт изучения "модели интереса" в старших классах эстонской школы	156

III. Лингвистика.

<u>С.Сосновицкая</u> (ЛГУ). К уточнению понятия позиционного чередования	160
<u>Л.Рудницкая</u> (Вильнюс. ГУ). Некоторые особенности акустической характеристики безударных гласных современного русского языка	162
<u>Т.Березовская</u> и др. (МПИЯ им.М.Тореза). Акустическая характеристика смыслового членения вопроса в русском языке	163
<u>И.Лапидус</u> (ЛГУ). К распределению акцентных парадигм в древнесеверных говорах	165

<u>И.Лapidус</u> (ЛГУ). Отражение новоакутовой интонации в древнерусском ударении	166
<u>П.Пунга</u> (ТГУ). К вопросу развития аканья в русских говорах северного Причудья	167
<u>М.Феклистов</u> (ТГУ). Отражение второго полногласия в говоре острова Пийрисаара	168
<u>С.Тийдеберг</u> (ТГУ). Из наблюдений над простыми количественными числительными в русском говоре Ййзаку Эстонской ССР	171
<u>Л.Алекина</u> (ЛГУ). Лингвогеографическое членение территории Карелии	172
<u>А.Корниенко</u> (ЛГУ). Генеративный анализ словообразовательных синонимов	175
<u>Н.Лапнина</u> (Воронеж. ГУ). Типы контекстов для реализации метафор	176
<u>А.Журавлев</u> (МГУ). Антропо- и зооморфические метафоры в русском языке	178
<u>С.Линдре</u> (ТГУ). Некоторые вопросы межъязыковой идиоматичности и русско-эстонские двуязычные словари	179
<u>А.Хаткин</u> (МГПИИЯ им.М.Тореза). Крылатые слова и их роль в публицистике	181
<u>Н.Алексеев</u> (МГПИИЯ им.М.Тореза). Фразеологические обороты, связанные по происхождению с историей русско-французских взаимоотношений	182
<u>Т.Голицына</u> (Воронеж. ГУ). Семантический анализ устойчивых словосочетаний с именами прилагательными, образованными от существительных, обозначающих людей	184
<u>Г.Хухуни</u> (Тбилиси, ГУ). Сравнительный анализ слов, обозначающих дом и его части в русском, болгарском и польском языках	186
<u>О.Седакова</u> (МГУ). О значении изучения древнерусской обрядовой терминологии	186
<u>О.Терновская</u> (МГУ). Лексика, фразеология и синтаксис русских магических заклятий на урожай	189

<u>А.Лорткипанидзе</u> (Тбилиси, ГУ). Книжная лексика в повествовательном стиле повести А.С.Пушкина "Капитанская дочка"	190
<u>Д.Гоциридзе</u> (Тбилиси, ГУ). Неполногласные и полногласные формы на материале повести "Капитанская дочка"	191
<u>Ю.Князев</u> (ЛГУ). Привативные оппозиции и грамматические значения	192
<u>Л.Кравцова</u> (ЛГУ). Опыт генеративно-дистрибутивного анализа приставок русского языка	194
<u>О.Богуславская</u> (МГУ). Словообразование названий жителей в современном русском языке	197
<u>О.Богуславская</u> (МГУ). К вопросу о единицах морфологического описания	198
<u>Е.Морозова</u> (ЛГУ). Новое ударение производных имен существительных в служебнике 1570 года	199
<u>Е.Зиневич</u> (БГУ). Взаимодействие семантических и синтаксических элементов в глагольных конструкциях	203
<u>Г.Юшина</u> (Воронеж. ГУ). Конструкция с глаголом <u>быть</u> в настоящем времени в сопоставлении с безглагольными конструкциями	204
<u>В.Евтюхин</u> (ЛГУ). О номинативном аспекте словосочетания	206
<u>Д.Рапопорт</u> (ЛГУ). Трансформационный анализ русских субстантивных словосочетаний с зависимым словом-существительным	208
<u>И.Богуславский</u> (МГУ). К вопросу о синтезе предложений с однородными членами	211
<u>Г.Бех</u> (ТГУ). Классификация предложений на основе строения их актуальных парадигм в современном русском языке	212
<u>Е.Пименов</u> (ЛГУ). Модальные слова - грамматическое средство коммуникативного синтаксиса	214
<u>В.Шаднева</u> (ТГУ). Анализ связанных фразовых сегментов русского языка и их классификация	216
<u>И.Стельмах</u> (ТГУ). Типы актуальной междфразовой связи	